

Федеральное государственное образовательное учреждение
высшего образования
«Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова»

На правах рукописи

Мерзляков Сергей Сергеевич

ФИЛОСОФСКО-АНТРОПОЛОГИЧЕСКОЕ ИССЛЕДОВАНИЕ
ПРИРОДЫ СУБЪЕКТИВНОГО ОПЫТА

Специальность 09.00.13 - философская антропология,
философия культуры

ДИССЕРТАЦИЯ
на соискание ученой степени
кандидата философских наук

Научный руководитель:
доктор философских наук, профессор
Гиренок Федор Иванович

Москва - 2015

Оглавление

Введение	3
Глава 1. Трудная проблема сознания	14
§1. Проблема сознание-тело в современной философии сознания	14
§2. Пространство бессознательного	36
§3. Может ли зомби мечтать?	59
Глава 2. Патологии психики как объект для исследования сознания	82
§1. Загадка шизофрении	82
§2. Причины шизофрении в контексте вопроса о сознании	97
§3. Психопатия в контексте вопроса о сознании	127
Глава 3. Следствия сознания	136
§1. Творческий максимум	136
§2. Природа сновидений в контексте проблемы сознания	154
Заключение	167
Библиография	Ошибка! Закладка не определена.

Введение

Актуальность темы исследования

Сознание является главной темой для философии на протяжении всего ее существования. В настоящее время тема сознания стала одним из главных объектов и для научного исследования. Это связано с прогрессом научного знания, которое сейчас обладает достаточными ресурсами для начала работы в этом направлении. В связи с этим, современная философия охотно идет на диалог с наукой в области исследования сознания, его природы и функций, оставляя при этом за собой право на постановку фундаментальных вопросов относительно сознания. Наиболее очевидным этот симбиоз науки и философии становится в современной философии сознания, которая активно использует данные науки в создании своих концептуальных систем. Наука, в свою очередь, активно использует результаты работы философов – ученые-когнитивисты активно участвуют в обсуждении тех решений, которые предлагаются философами-аналитиками.

Главной проблемой в философии сознания является классическая проблема «сознание – тело», которая сегодня трансформировалась в «трудную проблему сознания». В психологии и смежных ей дисциплинах эта проблема более известна как психофизиологическая проблема. Суть проблемы в трудности, с которой сталкивается исследователь при попытке описать природу субъективного опыта на языке физикализма. Возникают вопросы как о природе связи материи и сознания, так и о функции субъективного опыта в контексте физикалистской установки современной науки.

Таким образом, одной из важнейших задач современной философии является предложение концептуальных схем, которые бы отвечали на вопрос о функциях субъективного опыта и были бы доступны для анализа и критики теми ученым, которые непосредственно занимаются проблемой сознания. Задачей философа является попытка предложить ученому некоторую

фундаментальную модель сознания, которая обладала бы эвристическим потенциалом и помогала бы ученому в его исследовании сознания методами эмпирической науки.

Философский анализ природы субъективного опыта является важным инструментом междисциплинарного исследования сознания в силу присущей философии способности концептуализировать данные, полученные от различных направлений исследования того или иного объекта. Поэтому, несмотря на присущую философии склонность к спекулятивным решениям, она остается значимым элементом исследовательской деятельности.

Степень научной разработанности проблемы

Природа субъективного опыта является предметом исследования психологии, психофизиологии, философии сознания, когнитивных исследований и других дисциплин, которые затрагивают тему сознания и его функций. Эта тема является одной из самых обсуждаемых в современной науке.

Среди зарубежных исследователей, работающих в рамках философии сознания, можно выделить Дэвида Чалмерса, который предложил разделить все вопросы относительно сознания на «легкие» и «трудный». Он предложил термин «трудная проблема сознания».¹ Среди других специалистов в данной области можно назвать Джона Серла, который предложил один из наиболее обсуждаемых мысленных экспериментов в современной теории сознания «китайская комната».² Дэниэл Деннет известен работами, посвященными десубъективизации сознательного опыта.³ Колин МакГинн вводит

¹ Chalmers D. J. Facing up to the problem of consciousness // Explaining Consciousness — The "Hard Problem", ed. by J. Shear. Cambridge MA, 1997. P. 930.

² Searle J. R. Minds, Brains, and Programs / The Nature of Mind, ed. by D. Rosenthal. N. Y., 1991. P. 509-519.

³ Деннет Д. Виды психики: На пути к пониманию сознания. – М, Идея-Пресс, 2004.

представление о принципиальной непознаваемости проблемы «сознание-тело».⁴

Среди других представителей современной философии сознания можно выделить Томаса Нагеля, который предложил популярный мысленный эксперимент о феноменальном опыте летучей мыши, демонстрирующий проблему описания субъективного опыта;⁵ Фрэнка Джексона, известного, кроме прочего, широко обсуждаемым мысленным экспериментом «монохромная Мэри»,⁶ который указывает на сложность физикалистского описания субъективного опыта; а также Дагласа Хофштадтера,⁷ Стивена Приста,⁸ Нэда Блока, Бернарда Баарса, Дэниэла Вегнера и др.⁹

Среди отечественных философов, занимающихся проблемой сознания необходимо выделить следующих: Ф. Гиренок, который в своих работах указывает на то, что воображение является сущностной характеристикой сознания;¹⁰ В. Буданов, использующий междисциплинарный подход к описанию сознания;¹¹ В. Васильев, специализирующийся в области

⁴ McGinn C. *The Mysterious Flame: Conscious Minds in a Material World*. N.Y., 1999.

⁵ Nagel T. What is like to be a Bat? // *Philosophical Review*. 1974. Vol. LXXXIII. № 4. P. 435-450.

⁶ Jackson F. Epiphenomenal qualia // *There's Something About Mary*, ed. by P. Ludow, Y. Nagasawa, and D. Stoljar. Cambridge MA, 2004. P. 39-50.

⁷ Хофштадтер Д., Деннет Д. *Глаз разума*. – Самара: Издательский Дом «Бахрах-М», 2003.

⁸ Прист С. *Теории сознания*. Перевод с англ. Грязнова А. Ф. – М.: Идея-Пресс, Дом интеллектуальной книги, 2000.

⁹ Blackmore S. *Conversations on Consciousness*. Oxford University Press, 2006.

¹⁰ Гиренок Федор. *Автография языка и сознания*. – М.: МГИУ, 2010. (Серия «Современная русская философия»).

¹¹ Буданов В. Г. *Методология синергетики в постнеклассической науке и в образовании*. М.: Издательство ЛКИ, 2007. (Синергетика в гуманитарных науках)

современной аналитической философии сознания;¹² Д. Дубровский, который является одним из первых отечественных философов сознания и развивает информационную теорию субъективного опыта.¹³ Также известными специалистами в этой области являются Н. Юлина,¹⁴ З. Сокулер, Ю. Артамонова, Д. Волков,¹⁵ которые активно работают в рамках современной теории сознания и исследуют отдельные актуальные проблемы как в контексте современных научных исследований, так и через призму классической философии.

Отдельно стоит обратить внимание на многочисленные конференции, которые проходят в России по вопросам, связанным с проблемой сознания, а также на их междисциплинарный формат, который позволяет включаться в дискуссию представителям смежных дисциплин.^{16,17} Одним из наиболее обсуждаемых вопросов в рамках междисциплинарных исследований

¹² Васильев В. В. Сознание и вещи: Очерк феноменологической онтологии. М.: Книжный дом «ЛИБРОКОМ», 2014.

¹³ Дубровский Д. И. Субъективная реальность и мозг. К вопросу о полувековом опыте разработки «трудной проблемы сознания» в аналитической философии // Проблема сознания в междисциплинарной перспективе. – М.: Канон+ РООИ «Реабилитация», 2014.

¹⁴ Юлина Н. С. Философский натурализм: О книге Дэниэла Деннета «Свобода эволюционирует»: Научная монография / Н. С. Юлина. М.: «Канон+» РООИ «Реабилитация», 2007

¹⁵ Философия сознания: классика и современность: Вторые Грязновские чтения. – М., Издатель Савин С. А., 2007

¹⁶ Проблема сознания в междисциплинарной перспективе / Под ред. В. А. Лекторского. – М.: «Канон+» РООИ «Реабилитация», 2014.

¹⁷ Философия сознания: Аналитическая традиция. Третьи Грязновские чтения. Материалы Международной научной конференции (6 – 7 ноября 2009 г.) – М.: Современные тетради, 2009.

сознания является проблема искусственного интеллекта, что также находит отражение в работах отечественных специалистов.¹⁸

Таким образом, можно с уверенностью констатировать, что отечественная философия активно включилась в работу в области исследования сознания и обладает как серьезным потенциалом для развития этой области знания, так и вполне конкретными теоретическими наработками в данном направлении, которые опираются на отечественную традицию философского исследования сознания.

Философия сознания тесно связана с современными научными исследованиями сознания. Среди наиболее популярных у философов специалистов в этой области являются нейробиологи Фрэнсис Крик и Кристоф Кох,¹⁹ нейрофизиолог Вилейанур Рамачандран,²⁰ биолог Эрик Кандель,²¹ специалисты в области эволюционной психологии Джек Палмер и Линда Палмер,²² физик Роджер Пенроуз, нейропсихолог Оливер Сакс²³ и др.

Среди отечественных специалистов в области когнитивных исследований можно назвать Ю. Александрова,²⁴ В. Аллахвердова,²⁵ Т. Черниговскую,²⁶ З. Зорину²⁷, К. Анохина, Е. Николаеву²⁸ и др.

¹⁸ Естественный и искусственный интеллект: методологические и социальные проблемы / Под ред. Д. И. Дубровского и В. А. Лекторского. – М.: «Канон+» РООИ «Реабилитация», 2011.

¹⁹ Christof Koch and Francis Crick. On the zombie within. Nature 411, 893 (21 June 2001)

²⁰ Рамачандран Вилейанур С. Рождение разума. Загадки нашего сознания. – М.: ЗАО «Олимп – Бизнес», 2006.

²¹ Кандель Э. В поисках памяти: Возникновение новой науки о человеческой психике / М.: Астрель: CORPUS, 2012.

²² Палмер Дж. Эволюционная психология. Секреты поведения Homo sapiens / Джек Палмер, Линда Палмер. – СПб.: Прайм-ЕВРОЗНАК, 2007.

²³ Сакс О. Человек, который принял жену за шляпу, и другие истории из врачебной практики. / Оливер сакс. – М.: АСТ: Астрель: Полиграфиздат, 2012.

²⁴ Психофизиология: Учебник для вузов / Под ред. Ю. И. Александрова. – 3-изд., доп. И перераб. – СПб: Питер, 2008.

В связи с тем, что тема сознания является крайне обширной и включает в себя множество исследований и направлений, появляется необходимость включать в исследования те работы, которые не имеют непосредственного отношения к философии сознания. Это позволяет философии сознания быть достаточно гибкой и удерживаться в пространстве междисциплинарных исследований. В данной работе использованы результаты психологических и психиатрических исследований, что вызвано необходимостью сопоставить функционирование сознания в норме и в его пограничных состояниях. Одной из тем работы является природа шизофрении и ее взаимосвязь с нормой.

Среди исследователей природы шизофрении и других психических дисфункций можно назвать П. Джонсона, П. Бакли,²⁹ Р. Уорнера,³⁰ Р. Комера,³¹ К. Фрита,³² Т. Кроу,³³ А. Карлссона,³⁴ А. Аби-Дархам,³⁵ Г. Бейтсона,³⁶ Р. Хаэра³⁷ и др.

²⁵ Аллахвердов В. М. Зачем нужно сознание, или почему мы делаем ошибки? // Экспериментальная психология в России: традиции и перспективы. - Институт психологии РАН. 2013.

²⁶ Черниговская Т.В. Зеркальный мозг, концепты и язык: цена антропогенеза // Физиологический журнал им. И.М.Сеченова. 2006, т.92, №1, с. 84-99

²⁷ Зорина З.А., Смирнова А.А. О чем рассказали «говорящие» обезьяны: Способны ли высшие животные оперировать символами? / Науч. ред. д. биол. н. И. И. Полетаева; Предисл. А. Д. Кошелева; Послесл. Вяч. Вс. Иванова и А. Д. Кошелева. – М.: Языки славянских культур, 2006. – (Studia naturalia).

²⁸ Николаева Е. И. Психофизиология. Психологическая физиология с основами физиологической психологии. Учебник. – М.: ПЕРСЭ, 2008.

²⁹ Джонсон П.Б. Шизофрения: клин. Руководство / Питер Б. Джонсон, Питер Ф. Бакли; - М.: МЕДпресс-информ, 2008.

³⁰ Уорнер Р. Шизофренія і середовище: Інновації в лікувальній практиці, політиці і в галузі масової комунікації / Пер. з англ. С.Альошкіної. — К.: Сфера, 2004. — 198 с. — Рос. мовою.

³¹ Рональд Комер. Основы патопсихологии. URL: <http://www.studfiles.ru/preview/398829/> (Дата обращения 10.02.2014)

Среди отечественных исследователей необходимо отметить работу Е. Косиловой «Психиатрия: опыт философского анализа», в которой сделана попытка философского анализа психических заболеваний.³⁸ Отечественными специалистами в области психиатрии являются: Н. Яковлев,³⁹ А. Рустанович,⁴⁰ О. Гильбурд,⁴¹ И. Лагун,⁴² В. Самохвалов⁴³ и др.

Несмотря на интерес отечественных философов к проблеме взаимосвязи сознания и его дисфункций, эта проблема пока недостаточно исследована в отечественной философии. Попыток объединить «трудную

³² Фрит, Кристофер. Шизофрения: краткое введение / Кристофер Фрит, Эва Джонстон: пер. с англ. Ю. В. Крижевской. М.: Астрель: АСТ, 2005.

³³ Timothy J. Crow. Is schizophrenia the price that Homo sapiens pays for language? // Schizophrenia Research, 28 (1997). P. 127-141

³⁴ Прогресс дофаминовой теории шизофрении. Справочное издание для врачей. Под редакцией Арвида Карлссона. URL: <http://scilib.biz/psihologiya-psihiatriya/progress-dofaminovoy-teorii-shizofrenii.html>

³⁵ Anissa Abi-Dargham. Do we still believe in the dopamine hypothesis? New data bring new evidence. // International Journal of Neuropsychopharmacology (2004), 7 (Supplement 1), S1–S5.

³⁶ Бейтсон Грегори. «Двойное послание» // Шаги в направлении экологии разума: Избранные статьи по психиатрии. – М.: КомКнига, 2005.

³⁷ Роберт Д. Хаэр. Лишённые совести: пугающий мир психопатов. URL: <http://www.universalinternetlibrary.ru/book/20767/ogl.shtml> (Дата обращения: 04. 03. 2013)

³⁸ Косилова Е. В. Психиатрия: опыт философского анализа: монография. – Москва: Проспект, 2014.

³⁹ Яковлев Н. М. Психофизиологические особенности шизофрении у подростков. – СПб.: Нестор-История, 2013.

⁴⁰ Рустанович А.В. Шизофрения: Учебное пособие. – СПб.: ЭЛБИ-СПб, 2012.

⁴¹ Гильбурд О. А. Шизофрения: семиотика, герменевтика, социобиология, антропология. – М.: Издательский дом видар-М, 2007.

⁴² Лагун И. Я. Причинность шизофрении. Конспект-анализ проблемы. URL: <http://www.medlinks.ru/sections.php?op=listarticles&secid=91> (Дата обращения: 12.04. 2014)

⁴³ Самохвалов В. П. Психиатрия (Учебное пособие для студентов медицинских вузов). — Феникс, 2002.

проблему сознания» и психические девиации также пока сделано не так много.

Объект и предмет исследования

Объектом данного исследования является природа субъективного опыта. Предмет исследования – функция субъективного опыта и возможные следствия его наличия у человека.

Цели и задачи

Целью данной работы является философско-антропологический анализ природы субъективного опыта в контексте современной философии сознания. В соответствии с заданной целью можно выделить следующие задачи исследования:

- Выявить основные тенденции в современной философии сознания;
- Исследовать возможные функции субъективного опыта в контексте работы бессознательных механизмов психической деятельности;
- Раскрыть потенциал исследования субъективного опыта в контексте психических девиаций;
- Исследовать возможные следствия наличия у человека субъективного опыта.

Теоретико-методологические основы исследования

Методология исследования является комплексной, что вызвано междисциплинарным характером исследования и необходимостью рассмотреть объект исследования с разных точек зрения. Именно этот подход позволяет установить связь между явлениями разного типа. В работе использованы метод мысленного эксперимента, метод аналогии, сравнительный метод, опрос. В качестве теоретико-методологической

основы исследования выступает современная философия сознания с опорой на психологию и психиатрию.

Научная новизна исследования

Работа представляет собой комплексное исследование субъективного опыта и его следствий. В ходе исследования были получены следующие результаты, которые не были обнаружены в работах по близкой тематике:

- В ходе анализа природы субъективного опыта была предложена модель, согласно которой сознание представляет собой видоспецифический признак человека, который подчиняется логике стабилизирующего отбора.
- В работе сделана попытка обосновать вывод о том, что шизофрения является результатом максимального развития видоспецифического признака, которым является сознание.
- В работе предложен мысленный эксперимент «мечтающий зомби», который позволяет указать на то, что воображение является необходимым атрибутом сознания.
- Даны авторские определения «следствий сознания», к которым автор относит сновидение и искусство, а также представление о «творческом максимуме».
- На основе проведенного исследования выявлены концептуальные основания и стратегия перспективной работы в дальнейшем направлении по изучению субъективного опыта.

Положения, выносимые на защиту

1. В диссертации предлагается взять за основу работы в направлении решения проблемы «сознание-тело» представление о вероятном влиянии сознания на физиологию в моменте моделирования ситуации, то есть в акте воображения. Для обоснования этого положения предлагается мысленный эксперимент «мечтающий зомби».

2. Предлагается модель, согласно которой сознание представляет собой видоспецифический признак человека, который подчиняется логике стабилизирующего отбора.

3. Выявлена возможная связь между субъективным опытом и психическими девиациями. При этом обосновывается вывод о том, что шизофрения является результатом максимального развития видоспецифического признака, которым является сознание.

4. В работе предлагается исследовать «следствия сознания», которые не являются необходимыми с точки зрения естественного отбора приобретениями, а представляют собой сопутствующие эффекты существования субъективного опыта. Исследование этих эффектов может помочь в поиске решения «трудной проблемы сознания».

Научно-практическая значимость исследования

Теоретическая значимость данного исследования заключается в том, что основные положения работы могут быть использованы в дальнейшем исследовании природы субъективного опыта. Материалы исследования могут быть использованы при чтении лекционных курсов по философской антропологии и философии сознания, а также в рамках преподавания смежных дисциплин.

Практическая значимость исследования заключается в том, что выводы работы могут быть использованы эмпирической наукой для исследования таких феноменов как сознание и шизофрения. В диссертации предложены возможные варианты исследования шизофрении, которые могут быть полезны для исследования природы этого заболевания, а также для поиска лечения.

Апробация результатов работы

Основные положения диссертации были изложены на конференциях, посвященных философии сознания. Темы докладов и конференции: "Модуль

субъективности и эпифеноменальное сновидение" - Международная научная конференция «Дни науки философского факультета – 2013», Киевский университет; "Связь воображения и шизофрении в контексте «Трудной проблемы сознания»" - Международная научная конференция «Дни науки философского факультета – 2014», Киевский университет; "Анализ М. Хайдеггером определения Новалисом философии как ностальгии"- Международная научно-практическая конференция "Ломоносов - 2013", МГУ им. М.В.Ломоносова.

Материалы диссертации были использованы при проведении семинарских занятий по курсу философской антропологии на философском факультете МГУ в 2012 – 2014 гг.

Основные результаты работы отражены в публикациях автора.

Глава 1. Трудная проблема сознания

§1. Проблема сознание-тело в современной философии сознания

На первом занятии в семестре преподаватель спрашивает студентов: «Как вы думаете, я сейчас нахожусь в сознании?». Студенты сначала не понимают вопроса. Преподаватель продолжает: «Я в данный момент пользуюсь тем, что мы называем сознанием?». Студенты начинают смеяться – эти вопросы кажутся им абсурдными. Разумеется, преподаватель обладает сознанием: он сидит за столом, смотрит на студентов, улыбается, задает вопросы, листает книгу. Как можно проводить занятие без участия сознания? Преподаватель видит замешательство студентов, но, тем не менее, продолжает: «Я сейчас сижу за столом перед вами, смотрю на вас, задаю вопросы. Я вам что-то рассказываю. Вы мне отвечаете, и я оцениваю ваши ответы: поправляю вас, если ваша мысль движется не в том направлении, в котором нам сейчас нужно; слежу за вашим вниманием, иногда даже реагирую на скучающие лица. Но вопрос остается: я сейчас в сознании?». Студенты отвечают, что, разумеется, преподаватель в сознании. На вопрос «Почему вы так думаете?» они указывают на разумность задаваемых вопросов, связанность речи, реагирование на изменение обстановки, способность к коммуникации и так далее. Преподаватель возражает: «Я уже много раз говорил на эту тему с другими студентами и мне не составляет большого труда воспроизвести свою речь. И я много раз слышал вопросы, похожие на ваши – у меня готовы ответы на них. Я уже рассказывал эту же тему на других занятиях – и мне не нужно задумываться о том, что сказать».

Отличается ли способность проводить семинарские занятия принципиально от других способностей, которые становятся фоновыми при должном упражнении необходимого навыка? Нуждается ли в сознании управление автомобилем? Американский психофизиолог Рамачандран сравнивает поездку в автомобиле со «слепым зрением», феноменом, когда

человек слеп, но при этом реагирует на предъявляемые визуальные стимулы. То есть, человек говорит, что он ничего не видит, но если его попросить угадать, какой предмет находится перед ним, то он отвечает верно. Поездку в автомобиле Рамачандран называет «ручным зрением» по аналогии со «слепым зрением» и говорит, что сознание тут не нужно.

Преподаватель рассказывает о бессознательных механизмах восприятия эмоций, об установке и условном рефлексе, о речевом поведении, основанном на имплицитной памяти, вспоминает опыты Либета и говорит о неосознаваемых основах социального поведения. И если в начале занятия студенты улыбались, когда слышали эти абсурдные вопросы, то ближе к концу они несколько растеряны. Преподаватель задает последние вопросы первого занятия: «Если я могу провести занятие, полагаясь на свои бессознательные механизмы, то зачем я нужен? Почему существует то нечто, что я называю собой, если мой организм корректно справляется со множеством задач, не нуждаясь в том, чтобы процессы решения этих задач попадали в пространство осознаваемого?».

Вопрос «Зачем я нужен?» является основным вопросом современной философии сознания. Его формальный вариант выглядит следующим образом: «Почему существует субъективный опыт?». Современная наука беспрецедентно расширила пространство бессознательных механизмов: наше социальное взаимодействие основывается на бессознательных процессах, логические и математические операции также могут протекать без непосредственного участия сознания, наша речь, то есть то, что многие исследователи считают видоспецифическим признаком человека, основывается на неосознаваемых процессах и так далее. И в этих условиях становится непонятно: почему вообще существует феноменальный, то есть субъективный, мир человека? Зачем нужна субъективность? Какую функцию она выполняет, если все взаимодействие с окружающим миром можно свести к тем или иным когнитивным процессам, а на более низком уровне к

взаимодействию нейронов в нашем мозге? Как миллиарды мельчайших нервных клеток создают феноменальный мир? И главное: зачем?

Не только студенты улыбаются, когда слышат вопрос «зачем нужна субъективность?». При разговоре с психологом также часто бывает проблематично указать ему на проблему существования субъективного опыта. Почему существует феноменальный мир у человека? Почему человек видит стол или стул? Психолог ответит, что человек видит стол по той же причине, почему собака видит кусок мяса: она его видит для того, чтобы отличать свежее мясо от протухшего, а это очевидное эволюционное преимущество. Психолог скажет, что человек видит стол, для того, чтобы знать, где искать еду - сознание нужно и человеку, и собаке для того, чтобы адекватно реагировать на стимулы из окружающего мира. Однако почему это реагирование происходит не «в темноте», а сопровождается «светом сознания»?

1.1. Трудная проблема сознания

В 1994 году американский философ Дэвид Чалмерс выступил на конференции в Туссоне.⁴⁴ В своем докладе он предложил разделить все проблемы, связанные с сознанием на «легкие» и «трудную». К легким проблемам сознания Чалмерс отнес объяснения различных когнитивных функций. Решения этих проблем можно найти, используя стандартные методы нейробиологии, так как явления, связанные с ними, являются вполне доступными для изучения когнитивной наукой нейронными механизмами. К таким проблемам можно отнести восприятие, способность реагировать на раздражители и так далее. Это те феномены, которые связаны с категоризацией, способностью давать отчеты о внутренних состояниях, вниманием, контролем за поведением и так далее.

⁴⁴ Chalmers D. J. Facing up to the problem of consciousness // Explaining Consciousness — The "Hard Problem", ed. by J. Shear. Cambridge MA, 1997. P. 930.

Все эти проблемы связаны с сознанием, но помимо них существует «трудная проблема» - это проблема субъективного опыта. Почему вообще все эти когнитивные функции сопровождаются феноменальным опытом? Таким образом, объяснение существования субъективного мира является главным вопросом философии.

Предположим, что нам известны все нейронные основания нашего поведения, мы знаем физическую основу процессов в мозге, то даже в этом случае вопрос о статусе субъективной реальности останется. Проблема заключается в том, что физикалистский взгляд на устройство вселенной не позволяет допустить существование сознания как идеального объекта. В физикалистской картине мира все процессы детерминированы физическими процессами. Логика развития этого мира определяется логикой фундаментальных физических законов. Если мы введем в объяснительную модель идеальную сущность, которая способна оказывать влияние на материальный мир, то тем самым нарушим каузальную замкнутость физического мира. Физикализм постулирует, что все в мире, на том или ином уровне, подчиняется физическим закономерностям: процессы распада элементарных частиц в глубинах нейтронных звезд, шелест листвы в березовой роще, цветение ряски на водоемах, наше поведение.

Если жизнь начиналась с последовательности химических реакций и представляет собой способ существования белковых тел, то ниже уровня биохимических реакций лежит уровень физических реакции. В этом случае зарождение жизни и ее развитие можно описать на языке физикализма как последовательность физических реакций. Из этой логики следует, что все многообразие нашего поведения представляет собой последовательность физических взаимодействий.

1.2. Демон Лапласа

Для демонстрации проблемы субъективного опыта был предложен мысленный эксперимент «демон Лапласа». Представьте, что вы всемогущее существо. Вы находитесь в самом начале рождения Вселенной и своими глазами видите Большой Взрыв: материя с огромной скоростью начинает расширяться во всех направлениях. Сначала это поток кварков, но уже через доли секунд начинают появляться элементарные частицы. Вселенная стремительно расширяется и так же стремительно охлаждается – теперь появились условия для появления атомов. Ваше знание законов этой вселенной абсолютно, вы знаете все о причинах ее появления, знаете все и о ее будущем. Вы способны предсказать траекторию любой элементарной частицы в любом месте мира и в любое время. Вселенная родилась и главным принципом этого нового мира является детерминизм. То есть, зная изначальные условия, можно предсказать поведение системы в будущем. Вы – бог и способны предсказывать поведение сколь угодно больших систем, даже такой системы как Вселенная. Прошло 14 миллиардов лет. На небольшой планет в одной из бесчисленного множества галактик появились люди. Они считают, что обладают сознанием. Им кажется, что сознание позволяет им управлять своим телом, мыслить, создавать произведения искусства. Люди считают, что их сознание – это не совокупность физических и химических реакций в мозге. Сознание – это особая несводимая к физике реальность, которая не подчиняется логике детерминистического мира материальных объектов. Появляется представление о двух мирах: мире физических взаимодействий и мире идеальных сущностей. Эти миры обладают разными онтологическими статусами. Но возникает вопрос: вы, то есть бог, который находился в самом начале возникновения Вселенной и знал абсолютно все варианты развития мира, возникшего в результате Большого Взрыва, нуждались ли в допущении появления на определенном этапе развития Вселенной некоторой идеальной добавки к

детерминистическим закономерностям физического мира для того, чтобы описать все многообразие явлений в жизни людей, которые считают, что их сознание - это нечто отличное от физических взаимодействий? Подобное гипотетическое существо было бы способно предсказать появление биологической формы материи, основываясь исключительно на знании закономерностей развития физических элементов, но нужно ли было бы ему ввести дополнительное понятие для объяснения нашего поведения? Если нет, то всю жизнь человека можно свести к уровню физических взаимодействий. В этом случае, наше поведение можно редуцировать к физике. Но остается вопрос – почему мы обладаем сознанием?

Допущение ментальной реальности, не зависящей от физики и способной влиять на материю, не вписывается в физикалистскую концепцию мира, потому что такое допущение влечет за собой удвоение сущностей, обладающих различным онтологическим статусом - тут появляется опасность встать на сторону дуализма. Если мы допускаем, что наше сознание способно оказывать влияние на наше поведение, то вместе с этим подвергаем сомнению причинную замкнутость мира физических явлений: причиной изменения в материальном мире может быть только материя и ничто более. Все остальное - опасное умножение сущностей, раскручивающее маховик метафизических спекуляций и расширяющее пространство фундаментальных заблуждений о принципах строения мира.

Однако дуализм является очевидным для обыденного сознания. Субъект убежден в существовании своего сознания, благодаря которому он способен контролировать свое поведение, общаться с другими людьми, подвергать себя рефлексии и так далее. И это несмотря на то, что субъект может быть также уверен в том, что его сознание является продуктом активности мозга. Таким образом, дуализм проходит субъективную проверку здравым смыслом, но наталкивается на физикалистскую установку научного мировоззрения. С субъективной точки зрения подвергать сомнению

существование сознания и его способность оказывать влияние на окружающий мир - значит придерживаться абсурдного положения.

"Я мыслю, следовательно, существую" - это следствие установки здравого смысла. Можно подвергнуть сомнению реальность всего, что окружает субъекта, но сам факт его существования сомнению не подлежит. Человек является дуалистом по своей природе. И для него не имеет значения, вписывается ли его обыденный дуализм в научную концепцию детерминированного законами физических реакций мира или нет. Декарт разработал свою концепцию, которая предполагает, что человек является существом двойственным: с одной стороны, он есть его тело, состоящее из материальной субстанции, с другой стороны, он есть нематериальная душа. Душа способна взаимодействовать с телом: реагировать на стимулы, влиять на поведение.

Декарт считал, что животные являются сложными механизмами, функционирование которых не нуждается в добавке в виде субъективности, то есть того «я», которое мыслит, а, значит, и существует. Если человек принадлежит миру мыслящих объектов, то животное есть объект протяженный. Этот объект функционирует за счет выполнения заданной программы поведения, основанной на механике. Людей, которых мы видим вокруг себя, при желании можно представить в виде манекенов со сложными механизмами внутри. Но себя механическим манекеном представить сложно.

1.3. Призрак в машине

В двадцатом веке изучение сознания, как феноменально переживаемой субъективности, оказалось в трудной ситуации. Успехи биологии и открытие бессознательного привели к тому, что необходимость исследования сознания подвергалось сомнению. Оказалось, что можно игнорировать мир субъективных переживаний при изучении человека. Зачем придавать значение внутренним переживаниям, к чему расспрашивать о чувствах, если

можно исследовать поведение, которое объективно и поддается изучению научными методами?⁴⁵ Ученым, которые подавали гранты на изучение сознания, часто отказывали, потому что считалось, что сам объект подобных исследований не является научным фактом.

Райл сравнивал сознание с "призраком в машине": призрак есть, но он никак не влияет на функционирование механизма. А если он функционально беспомощен, то на него можно не обращать внимания и изучать только машинерию, приводящую в движение весь механизм. В начале XX века бихевиористы предложили изучать поведение, а не субъективный опыт. Бихевиоризм предполагает, что введение таких категорий, как стимул, реакция и подкрепление, взамен субъективным феноменам, позволит лучше описать природу человека. В 20-х годах XX века на смену бихевиоризму пришла когнитивная психология, которая также ставила внутренние переживания в подчиненное положение по отношению к процессам, протекающим в мозге. Именно в рамках когнитивной психологии появилась идея аналогии сознания и вычислительной машины. В этой концепции сознание рассматривается как устройство ввода, хранения и обработки информации.

2. Мозг как компьютер

Сравнение мозга человека с компьютером является одной из ключевых идей в современной когнитивистике. Аналогия – это один из способов, с помощью которых философия определяет человека. Но выбор свойств объекта для сравнения всегда диктуется конкретной эпохой и тем знанием, которым мы обладаем в данный исторический период. И, тем не менее, мы часто можем довольно ясно видеть сходство между аналогиями одного

⁴⁵ «Глубочайшей причиной боязни сознания служит то, что сознание обладает этой, в сущности, ужасающей чертой — субъективностью». (Серл, Джон. Открывая сознание заново. Перевод с англ. А. Ф. Грязнова. М.: Идея-Пресс, 2002. – С. 69)

периода развития знания и другого. Не впадая в крайность и не отождествляя идеи, которые лежат в основе аналогий, мы можем говорить о сходстве механизмов, с помощью которых Декарт разбирает вопрос о существовании человека, с современными компьютерами, которые используются как аналог человека в когнитивной науке. Идеи схожие, хотя заключения различны: а что, если человек лишь автомат? С точки зрения когнитивистики, мы вполне можем говорить о компьютере как аналоге человека. Это кажется логичным: сущностное свойство человека – это сознание; сознание – это мозг; мозг – это устройство хранения и обработки информации, то есть органический компьютер; человек – это биологический компьютер по хранению и обработке информации. Важно абстрагироваться от отдельных нюансов для того, чтобы почувствовать замечательную в своей простоте идею: "Я есть компьютер". Подобное сравнение помогает избавиться от некоторых внутренних иллюзий относительно себя. Именно этот вынос за скобки иллюзий относительно сознания помог бихевиористам значительно продвинуться в исследовании человека. И это же абстрагирование помогает современным когнитивистам исследовать механизмы функционирования мозга. Если разделение материи и сознания в XVII веке оказалось "полезным эвристическим инструментом, который в значительной степени способствовал прогрессу, имевшему место в науках", то в XX веке это разделение оказалось скорее препятствием.

Но даже если назвать человека биологическим автоматом, то проблема остается: почему этот автомат обладает внутренним миром? Если все его функционирование можно свести к стимулам из внешней среды, реакциям на эти стимулы и подкреплению, которое корректирует функционирование организма, то есть биологического аппарата, в зависимости от природы, интенсивности, пользы или вреда этих стимулов, то зачем нужно освещать "светом сознания" игру нейронных синапсов, ответственных за функционирование механизма? Кажется, что дуализм не отступает.

2.2. «Китайская комната» Джона Серла

Джон Серл считает, что проблема дуализма заключается в том, что вместе с картезианской традицией мы унаследовали и словарь категорий, в которых пытаемся рассуждать о соотношении сознания и мозга. Этот словарь включает в себя строгое разделение двух субстанций: мы считаем, что если что-то является ментальным, то оно не может быть физическим и наоборот. Подобная оппозиция не работает сегодня, потому что данные нейробиологии указывают на тесную связь сознания и процессов в мозге. Именно в силу очевидности связи между нейронными процессами и субъективными состояниями Серл говорит о банкротстве картезианской традиции и абсурдности предположения о существовании двух видов субстанций. Он предлагает свою теорию сознания, согласно которой сознание представляет собой эмерджентное свойство мозга: «Сознание есть свойство мозга высшего уровня (или эмерджентное свойство) в совершенно безобидном смысле слов «высший уровень» и «эмерджентный», подобном тому, как твердость является высшего уровня эмерджентным свойством молекул H_2O , когда они обладают решетчатой структурой (лед), а жидкое состояние сходным образом является высшего уровня эмерджентным свойством молекул H_2O , когда они, грубо говоря, катаются вокруг друг друга (вода)».⁴⁶

Согласно Серлу, «сознание есть ментальное и потому физическое свойство мозга в том смысле, в каком жидкое состояние есть свойство системы молекул».⁴⁷ Он перефразирует слова Декарта: «Мы могли бы сказать не только: «Я мыслю, следовательно, существую» и «Я есть мыслящее существо», но также и «Я есть мыслящее существо, следовательно, я есть физическое существо». По мнению Серла, сознание, как биологический феномен, является таким же следствием эволюционного развития как

⁴⁶ Серл, Джон. Открывая сознание заново. Перевод с англ. А. Ф. Грязнова. М.: Идея-Пресс, 2002. – С. 35

⁴⁷ Там же

пищеварение, митоз или фотосинтез. Однако даже если мы согласимся с тем, что сознание есть особое эмерджентное свойство, то это предположение не отвечает на вопрос, почему сознание вообще существует.

3.1. Каково быть летучей мышью?

Томас Нагель справедливо замечает, что «если бы самосознания не было, загадка тело-разум была бы гораздо менее интересной». И в подтверждении того, что самосознание делает проблему взаимодействия материи и сознания «практически неразрешимой» он указывает на то, что сам факт наличия у некоторого существа сознания означает, что быть этим существом на что-то похоже. В статье «Что значит быть летучей мышью?» Нагель предлагает различать субъективный характер опыта и объективный подход к описанию сознания. С одной стороны, сознание коррелирует с биологическим субстратом, то есть с мозгом. С другой стороны, редукция сознания к мозгу «не приближает нас к действительной природе данного феномена, а, напротив, удаляет от нее».⁴⁸ Он предлагает представить, каково быть летучей мышью. Что значит для самой летучей мыши летать по ночам, используя эхолокацию, и ловить насекомых? Можно было взять для примера любое другое живое существо: ящерицу, мидию или термита. Но для того, чтобы не опускаться слишком далеко по филогенетическому древу Нагель предлагает именно летучую мышь, которая, несмотря на достаточное родство с нами, обладает совершенно отличным от нашего аппаратом взаимодействия с окружающим миром. Они летают по ночам благодаря тому, что используют высокочастотный звук, который отражается от окружающих объектов и возвращается обратно к рукокрылому. Использование эхолокации не похоже ни на один из наших типов чувственного опыта – это нечто совершенно чуждое человеку. Но если этот опыт чужд для нас, то для мыши он является

⁴⁸ Томас Нагель. Каково быть летучей мышью? // Хофштадтер Д., Деннет Д. Глаз разума. – Самара: Издательский Дом «Бахрах-М», 2003.

частью ее феноменологического опыта. Человек может сказать: «Я не знаю, что значит быть медведем, разбуженным во время зимней спячки, родиться слепым или родиться синестетиком – для меня все цифры одного цвета. И подобно этому я не знаю, что значит пользоваться эхолокацией». Но дело в том, что это незнание не распространяется на наше представление о работе мозга летучей мыши. Мы можем обладать абсолютным знанием о том, как устроен ее мозг: ученые научатся понимать, какие области ее мозга ответственны за использование эхолокации, а какие за способность висеть вниз головой. Ее мозг состоит из вполне стандартного набора нейронных клеток, и мы можем разобраться с тем, как функционирует эта нейронная сеть. Но позволит ли это абсолютное знание нейронных механизмов ответить на вопрос «каково это быть летучей мышью»? Видимо, нет.

И подобно тому, как субъективный опыт мыши⁴⁹ не может быть редуцирован к физиологии ее мозга, наша субъективность не должна сводиться к нейрофизиологии. Знание физиологии мозга летучей мыши не позволит нам полностью проникнуть в ее сознание. А это значит, что даже абсолютное знание механизмов функционирования мозга не тождественно знанию о сознании. То есть существует объяснительный разрыв (*explanatory gap*) между биологическим субстратом и субъективностью: крайне сложно (а, может быть, и невозможно) редуцировать ментальное к материальному. Поэтому Нагель пишет: «трудно понять, что может иметься в виду под объективным характером опыта, отдельно от той особой точки зрения, с которой субъект воспринимает собственный опыт». А это значит, что

⁴⁹ В данный момент можно абстрагироваться от того, существует ли этот опыт вообще, потому что в данном случае этот мысленный эксперимент всего лишь методологический прием, который позволяет указать на проблему редукции феноменологического опыта к физиологии. Однако важно помнить, что сама возможность субъективного опыта у летучей мыши вызывает серьезную критику среди как ученых, так и философов, которые указывают на то, что модель Нагеля не является корректной. И, возможно, ответом на вопрос что значит быть летучей мышью? Наиболее релевантным ответом будет «ничего».

«физикализм – это позиция, которую мы не можем понять, так как в настоящее время не располагаем концепцией того, как она может быть верной».⁵⁰ Сам факт наличия у нас способности к интроспекции указывает на то, что сознание нельзя корректно описать в терминах физикалистских теорий. Любая попытка сделать это наталкивается на объяснительный разрыв, разрыв между «быть кем-то» и физическими коррелятами этого состояния.

3.2. Что узнает Мери?

Еще один пример, демонстрирующий проблему объяснения субъективного опыта через нерофизиологические корреляты сознания, предлагает Фрэнк Джексон в статье «Эпифеноменальные квалиа».⁵¹ Он предлагает представить девушку Мери, которая родилась и выросла в черно-белой комнате. У нее есть телевизор, но он черно-белый, и она смотрит только черно-белые передачи. У нее есть компьютер с интернетом, но монитор выводит все изображения в черно-белой гамме. Вся посуда и мебель выполнены только в этих двух цветах. Мери – ученый психофизиолог и она знает абсолютно все о функционировании мозга. Более того, она лучший специалист в области когнитивной науки. Не существует ничего такого, что бы Мери не знала о физиологии мозга. Она знает абсолютно все нейронные корреляты того или иного проявления сознания. Но все свои знания она получает из книг с черно-белыми изображениями и из черно-белых лекций и экспериментов, которые она видит на экране. Однажды дверь в комнату открывается и Мери выходит на улицу. Она видит красный цветок перед домом. Мери впервые в своей жизни испытала ощущение красного.

⁵⁰ Томас Нагель. Каково быть летучей мышью? // Хофштадтер Д., Деннет Д. Глаз разума. – Самара: Издательский Дом «Бахрах-М», 2003.

⁵¹ Jackson F. Epiphenomenal qualia // There's Something About Mary, ed. by P. Ludow, Y. Nagasawa, and D. Stoljar. Cambridge MA, 2004. P. 39-50.

Оказалось, что мир полон красок: трава, небо, кошка на заборе. Скажет ли Мери «Невероятно! Я никогда бы не подумала, что такое возможно! Раньше я знала все о нейрофизиологии восприятия, я знала, каким образом длина волны преобразуется в активность той или иной части мозга, но сегодня я узнала нечто новое. Я узнала, что значит воспринимать красное»? Если она так скажет, то это будет означать, что она узнала нечто совершенно новое по сравнению с тем знанием, которое она получила в процессе изучения психофизиологии пока жила в своей черно-белой комнате. То есть она не знала всего о сознании, будучи самым одаренным когнитивным ученым всех времен. В этом случае приходится согласиться с утверждением, что даже абсолютное знание физиологии мозга не гарантирует полного охвата феномена субъективного опыта: изучение биологических, а на более низких уровнях физических, коррелятов сознания все равно оставляет пространство неизвестных фактов сознания. Если Мэри узнала нечто принципиально новое, когда вышла на улицу, то это «нечто» и будет сознанием, то есть субъективным опытом. Да, она знала все о мозге, но она, как оказалось, не знала самого главного: она не знала, что значит обладать сознанием. И это новое знание она получила не из учебников по психофизиологии, а из своего субъективного опыта. Другими словами, даже абсолютное знание нейронных механизмов работы нашего мозга не позволит нам понять природу и сущность восприятия красного цветка. А это значит, что физикализм не является адекватной стратегией для описания сознания.

4. Когнитивная замкнутость

Некоторые философы отрицают возможность разобраться с "трудной проблемой". Они говорят о принципиальной непознаваемости природы субъективности. Такими скептиками являются так называемые "новые мистерианцы". Наиболее видным их представителем является Колин Макгинн, который утверждает, что человек не в состоянии ответить на

вопрос «что такое сознание?» в силу ограниченности своих когнитивных возможностей.⁵² Маккгинн приводит в пример теорию модульного строения мозга, согласно которой каждая когнитивная функция закреплена за строго выделенной областью мозга. За зрение отвечает одна область, за слуховое восприятие другая и так далее. Эта теория подтверждается данными из психофизиологии и психологии. То есть, психические способности закреплены за определенным участком мозга. У нас есть способности для того, чтобы взаимодействовать друг с другом, есть модуль, который отвечает за речь, другой - за формирование образа дерева. Однако мы обладаем теми когнитивными способностями и, следовательно, теми модулями, которые унаследовали от своих эволюционных предков. Мы обладаем теми способностями, которые закреплялись естественным отбором в течение миллионов лет благодаря тому, что выполняли для организма некоторую полезную для приспособления к среде функцию. Для наших предков была важна способность выполнять математические вычисления - это залог для появления математики, науки и технологии. Даже если мы и отличаемся когнитивными способностями от наших предков, то эти способности носят скорее количественный, а не качественный характер. Мы не рождаемся математическим гениями, мы ими становимся. Но предпосылки к этому находятся в некоторой врожденной способности. У нас есть те модули, которые были выработаны благодаря эволюции для решения задач, которые ставил перед нами естественный отбор.

Но проблема в том, по мнению Маккгина, что естественный отбор не предполагает решения «трудной проблемы». У нас просто нет модуля, который бы отвечал за подобные задачи. Мы не можем найти причину существования феноменального опыта по той же причине, почему хомяк не может решить уравнение с мнимыми числами - у него не сформирована эволюционная способность решать эту проблему. Таким образом, решение

⁵² McGinn C. The Mysterious Flame: Conscious Minds in a Material World. N.Y., 1999.

проблемы взаимодействия ментального и физического выходит за рамки нашей познавательной способности. Это довольно пессимистичный взгляд на проблему. Но он не нов. Иммануила Кант говорил о том, что субъект самому себе дан как феномен, но не как ноуменальная сущность. Другими словами, мы себе являемся, а не даны.⁵³ Мистерианцы повторяют идею ноуменальной субъективности Канта. Основной тезис остается неизменным - мы не можем позитивно решить вопрос о природе и статусе собственной субъективности. В этом смысле Макгинн не добавляет ничего принципиально нового – основная идея была развита еще Кантом.

5. Вопрос о субъективности

Таким образом, вопрос о причинах существования субъективного опыта является краеугольным камнем современной философии. Разумеется, в этой части невозможно было развернуто продемонстрировать всю палитру мнений относительно сознания, его природы и функций. Задачей было указать на главную проблему, вокруг которой сконцентрированы колоссальные интеллектуальные усилия современных исследователей сознания.

У каждой концепции сознания есть приверженцы, но у каждой есть и оппоненты. Причем, последних обычно больше. Что указывает на сложность этих проблем и на отсутствие какой-либо доминирующей концепции и даже более или менее общепринятого вектора движения. Существует обоснованная критика Чалмерса⁵⁴, довольно жестко критикуется Серл⁵⁵ за

⁵³ Кант И. Критика чистого разума //Критика чистого разума / Иммануил Кант; [пер. с нем., предисл. И. Евлампиева]. – М.: Эксмо; СПб.: Мидгард, 2007. – С. 119

⁵⁴ Дубровский Д. И. Субъективная реальность и мозг. К вопросу о полувековом опыте разработки «трудной проблемы сознания» в аналитической философии // Проблема сознания в междисциплинарной перспективе. – М.: Канон+ РООИ «Реабилитация», 2014. С. 10 - 51

его биологический натурализм, подвергается сомнению корректность мысленных экспериментов Джексона и Нагеля⁵⁶. Теория Деннета критикуется за чрезмерных отход от здравого смысла, а Макгинна обвиняют в пораженческих настроениях. Все чаще споры между философами-когнитивистами носят не концептуальный характер, а представляют собой взаимные упрёки в игнорировании элементарных положений здравого смысла, или представляют собой упражнения в решении логических головоломок.

Приведем в пример небольшой фрагмент из книги Джона Серла «Открывая сознание заново»: «Как в притче о слепом и слоне, мы схватываем некоторое сомнительное свойство и провозглашаем его сущностью ментального. «Там невидимые предложения!» (язык мышления). «Там компьютерные программы!» (когнитивизм). «Там только каузальные отношения!» (функционализм). «Там вообще ничего нет!» (элиминативизм). И так, уныло, далее».⁵⁷ Этот небольшой фрагмент взят из заключения к его книге. Он позволяет получить довольно точное представление о ситуации в современной философии сознания: множество концепций, огромное количество мысленных экспериментов, которые подтверждают дуализм, физикализм, теорию тождества или эпифеноменализм. Каждый исследователь стремится занять ту или иную позицию на спектре всевозможных подходов. Но самый принципиальный вопрос остается: способно ли сознание влиять на наше поведение или нет? В зависимости от ответа и его обоснования исследователь занимает ту или иную позицию.

⁵⁵ Д. И. Дубровский. Новое открытие сознания? // Вопросы философии, №7, 2003. С. 92 - 112

⁵⁶ Даглас Хофштадтер. Размышления о статье Нагеля «Каково быть летучей мышью?» // Хофштадтер Д., Деннет Д. Глаз разума. – Самара: Издательский Дом «Бахрах-М», 2003. С. 360 - 370

⁵⁷ Серл, Джон. Открывая сознание заново. Перевод с англ. А. Ф. Грязнова. М.: Идея-Пресс, 2002. – С. 225

Авторы все чаще отмечают, что в философии сознания явно наблюдается период стагнации. Так отечественный философ Д. Дубровский указывает на то, что все современные концептуальные модели в философии сознания были созданы задолго до формулирования Чалмерсом «трудной проблемы сознания».⁵⁸ С этим утверждением сложно спорить. И даже «трудная проблема сознания» представляет собой лишь терминологическую модификацию психофизической проблемы, которая была отчетливо сформулирована в философии⁵⁹ и психологии⁶⁰ задолго до начала современной дискуссии о причине существования субъективности. В

⁵⁸ Дубровский Д. И. Субъективная реальность и мозг. К вопросу о полувековом опыте разработки «трудной проблемы сознания» в аналитической философии // Проблема сознания в междисциплинарной перспективе. – М.: Канон+ РООИ «Реабилитация», 2014. С. 10 - 51

⁵⁹ «Проблема сознания (вернее, самосознания) лишь тогда встает перед нами, когда мы начинаем понимать, насколько мы могли бы обойтись без него: к этому началу понимания приводят нас теперь физиология и естественная история животных (той и другой, стало быть, понадобились два столетия, чтобы настичь опережающее подозрение Лейбница). Действительно, мы могли бы думать, чувствовать, хотеть, вспоминать, равным образом могли бы мы “действовать” во всяком смысле слова, и, однако, всему этому не было бы никакой нужды “включиться в наше сознание” (говоря образно). Жизнь была бы вполне возможна и без того, чтобы видеть себя как бы в зеркале; впрочем, еще и теперь преобладающая часть этой жизни протекает в нас фактически без этого отражения, — и притом мыслящей, чувствующей, волящей жизни, сколь бы обидно ни звучало это для какого-нибудь более старого философа. К чему вообще сознание, раз оно по существу излишне?» (Ницше Ф. Веселая наука. / Соч.: В 2 т. Т. 1. М., 1996. С. 674)

⁶⁰ «В самом деле, если сознание – лишь субъективный аспект нервной деятельности, то непонятно, какова же его функция, так как вполне достаточно одной этой нервной деятельности. Так, внешний стимул вызывает приспособительную реакцию, проблема высшей математики решается как в реальном, так и в “электронном мозгу” и т. д., - все можно объяснить без участия сознания». (Пиаже Ж. Характер объяснения в психологии и психофизический параллелизм. // Экспериментальная психология. Под ред. П. Фресса и Ж. Пиаже, М.: Прогресс, 1966, Вып. I, II. С. 185-189)

русской философии также есть примеры как корректно заданных вопросов о функциях субъективного опыта, так и попытки ответить на эти вопросы.⁶¹

Все громче звучать голоса тех, кто призывает откатиться назад в вопросах исследования сознания и искать решения головоломок, которые появились в процессе решения проблемы сознание-тело, в работах мыслителей прошлого. Часто предлагают вновь перечитать работы классических немецких философов. То, что в XXI веке появились люди, которые считают, что проблема сознания является принципиально неразрешимой, указывает на то, что пора делать «Критику чистого разума» настольной книгой философа-когнитивиста. Кант с его идеей ноуменальной субъективности становится актуальным, его тезисы обретают новую жизнь в представлениях «новых мистерианцев».

На Туссанской конференции 2014 года новым трендом среди исследователей сознания стала идея панпсихизма. Трудность решаемых проблем и отсутствие общепринятых моделей приводят к появлению новых способов решения тех задач, которые стоят перед современным философом. Сегодня таким способом становится панпсихизм. Который, несмотря на некоторый флер абсурдности основных своих положений, позволяет говорить о сознании не только философам, но подключаться к дискуссии представителям других дисциплин, например, физикам. С другой стороны, возвращение к контринтуитивным представлениям как раз и указывает на серьезные трудности в решении вопроса о статусе феноменальных переживаний.

⁶¹ Бородай спрашивает: «... как в рамках бессознательно-реактивного приспособления к среде могло возникнуть *идеальное представление*, т. е. психический акт сознания? Какие функции было призвано выполнять это принципиально новое образование? И, наконец, как оно могло оказаться биологически полезным?» (Бородай Ю. М. Эротика—смерть—табу: трагедия человеческого сознания. М.: Гнозис, Русское феноменологическое общество, 1996 г. С.22)

Вывод

Концепций становится все больше, а проблема остается. Вопрос «Зачем я нужен?» продолжает оставаться самой главной проблемой для субъекта. Решения этого вопроса требует не наука и даже не философия. Наука и академическая философия отвечают на вопрос «Какова природа качественных переживаний?». Но «Зачем я нужен?» - это уже пространство экзистенции, то есть самого субъекта. В ответе на этот вопрос заинтересован «я сам». И «я сам» совершенно не заинтересован в принятии той или иной концепции из множества – нужен ответ, а не концепция. Тем более не является необходимостью отстаиваний взглядов приверженцев того или иного подход к решению вопроса о существовании субъективности, потому что отстаивание тех или иных взглядов превратится в замкнутый круг споров вокруг понятий.

В данной работе автор попытается продемонстрировать тот маршрут, который был проложен им, когда он пытался ответить на поставленный вопрос. Автор исходит из того, что феноменальный мир существует и нужно найти причины этого существования. Причины существования и возможность существования – разные проблемы. Автор вынужден указать на то, что вопрос «как возможно функционирование субъективности?» выходит за рамки его актуальных интересов. Во-первых, он не уверен, что вопрос о функционировании – это философский вопрос. Скорее всего, на вопрос «как возможна субъективность?» должны отвечать все-таки не философы, а физики. Если ответить на этот вопрос вообще можно. Во-вторых, описание когнитивных схем работы сознания зависит от решения вопроса о причинах существования субъективности и представляет собой отдельную проблему. Автор не имеет никаких четко оформленных представлений о том, как возможно сознание. Более того, он даже не знает, как расположить отдельные элементы сознания относительно друг друга в выбранном им самим варианте ответа на вопрос «Зачем я нужен?». Разумеется, сознание

как-то структурировано. И структурировано сложно, но в данный момент нас не интересует его структура. Это прагматическая незаинтересованность. Если уже на вопрос о причинах субъективности будет дан неверный ответ, то зачем выстраивать сложную модель взаимодействия отдельных элементов? Другое дело, что будет сделана попытка наметить возможные следствия существования сознания.

Более того, нужно ответить не на вопрос «Зачем нужна субъективность?», а на вопрос «Где нужна субъективность?». Это разные вопросы. На вопрос «зачем?» мы отвечаем указанием на функцию. Вопрос «где?» указывает на возможную каузальную точку влияния сознания на биологический субстрат. Таких точек может быть несколько. Его можно сформулировать по-другому: «Когда сознание влияет на мозг? При каких условиях?» Задача - попытаться ответить на этот вопрос и двигаться дальше, не застревая на этапе сравнения концепции и взглядов, не замыкаясь на множестве бесконечных дискуссий. Хотелось бы наметить возможные следствия, которые появляются при движении в выбранном направлении. Появилось желание выйти из пространства привычных дискуссий в пространство решения осязаемых проблем. Смысл работы в движении вперед, несмотря на возможные грубые ошибки и неуместные спекулятивные конструкции. Если появляется возможность выйти из пространства философских спекуляций в пространство спекуляций нефилософских, то этим нужно пользоваться, потому что такое движение представляет собой единственный адекватный выход, когда философия сознания находится в состоянии стагнации. Автор не готов спорить о том, как реализуется субъективность и что является ее основой: образы, вербальные отчеты, схемы, паттерны движения и т.д. Ему всего лишь нужно найти ту возможную точку, которая указывала бы на причину существования того, что автор называет собой.

Для того чтобы ответить на вопрос о причинах существования субъективности нужно наметить пространство, где субъективность не нужна.

Лучший метод в данном случае – это метод исключения. Для ответа на вопрос «зачем я нужен?» необходимо определиться с тем, где «я не нужен». Это позволит избавиться от множества иллюзий относительно своего существования и роли субъективности в жизни человека. «Исключение» субъективности представляет собой то, о чем Хайдеггер писал: «...свободное опускание себя в Ничто, то есть избавление от божков, которые у каждого есть и у которых каждый имеет обыкновение прятаться». Этому избавлению от божков феноменологического сада посвящена следующая часть этой главы.

Проблемы и вопросы к дальнейшему исследованию в данном направлении:

1. Можно ли игнорировать проблему сознание-тело и отказаться от физиологической интерпретации сознания в поисках ответа на вопрос «Какую функцию выполняет субъективный опыт?»?

§2. Пространство бессознательного

Субъект дан себе, иначе мы бы не могли говорить о субъекте. Человек всегда обнаруживает себя уже присутствующим в мире. Но факт присутствия наблюдателя не означает его необходимости в актуальном настоящем. Если в данный момент человек обладает феноменальным опытом, то это не говорит о том, что феноменальные данные выполняют какую-либо функцию здесь и сейчас. Мы ошибаемся, когда отождествляем присутствие сознания с его необходимостью.

Постоянное присутствие субъекта мешает выделить функции субъективности, вносит искажение в наше представление о статусе феноменального мира. В мозге человека одновременно протекает множество процессов, которые обеспечивают функционирование организма, при этом лишь незначительная часть из них осознается. Но тот факт, что в каждый момент времени присутствует сознающий субъект, не указывает на то, что сознание необходимо. В конце концов, у коровы есть хвост даже тогда, когда ей не нужно отгонять мух - действие может быть спровоцировано исключительно бессознательными механизмами и просто сопровождаться наличием сознания. Чаще всего так и есть. Более того, вполне вероятно, что вообще всегда именно так и происходит.

1.1 Гетерофеноменология

Самым несомненным фактом с точки зрения здравого смысла является факт нашего существования. Наша жизнь сопровождается феноменальным опытом, например, сейчас автор смотрит на экран монитора и видит этот текст. Если убрать этот опыт, то нельзя будет говорить об авторе как о субъекте. Человек существует постольку, поскольку существуют единство сознания и приватные данные сознания. Однако привязанность субъекта к своему существованию является причиной иллюзий относительно природы

сознания. Аллахвердов так формулирует проблему, которая стоит перед современной когнитивной наукой: «Зачем нужна сознательная переработка информации, если, как показывают исследования когнитивного бессознательного, вначале более полно и точно эта переработка осуществляется неосознанно»?⁶² Другими словами, значительная часть нашей жизни не нуждается в сознании, но его постоянное присутствие мешает абстрагироваться от этого факта. На пути объективного исследования сознания встает серьезное и часто непреодолимое препятствие – это наша привычка отождествлять свое поведение со своей же субъективностью.

Дэниел Деннет предлагает методологию гетерофеноменологического анализа для того, чтобы избавиться от иллюзий необходимости сознания в каждый конкретный момент времени.⁶³ Для этого нужно относиться к самому себе с позиции третьего лица, а не с позиции первого, как мы все привыкли. Для того чтобы выяснить функции субъективности, нужно вычеркнуть из своего существования те моменты, которые могут быть объяснены на языке когнитивных схем и не нуждаются в допущении влияния сознания.

Нельзя сказать, что Деннет придумал этот метод. Так, например, критика Витгенштейном использования «ментального словаря» для обозначения внутренних состояний имеет в своей основе много общего с предложенным Деннетом подходом к исследованию субъективного опыта.

Добиться некоторого успеха в этом направлении позволяет изучение работ, посвященных психофизиологии когнитивных процессов. Знакомство с нейробиологическими коррелятами поведения человека приводит к выводу о том, что наша субъективность действительно представляет собой

⁶² Аллахвердов В. М. Зачем нужно сознание, или почему мы делаем ошибки? // Экспериментальная психология в России: традиции и перспективы. - Институт психологии РАН. 2013. С. 345 - 348

⁶³ Daniel C. Dennett. Who's on first? Heterophenomenology explained. // Journal of Consciousness Studies 10 (9):19-30 (2003)

эпифеномен биохимических реакций. То есть причину каждого своего действия, каждого своего ментального состояния чаще всего удастся найти в текстах по психофизиологии. Подобная практика влечет за собой интересный вывод: убирая слой за слоем то, что считал частью себя, вычеркивая те проявления субъективности, которые имеют причину в нейрофизиологии, со временем рискуешь остаться ни с чем. Это практика, которая позволяет осознать всю силу эпифеноменализма (физиологического редукционизма в психологии) и увидеть себя как часть сущего, пусть и как особый регион его. Но кто тот наблюдатель, который рискует остаться ни с чем? Почему он есть? На каком-то этапе объективное исследование себя самого требует признать себя биологическим автоматом, природа и функционирование которого определяются органическим субстратом. Причем функционирование этого механизма не нуждается в излишке в виде сознания – мы наблюдаем свое поведение, но не нужны для того, чтобы быть его причиной. Вычеркивание субъективности – это и есть то самое «свободное отпускание себя в Ничто, т.е. избавление от божков, которые у каждого есть и у которых каждый имеет обыкновение прятаться».

Этот параграф нужен для того, чтобы избавиться от иллюзий необходимости сознания в нашей жизни и сделать попытку выйти из «сада феноменологических иллюзий».

«Почему человек видит стол? Потому же, почему собака видит зеленый кусок мяса – чтобы не отравиться». Но и человек видит стол не по этой причине, и собака, возможно, его «не видит» вовсе. Разумеется, приводится лишь незначительная часть возможных примеров. Некоторые из примеров могут быть неполными, недостаточно корректными или спорными. Но любой из спорных или некорректных примеров может быть с легкостью заменен на корректный при должном анализе специальной литературы или настойчивой рефлексии своего поведения. В любом случае, убедить человека в том, что его сознание не является необходимостью практически невозможно – слишком сильно действие установок здравого смысла, мы крепко цепляемся

за свое существование. И это тоже биологическая установка, от которой нужно избавиться. К тому же избавление от иллюзий может быть достаточно болезненным. Поэтому подобное избавление остается индивидуальной практикой, которая требует значительных усилий и усердия.

1.2.1 Опыт Либета

В настоящее время пространство бессознательного беспрецедентно увеличивается и не вызывает труда найти исследование, описывающее ту или иную способность на языке бессознательных механизмов. В 1973 году Бенжамин Либет провел эксперимент, в котором исследовал свободу воли.⁶⁴ Он просил испытуемых поднимать палец тогда, когда им захочется это сделать. При этом у человека была возможность зафиксировать время, когда он принял решение поднять палец. Однако оказалось, что потенциал готовности наблюдался в мозге за двести миллисекунд до момента принятия решения. Таким образом, можно предсказать действие до того, как человек решил его выполнить – мозг принимает решение и только после этого информация попадает в пространство субъективного опыта.⁶⁵ Человек убежден в том, что его желание было причиной действия, но в действительности оказывается, что решение уже было принято без участия субъекта. При этом субъективно переживаемое принятие решения представляет собой лишь следствие бессознательной активности мозга, а само действие осуществляется автоматически.⁶⁶ Но если без участия

⁶⁴ Кандель Э. В поисках памяти: Возникновение новой науки о человеческой психике / М.: Астрель: CORPUS, 2012. С. 562

⁶⁵ Рамачандран Вилейанур С. Рождение разума. Загадки нашего сознания. – М.: ЗАО «Олимп – Бизнес», 2006. С. 100

⁶⁶ Гиппенрейтер, описывая психофизиологическую проблему, пишет о взаимодействии психических и физиологических процессов: «Приведу примеры очевидного влияния мозга на психику. Их сколько угодно: это любые нарушения психических процессов (памяти,

субъективности организм может поднимать палец в лаборатории Либета, реагируя на установку экспериментатора, то, что еще он может делать в обход того, что мы называем собой?

1.2.2 Сомнамбулизм

Сомнамбулизм является примером бессознательного поведения, которое определяется как «форма сложного, внешне как бы целенаправленного, но неосознаваемого поведения».⁶⁷ В данном определении наиболее интересны характеристики сомнамбулизма как сложного и целенаправленного поведения: человек может встать с кровати, самостоятельно одеться, он может ходить и достаточно связно разговаривать, совершать стереотипные действия, при этом он находится в состоянии сна, не осознает свое поведение и по пробуждении ничего не помнит.⁶⁸ Человек не осознает того, что совершает сложные и целенаправленные действия. Тут

мышления, речи) в результате мозговой патологии - мозговых травм, опухолей и др.; психические следствия различных фармакологических воздействий на мозг - алкоголя, наркотиков и др.; психические феномены (ощущения, образы воспоминаний, эмоциональные состояния), возникающие при непосредственном раздражении мозговых центров и т. п. Фактов, как будто свидетельствующих об обратных влияниях - психики на физиологические процессы, не меньше. Это прежде всего все произвольные движения (захотел - и поднял руку) ...». (Гиппенрейтер Ю.Б. Введение в общую психологию. URL: <http://bookre.org/reader?file=37167> (Дата обращения: 25.06.2014)) Но опыты Либета указывают на то, что факт произвольного действия вовсе и не факт влияния психики на физиологию и процесс может быть описан в терминах процессов, проходящих в биологическом субстрате.

⁶⁷ Борис Гурьевич Мещеряков, Владимир Петрович Зинченко. Большой психологический словарь. / Олма-пресс. 2004

⁶⁸ Психофизиология: Учебник для вузов / Под ред. Ю. И. Александрова. – 3-изд., доп. И перераб. – СПб: Питер, 2008. С. 207

нет реакции на стимулы извне – но тут есть демонстрация возможности совершать действия без участия сознания.

1.2.3. Слепое зрение

Пациенту с поврежденной зрительной корой было предложено протянуть руку и коснуться небольшой точки света. Пациент не понял того, что от него требуется: как он может дотронуться до того, чего не видит? Его попросили проделать эту операцию наугад, то есть было предложено догадаться, где расположена точка света. Больной с успехом выполнил эту задачу. В дальнейшем он верно указывал на место расположенного предмета перед ним с 99-процентной точностью.⁶⁹ Эффект верной обработки визуальной информации в обход сознательного опыта получил название «слепого зрения». Предположительно, несмотря на повреждение зрительной коры, информация от зрительных нервов обрабатывается, благодаря тому, что возникает обходной путь от зрительных нервов в теменные доли, которые направляют руку.⁷⁰ Таким образом, реакция на зрительные стимулы возможна без участия сознания. Вопрос в том, насколько сложные поведенческие реакции на зрительные стимулы могут осуществляться без участия сознания. Принципиальную возможность такого поведения этот опыт продемонстрировал.

1.2.4. «Ручное зрение»

По аналогии со «слепым зрением» Рамачандран называет неосознаваемое управление автомобилем «ручным зрением»: «Иными словами, в этом случае вы ничем не отличаетесь от пациентов с

⁶⁹ Рамачандран Вилейанур С. Рождение разума. Загадки нашего сознания. – М.: ЗАО «Олимп – Бизнес», 2006. С. 37

⁷⁰ Там же. С. 37

односторонней слепотой, обладая «ручным зрением» при вождении и преодолении пути. То, что мы видим у таких пациентов, — просто особая версия «ручного зрения», обнаженная болезнью, но его состояние не имеет принципиального различия с тем, что бывает у всех нас».⁷¹

Серл также рассматривает пример с вождением автомобиля. Он описывает свою поездку к офису: Серл управляет автомобилем, но его внимание сосредоточено на решении философских проблем.⁷² Можно ли говорить о том, что он ведет машину бессознательно? Серл утверждает, что нет, так как то, что сейчас находится на периферии сознания, все равно потенциально осознаваемо. И если его внимание привлечет какая-то ситуация на дороге, то он среагирует и управление автомобилем переместится с периферии сознания в его центр. Но дело же не в том, что и куда перемещается. Важно понять, являются ли квалиа необходимым элементом поездки Серла? Мы видим человека за рулем автомобиля, который выполняет ряд действий: держит руль, нажимает на педаль и т.д. Если меняется ситуация, то изменяется и его поведение — он начинает выворачивать руль, давит на педаль тормоза. Если мы понаблюдаем за действием простейшего организма эвлены, то увидим, как она охотится на других одноклеточных организмов. Если добавить в сосуд с эвленой соль, то ее поведение изменится: она начнет быстрее двигать жгутиком, убегая из места концентрации раздражающего вещества. Корректно ли говорить, что центр ее сознательной жизни сместился? Если так и можно выразиться, то все равно трудно предположить, что она обладает квалиа. У нее нет мозга. У нее есть только врожденный набор правил поведения. Чем принципиально отличается Серл от эвлены, когда ведет автомобиль? Разве что к врожденным шаблонам поведения добавляются приобретенные правила

⁷¹ Рамачандран Вилейанур С. Рождение разума. Загадки нашего сознания. — М.: ЗАО «Олимп — Бизнес», 2006. С. 40

⁷² Серл, Джон. Открывая сознание заново. Перевод с англ. А. Ф. Грязнова. М.: Идея-Пресс, 2002. — 137 с.

реагирования на то или иное раздражение. Поэтому говорить о том, что некоторое восприятие переместилось из периферии сознания к центру, может быть и корректно, но утверждать, что оно необходимо в данной ситуации – преждевременно.

То, что внимание коррелирует по времени с действием не указывает на каузальную функцию внимания или центра сознания. Если действие попадает в фокус внимания, то этот факт может указывать лишь на то, что эти два процесса по каким-либо причинам должны проходить одновременно. Параллелизм действия и субъективного осознания этого действия могут быть необходимым элементом поддержания единства сознания и условием выполнения функций субъективности.

1.2.5. Альфред Хофман

После того, как Альфред Хофман синтезировал ЛСД, он решил испытать действие нового вещества на себе. У него начались галлюцинации, появились разноцветные пятна, Хофману стало трудно связно говорить, возникли признаки паралича. В этом состоянии он отправился домой на велосипеде под присмотром ассистента. Во время поездки Хофман продолжал испытывать на себе действие ЛСД: у него возникли зрительные и слуховые галлюцинации, пространство исказилось, улицы Базеля превратились в полотна Сальвадора Дали, ему казалось, что он едет крайне медленно, почти не движется, однако на следующий день ассистент сказал, что он ехал быстро. Несмотря на наркотический трип, Хофман без происшествий доехал до дома.⁷³ Таким образом, его приватные состояния рисовали ему совершенно причудливый и деформированный мир, но это никак не помешало ему быстро ехать на велосипеде. Видимо, в данном случае приходится признать, что приватные состояния не оказали

⁷³ Альберт Хофманн. ЛСД - мой трудный ребенок. URL:

<http://bookre.org/reader?file=121150> (Дата обращения: 04.02.2014)

значительного эффекта на способность ехать на велосипеде в правильном направлении. Можно привести множество других примеров эпифеноменальной природы квалиа.⁷⁴

1.2.6. Установка

Студент рассказывал о том, как он возвращался поздно ночью домой. Незадолго до этого шел дождь, поэтому было много луж, которые нужно было обходить. Перед ним шел мужчина в том же направлении. Знакомый задумался о чем-то и сам не заметил, как начал повторять траекторию идущего и огибающего лужи перед ним мужчины. Он отвлекся от своих размышлений только тогда, когда мужчина, за которым он шел по пятам, побежал от него прямо по лужам. Только тогда он понял, что шел поздно ночью на окраине города след в след за человеком. Когнитивная установка – это еще одна форма бессознательного, которая представляет собой схему взаимодействия организма со средой.⁷⁵ Реализация этой схемы и ее формирование происходят без участия сознания. В качестве доказательства приводится тот факт, что установку можно выработать у человека, который находится под гипнозом.⁷⁶ Если есть установка следовать за человеком, идущим впереди, то, так как эта модель поведения позволяет минимизировать собственные затраты на решение конкретной задачи, она будет реализована несмотря на изменение ситуации. Функция установки – минимизация усилий психической деятельности, которая возможна благодаря созданию шаблонов поведения.

Даже если сознание не нужно для того, чтобы обходить лужи, то, кажется, что общение с другими людьми невозможно без участия сознания.

⁷⁴ Christof Koch and Francis Crick. On the zombie within. Nature 411, 893 (21 June 2001)

⁷⁵ Психофизиология: Учебник для вузов / Под ред. Ю. И. Александрова. – 3-изд., доп. И перераб. – СПб: Питер, 2008. С. 208

⁷⁶ Там же

Но исследования коммуникативной составляющей нашего поведения показывают, что тенденции поведения внутри коммуникативного пространства являются досознательными и не зависят от текущего сознаваемого состояния.⁷⁷ Аллахвердов цитирует Дж. Барга и м Фергюсона: «Бессознательное пронизывает не только когнитивные процессы, но и процессы социального взаимодействия. Дж. Барг и М. Фергюсон пишут: «Самые высшие психические процессы, которые традиционно служили ярчайшим примером проявления свободы выбора и воли человека – направленность на достижение поставленной цели, вынесение моральных суждений, межличностное взаимодействие, – осуществляются в отсутствие сознательного выбора и контроля». В существующих концепциях сознание или ничего не делает, или делает то, что, как выяснилось, на самом деле уже сделано неосознанно. Зачем же нужно осознание?»⁷⁸

1.2.7. Бессознательное и речь

Рамачандран проводит параллели между «слепым зрением» и «ручным зрением» для того, чтобы продемонстрировать бессознательные механизмы поведения в жизни каждого человека. Хотя тут же утверждает, что уж разговор-то, который он ведет со своим другом, пока сам лавирует в потоке, невозможен без участия сознания. Действительно, трудно поверить в то, что и наша коммуникация не нуждается в сознании. Но Рамачандрану возражает Деннет, который указывает на то, что даже сложные интенции, которые

⁷⁷ Джон Барг, Марк Чен, Лара Берроуз. Автоматизмы в социальном поведении. //

Горизонты когнитивной психологии: Хрестоматия. – М.: Языки славянских культур; М.:Российский государственный гуманитарный университет (РГГУ), 2012.

⁷⁸ Аллахвердов В. М. Зачем нужно сознание, или почему мы делаем ошибки? //

Экспериментальная психология в России: традиции и перспективы. - Институт психологии РАН. 2013. С. 345 - 348

являются основой нашего общения, являются бессознательными.⁷⁹ Поэтому даже наше общение с другими людьми лишь сопровождается субъективностью, но сознанием не контролируется. Коммуникация – это правила поведения, следование которым не нуждается в сознании.⁸⁰ Не нужно рефлексировать по поводу того, что мы говорим: наша речь основана на механизмах имплицитной памяти, то есть она не нуждается в том, чтобы быть осознанной.⁸¹ Сознание не участвует в создании грамматической структуры высказывания, оно не нужно и для того, чтобы подбирать слова и выражения – этот процесс является неосознанным.

Ника Турбина начала писать стихи в 4 года. В 9 лет у нее вышел первый сборник стихов, предисловие к которому написал Евгений Евтушенко. Ее знал весь Советский Союз как ребенка-вундеркинда. Ника Турбина – пример одаренного ребенка, которого многие считают гением. Она писала стихотворения полные тоски и страдания. Ею восхищались маститые поэты:

Жизнь моя - черновик,
На котором все буквы - созвездия...
Сочтены наперёд все ненастные дни.
Жизнь моя - черновик.
Все удачи мои, невезения
Остаются на нём
Как надорванный выстрелом крик.

Но понимала ли она то, о чем писала? Ребенок просто копирует поведение взрослого. Она делала то, что вызывало похвалу взрослых, то есть

⁷⁹ Dennett D. Conditions of Personhood // D.C. Dennett. Brainstorms. Philosophical Essays on Mind and Psychology. Ch. 14. MIT Press, Cambridge Mass., L., 1986. P. 267—299.

⁸⁰ Деннет Д. Условия личностного / Юлина Н. С. Головоломки проблемы сознания: концепция Дэниэла Деннета. – М.: Канон+, 2004. С. 468

⁸¹ Психофизиология: Учебник для вузов / Под ред. Ю. И. Александрова. – 3-изд., доп. И перераб. – СПб: Питер, 2008. С. 206

демонстрировала выгодное для организма поведение. То есть ее поведение, как и любого живого существа, направлено на получение положительного подкрепления. В данном случае – это похвала родителей. Разумеется, она не понимала того, что такое любовь или страдание, - она просто создавала тексты с использованием определенного набора пустых для нее понятий, которые взрослыми людьми воспринимались как нагруженные смыслом и эмоциями. Все ее творчество – это пример языковой игры. Ребенок учится копировать поведение взрослого, в том числе и языковое поведение, для чего осознанное понимание значения слов не нужно. Так студенты-первокурсники рассказывают на экзамене о проблеме бытия в философии Аристотеля. Видимо, для того чтобы играть в языковые игры нам действительно не нужна субъективность.

1.2.8. Математические операции

Исследования показывают, что арифметические вычисления также могут проходить без участия сознания.⁸² Было продемонстрировано, что человек способен выполнять задачи на вычисление, несмотря на то, что эти действия не попадают в пространство осознанного опыта: «человек может производить сложнейшие арифметические расчеты, несмотря на то, что не в состоянии не только объяснить, как он это делает, но даже понять, что он вообще выполняет эти действия».⁸³

В связи со способностью выполнять математические операции без участия сознания интересно воспоминание отечественного шахматиста

⁸² Науменко О.В. Неосознаваемая оценка правильности решения арифметических и логических задач // Сборник по материалам лучших дипломных работ факультета психологии СПбГУ, 2007

⁸³ Аллахвердов В. М. Процесс осознания в контексте когнитивной науки. «Психология. Журнал Высшей школы экономики» 2006. Т. 3. № 2. С. 56–61

Михаила Талья.⁸⁴ В одной из партий возникла сложная позиция, которая привела к появлению множества вариантов дальнейшего развития игры. Таль пытался просчитать возможные комбинации, но у него не получалось: «Мысли громоздятся одна на другую. В общем, в голове возникает совершенно хаотичное нагромождение всяких ходов, подчас даже не связанных друг с другом, и пресловутое «дерево вариантов», от которого тренеры требуют отсекай по веточке, разрастается с неимоверной скоростью». Тогда Талью приходит на ум двустишие Чуковского:

Ох, нелегкая эта работа

Из болота тащить бегемота.

Вместо того, чтобы продолжать анализировать ход игры, Михаил Таль пытался найти способ вытащить этого бегемота из болота: «Помнится, в моих мыслях фигурировали домкраты, рычаги, вертолеты и даже веревочная лестница». Неожиданно бегемот исчез, а Таль сделал правильный ход. На следующий день он с удовольствием прочитал в газете о том, что «Михаил Таль после тщательного обдумывания осуществил точно рассчитанную жертву фигуры...». Таким образом, те когнитивные процессы, которые используют механизмы комбинаторно-вероятностного мышления, могут протекать без участия сознания.⁸⁵

1.2.9. Бессознательные открытия

Таль сделал неожиданный для себя ход, а ученые делают неожиданные для себя открытия: комбинаторное мышление играет значительную роль и в

⁸⁴ М. Таль. Мышление шахматиста // Психология мышления. Под ред. Ю. Б. Гиппенрейтер. – М.: АСТ: Астрель, 2008. С. 641 - 642

⁸⁵ Пушкин В.Н., Шавырина Г.В. Саморегуляция продуктивного мышления и проблема бессознательного в психологии // Материалы Международного симпозиума по проблемам бессознательного. Т.1 - Тбилиси, 1978

процессе научного поиска.⁸⁶ Автор часто не знает, каким образом он пришел к решению той или иной головоломки: решение приходит спонтанно; процесс, результатом которого стала идея, часто не осознается.⁸⁷ Пуанкаре приводит случай, когда он испытал момент творческого озарения. Он уехал в геологическую экспедицию и на время отложил свою работу. Но когда он садился в омнибус, то неожиданно к нему пришло решение задачи, над которой он размышлял в своем кабинете. Ему было очевидно, что мысль пришла «без всяких, казалось бы, предшествовавших раздумий с моей стороны». Он пишет: «То, что вас удивит, прежде всего, это видимость внезапного озарения, — явный результат длительной неосознанной работы; роль этой бессознательной работы в математическом изобретении мне кажется несомненной и её следы можно найти и в других случаях, когда это менее очевидно».⁸⁸

Гельмгольц добавляет: «Эти счастливые наития нередко вторгаются в голову так тихо, что не сразу заметишь их значение, иной раз только случайность укажет впоследствии, когда и при каких обстоятельствах они приходили: появляется мысль в голове, а откуда она — не знаешь сам».⁸⁹

Фантазмы, среди которых могут быть решения научных проблем, приходят без какого бы то ни было усилия с нашей стороны. Наша субъективность не нужна для этого скрытого в глубине бессознательного процесса.

⁸⁶ Бурменская Г.В., Евдокимова Л.В. Формирование комбинаторного мышления у младших школьников и подростков // Вопросы психологии №2, 2007. С. 44 - 57

⁸⁷ В. М. Аллахвердов. Научное исследование как тривиализация обоснованной ахинеи // Теория и методология психологии: Постнеклассическая перспектива / Отв. ред. А.Л. Журавлев, А.В. Юревич. - М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2007. - 528 с.

⁸⁸ А. Пуанкаре. Математическое творчество // Психология мышления. Под ред. Ю. Б. Гиппенрейтер. – М.: АСТ: Астрель, 2008. С. 619 - 626

⁸⁹ Г. Гельмгольц. Как приходят новые идеи // Психология мышления. Под ред. Ю. Б. Гиппенрейтер. – М.: АСТ: Астрель, 2008. С. 627

2.1. Китайская комната

Однажды американского философа Джона Серла пригласили прочитать лекцию об искусственном интеллекте.⁹⁰ Серл никогда раньше не занимался этой проблемой, поэтому он купил книгу исследователей из Лаборатории искусственного интеллекта для того, чтобы вникнуть в суть обсуждаемых проблем. В книге описывались программы, которые понимали искусственную речь. Когда Серл летел в самолете и читал книгу, ему пришло в голову простое опровержение возможности существования подобных программ: допустим, что рассказ на китайском языке, а человек, читающий этот рассказ, - это аналог программы. Будет ли этот человек понимать рассказ? Так появился мысленный эксперимент Китайская комната, который до сих пор является одним из наиболее обсуждаемых мысленных экспериментов в когнитивной философии.⁹¹

Человек сидит один в комнате за компьютером. На экране компьютера появляется вопрос на китайском языке, но человек не владеет китайским языком. Зато у него под рукой справочник, в котором он может найти подходящий вариант последовательности иероглифов для корректного ответа на ту последовательность, которую видит на экране. Видит последовательность иероглифов - находит эту последовательность в справочнике и ответ на эту последовательность в виде другой последовательности. Таким образом, человек будет способен корректно отвечать на вопросы, не понимая ни вопросов, ни ответов на них. Компьютер пользуется похожей программой: да, он способен корректно отвечать на вопросы, но понимает ли он? Серл утверждает, что нет. При этом Серл является сторонником «слабой» версии искусственного интеллекта, согласно

⁹⁰ Васильев В.В. Трудная проблема сознания. – М.: Прогресс-Традиция, 2009. С. 85

⁹¹ Джон Р. Сирл. Разум, мозг и программы // Хофштадтер Д., Деннет Д. Глаз разума. – Самара: Издательский Дом «Бахрах-М», 2003. С. 314

которой существует возможность создать компьютер, который будет абсолютно верно имитировать поведение человека. Но создать модель сознания – это не значит создать сознание.

Машина способна создавать иллюзию диалога, но не способна понимать. Можно возразить: условия, в которые Серл помещает машину, изначально не верны – вычислительный механизм в оригинальном эксперименте не знает семантику, а для адекватного сопоставления мозга человека и машины необходимо, чтобы компьютер располагал не только сведениями об означающих, но и об означаемых, которыми обладает человек. Если машина будет знать семантику, то она станет аналогом мозга человека.⁹² Возможно, это справедливое возражение, но если мы не компьютеру предоставим информацию о семантической составляющей нашей коммуникации, а человека лишим этого знания?

Автору нужно было сдать экзамен по истории зарубежной философии. Разумеется, выучены были не все билеты: не были прочитаны тексты зарубежного философа, вопросы по работам которого вошли в значительную часть билетов. Перед тем, как зайти в аудиторию, автор подошел к однокласснице и попросил ее кратко рассказать основные идеи этого зарубежного философа. Она сказала: «Ну... У него бог... и человек...». «Бог и человек? Понятно - Флоренский». В билете попался именно этот философ. Во время ответа автор пересказывал Флоренского. Экзаменатор сказал, что этот ответ был лучшим в тот день. Как был сдан этот экзамен?

Автор не знал ответа на билет. Но он подделал знание, создал иллюзию понимания, продемонстрировал необходимое поведение. С другой стороны, можно возразить: он понимал то, о чем говорил. А это значит, что иллюзии не было. То есть автор просто нашел корректный аналог запрашиваемой информации. Но, возможно, это не совсем так. Что он говорил? Автор рассказывал об «антиномиях», о «боге», о «человеке». Однако, важно не то,

⁹² Васильев В.В. Кока-кола и секрет Китайской комнаты // Философия сознания: классика и современность: Вторые Грязновские чтения. – М., Издатель Савин С.А., 2007.

что он рассказывал, а то, как он это делал. Последующий анализ поведения показал, что ответ нуждался не в смысле произносимого, но в его уместности. Важнее была реакция экзаменатора на ответ. Автор говорил то, что от него хотели услышать. Как та девочка Ника, которая писала стихи о страдании, потому что они вызывали умиление у ее родителей и маститых поэтов.

2.2. Афазия

Афазия – это нарушение речи, которое проявляется в неспособности больного вербализировать свои мысли из-за повреждений речевых отделов коры головного мозга. Оливер Сакс описывает поведение пациентов, больных афазией: «О наших пациентах, страдающих тяжелыми глобальными и рецептивными афазиями, но сохранивших умственные способности, часто говорят, что, не понимая слов, они улавливают большую часть сказанного. Друзья, родственники и медсестры иногда даже сомневаются, что имеют дело с больными, так хорошо и полно эти пациенты ухватывают смысл нормальной естественной речи»⁹³.

Во время коммуникации мы используем не только и не столько слова и языковые конструкции, сколько интонации, окружающий контекст, эмоции и так далее. Больные тяжелыми формами афазии часто не различают грамматических структур и даже отдельных слов, но они чувствительны к мимике и тону. Сакс указывает на то, что сами по себе языковые выражения для афатиков ничего не значат, но они вполне способны функционировать в коммуникативном пространстве благодаря реакциям на невербальные стимулы. Афатикам сложно лгать, потому что ложь использует слова, но их-

⁹³ Сакс, О. Человек, который принял жену за шляпу, и другие истории из врачебной практики. / Оливер Сакс. – М.: АСТ: Астрель: Полиграфиздат, 2012. С. 117

то афатик и не понимает.⁹⁴ Сакс, описывая поведение больных афазией, приводит слова Ницше: «Язык может лгать, но гримаса лица выдаст правду».

Поэтому для выявления афазии неврологи «изымают невербальные индикаторы тембра, интонации и смыслового ударения, а также зрительные подсказки мимики, жестов и манеры держаться». Это делается для того, чтобы «свести речь до уровня чистых слов и грамматических структур, устранить из нее то, что Фреге называл «тональной окраской» (Klangfarben) и «экспрессивным смыслом»».⁹⁵

Не пользовался ли автор во время сдачи экзамена теми же инструментами, которые позволяют афатикам обманывать родных и врачей, демонстрируя иллюзию понимания?

Есть ли у афатиков семантика? Они, безусловно, понимают то, что происходит в коммуникативном пространстве, но дело в том, что это понимание не нуждается в сознании, то есть во внутренних состояниях. Они понимают то, что происходит на довербальном уровне, по принципу стимул-реакция. Эти стимул и реакция не всегда попадают в пространство субъективного восприятия и тем более не нуждаются в нем. Понимал ли автор то, о чем говорил? Или просто реагировал на невербальные стимулы? Всегда ли студент понимает то, о чем говорит на экзамене, когда рассказывает о «выдвижении в Ничто»? Или мы наблюдаем лишь навык работы с означающим?

Косилова описывает свой опыт принятия экзамена: «будучи преподавателем философии, я нередко сталкиваюсь на экзамене с настоящим вербализмом, который по формальным признакам практически нельзя отличить от нормальной речи. Интуитивно обычно совершенно ясно, осмысленно говорит человек или он просто знает, какие слова надо произнести в каком случае. Но нет способа формально различить наличие

⁹⁴ Сакс, О. Человек, который принял жену за шляпу, и другие истории из врачебной практики. / Оливер Сакс. – М.: АСТ: Астрель: Полиграфиздат, 2012. С. 118

⁹⁵ Там же.

смысла и его отсутствие. Поэтому в учебе такие студенты бывают успешны, даже несмотря на то, что преподаватели знают цену их ответам».⁹⁶

Когда студент сдает экзамен, то он далеко не всегда нуждается в субъективно осознаваемой семантической информации. Он слышит слово «Кант» и выдает реакцию на раздражение: «трансцендентальное единство апперцепции», слышит «Лейбниц» - «предустановленная гармония». Реакция «как у собаки Павлова на звонок». Ему не нужно знать, что такое апперцепция или предустановленная гармония во время ответа на билет. Процесс сдачи экзамена представляет собой коммуникативную игру, в которую можно играть и без излишка в виде сознания. Возможно, в момент сдачи экзамена автор был полным аналогом компьютера в китайской комнате или чем-то вроде «философского зомби» (полного аналога человека, но без внутренних состояний). Поэтому можно находиться в пространстве означающих и вполне эффективно выполнять функции субъекта коммуникации – студент живое тому доказательство. Студент – это зомби? Даже во время сдачи экзамена сознание не всегда необходимо – нужна лишь подходящая схема адекватно отвечающих реакций на стимулы.

На втором занятии по курсу философской антропологии преподаватель рассказывает студентам о тесте Тьюринга. Этот тест был предложен Аланом Тьюрингом для определения способности мыслить вычислительной машины.⁹⁷ Его суть в том, что человек общается с одним компьютером и одним человеком. Его задача определить: кто из собеседников живой человек, а кто механизм. Задача машины - ввести человека в заблуждение, выдав себя за человека. Полушутя преподаватель говорит: «Моя задача - сделать из вас корректно функционирующие машины Тьюринга для того, чтобы вы могли грамотно обмануть экзаменатора во время сдачи экзамена,

⁹⁶ Косилова Е. В. Психиатрия: опыт философского анализа: монография. – Москва: Проспект, 2014. С. 224

⁹⁷ А. М. Тьюринг. Вычислительные машины и разум. // Хофштадтер Д., Деннет Д. Глаз разума. – Самара: Издательский Дом «Бахрах-М», 2003.

так как проверить ваше реальное понимание не представляется возможным, а выработать у вас навык демонстрации такого понимания реально вполне».

2.2. Номологические бездельники

Кроме приведенных примеров есть: автоматизированное поведение, гипноз, безотчетные эмоции, подпороговое восприятие слов, и т.д. Не имеет принципиального значения, какие из многочисленных примеров привести – важно указать на то, что за человеком все крепче закрепляется статус биологического автомата, алгоритм функционирования которого прописан в его генетическом коде или зависит от физико-химических реакций на раздражение из внешнего мира.⁹⁸ И это верно, потому что если подвергнуть незамутненной самообманом рефлексии свои поступки, то в подавляющем большинстве случаев можно отыскать их причину, которая кроется в необходимости обслуживать нашу биологию. Это относится и к тому, что мы делаем, и к тому, что мы говорим. В том, что наши ментальные состояния спровоцированы нейродинамическими процессами и наше поведение не нуждается в том, чтобы быть осознанным нет ничего удивительного: в пространстве автоматизма субъективность кажется излишеством, а мы есть результат сложного переплетения инстинктивных реакций и приобретенных моделей поведения. Удивительно то, что сознание есть.

Поэтому, если мы остаемся на позициях физикализма, то нам приходится признать каузальную несостоятельность субъективных

⁹⁸ Утверждая, что наше поведение не требует сознания, важно иметь в виду, что сознание может не участвовать в выполнении организмом определенных функций некоторой когнитивной подсистемы, но принимать участие в другом случае. Наиболее спорными являются положения о том, что сознание не является необходимостью для речевого поведения и социального взаимодействия.

переживаний и согласиться с Фрэнком Джексоном в том, что квалиа имеют эпифеноменальную природу.⁹⁹

Противники идеи «номологических бездельников» часто призывают к здравому смыслу. Однако здравый смысл приводит к тупику, который называется «трудная проблема сознания».

Если отождествить сознание и осознанность и говорить о том, что сознание суть наличие феноменальных данных, как это делает Серл, то есть является при ощущении себя существующим в мире, то в этом случае мы ограничиваем функциональную состоятельность субъективности и рискуем пропустить то важное, что указывает на сущностную черту человека. С другой стороны, понимание того, что наше поведение определяется бессознательными механизмами, а субъективность является «призраком в машине», позволяет говорить об онтологии наблюдателя – крайне интересный вариант, который позволяет вернуться к идее параллелизма.

Для того, чтобы двигаться в направлении исследования сознания, нужно искать те точки, в которых поведение настолько деформировано, что приходится вводить нечто дополнительное. Это похоже на поиск черных дыр астрофизиками, который осуществляется по косвенным признакам, доступным для исследования, например, искривлению света от звезд. Необходимо оголить субъективность настолько, чтобы увидеть механизм функционирования сознания. При этом важно не уходить в крайность и не утверждать, что сознание – это лишь бездейственный эпифеномен физической реальности, потому что в этом случае работа в данном направлении заходит в тупик.

Приведем слова Мориса Шеффера: «Итак, на сегодня философское исследование сознательных состояний находится в малоудовлетворительной ситуации. Конечно, онтологическая дискуссия обладает тем важным преимуществом, что в ней можно без конца фехтовать понятиями, не рискуя

⁹⁹ Jackson F. Epiphenomenal qualia // There's Something About Mary, ed. by P. Ludow, Y. Nagasawa, and D. Stoljar. Cambridge MA, 2004. P. 39-50.

понести серьезного ущерба, так как в случае опасности каждый может отступить к базовым предположениям своей аргументации, которые не ослабляются, а лишь питаются противостоянием с обратным полюсом (ибо каждый полюс утверждается как обратный другому). Возможно, этим преимуществом отчасти и объясняется в последнее время инфляция философских трудов, посвященных проблеме сознания... С учетом всего этого я считаю, что следует вежливо, но твердо отказаться от онтологического поединка, к которому призывает нас философская литература, посвященная вопросу о «состояниях сознания». Говоря иначе: есть настоящая нужда погодить».¹⁰⁰

«Погодить» - значит продолжить искать функции субъективности, а не отвлекаться на споры вокруг онтологического статуса сознания.

Вывод

Этот параграф нужен был для того, чтобы продемонстрировать отсутствие представления о функции субъективного опыта в современной науке, а также для того, чтобы указать на тот факт, что значительная часть нашей жизни лишь сопровождается субъективным опытом, но не нуждается в нем. Причем, эта часть настолько значительна, что все чаще можно встретить мнение о том, что сознание действительно является лишь эпифеноменом физиологических процессов и вовсе не является необходимостью.

Следующий параграф посвящен поиску возможной точки влияния сознания на поведение. Он является важнейшей частью этой работы, так как на основе выводов, сделанных в следующей части будет строиться последующее рассуждение о сознании и его следствиях. Вместе с тем, следующий параграф является крайне спекулятивным – автор понимает это.

¹⁰⁰ Шеффер, Ж.-М. Конец человеческой исключительности / Пер. с фр. С.Н. Зенкина. — М.: Новое литературное обозрение, 2010. С. 301

Но если сама работа строится на предположении, что сознание выполняет некоторую каузальную роль, то она с необходимостью будет спекулятивной и этого избежать нельзя.

Проблемы и вопросы к дальнейшему исследованию в данном направлении:

1. Корректны ли приведенные примеры, а также другие примеры, демонстрирующие отсутствие необходимости сознательных реакций, или субъективный опыт все же является необходимым элементом для функционирования даже тех процессов, которые сегодня могут быть описаны как не нуждающиеся в осознании?

§3. Может ли зомби мечтать?¹⁰¹

Сегодня философский анализ проблемы сознания сталкивается с трудностью в виде необходимости обращаться к данным современных научных исследований в этой области. Следствием этой трудности является возможность появления спекулятивных построений, которые основаны на поверхностных знаниях биологических механизмов функционирования сознания философами-когнитивистами. К сожалению, эта проблема не имеет легкого решения. Возможно, она не имеет решения вообще: философия сознания и нейрофизиология являются разными областями знания, с различными подходами, разными объектами. Если раньше философ или психолог могли свободно рассуждать на тему сознания и строить свои объяснительные системы не опасаясь упасть в спекулятивную яму, то сегодня философия не чувствует себя комфортно в той области, которая еще сравнительно недавно принадлежала только ей. Философ, занимающийся вопросами сознания, осознает, что часто ему приходится заходить на «чужую» территорию. Но необходимость работы вынуждает совершать эти вылазки. В оправдание необходимо заметить, что, во-первых, наиболее авторитетные работы по философии сознания содержат довольно много примеров из нейрофизиологии и уже на основе этих элементов создаются часто широко обсуждаемые самими нейрофизиологами идеи. И, во-вторых, сознание до сих пор является загадкой без решения, а следствием этого является то, что любое из множества предложений носит элемент спекуляции. В любом случае, попытка использовать данные науки в философской спекуляции кажется куда как продуктивнее, чем бесконечная интерпретация классики.

В рассуждении могут появиться некорректные формулы и неверные корреляции могут быть взяты за посылку, но основную мысль этого и

¹⁰¹ С. С. Мерзляков. Может ли зомби мечтать? // Эпистемология и философия науки. №2, 2013. С. 108 - 122

последующих параграфов можно свести к вполне корректному, не перегруженному излишними спекуляциями, а главное вполне рациональному даже в глазах профессионального психолога вопросу, на который можно найти вполне конкретный и проверяемый ответ: как реализована функция воображения у людей с психопатическим синдромом, в норме и у больных шизофренией? И второй вопрос, который важен уже для философии: если эта функция выражена по-разному и изменение этой функции согласуется с предположениями философских моделей, то можно ли из этого сделать какие-то полезные для философии сознания выводы?

С другой стороны, сами философы могут обвинить автора в отсутствии понимания различия объектов философии и других дисциплин. На этот вопрос можно ответить так: у нас есть вопрос «Что такое человек?» и это философский вопрос. Если для ответа на него потребуется резать лягушек, строить адронный коллайдер или лететь в космос, то это должно быть сделано. Если современный философ, изучающий человека, обходится без анализа современных работ по психологии и биологии, то это значит, что он просто никогда не ставил перед собой вопрос «Что такое человек?» всерьез. Работа современного философа должна с необходимостью начинаться с чтения подобных работ – без этой работы и без попыток «влезть на чужую территорию» современная философия пуста и превращается в литературоведческий кружок. Но с этим знанием она может попытаться стать эффективным инструментом изучения человека и пробовать строить свои схемы, которые, разумеется, чаще всего будут голыми спекуляциями.

Главная задача параграфа – это поиск точки, в которой квалиа оказывают некоторое влияние на поведение. Если этой точки не существует, то верен эпифеноменализм и физикалистская установка в целом. В этом случае единственное, что остается философу – это построение онтологии наблюдателя. Существует ли такая точка влияния и, если да, то где ее искать? Сколько функционально различных процессов происходит в мозге? Сотни?

Тысячи? Может оказаться, что только один из них нуждается в существовании наблюдателя.

В этом параграфе делается попытка соединить следующие элементы: удовольствие, систему поощрения, действие, воображение и квалиа. Разумеется, главное – это соединить первые четыре элемента с последним. Каждый элемент – серьезная научная проблема, которой посвящены тысячи текстов, но если соединения будут хоть как-то удерживать конструкцию, то задача поиска схемы решена и можно попытаться продвинуться чуть дальше. То, что дофаминергическая система связана с системой подкрепления (то есть удовольствием) и двигательной системой – понятно из текстов нейрофизиологов. Но корректное соединение удовольствия и квалиа – проблема, которая упирается в необходимость физикалистского объяснения любого состояния. Если субъективные переживания способны оказывать влияние на поведение организма, то должен быть результат этого влияния.

1. Система вознаграждения

Серл в знаменитой статье «Minds, brains and programs» предположил, что сознание, будучи биологическим феноменом, зависит от биохимии мозга.¹⁰² Идея каузальной зависимости субъективных состояний от биохимических реакций выглядит в свете последних достижений психофизиологии достаточно убедительно. Трудно спорить с тем, что современные препараты, изменяя биохимию, способны оказать влияние как на поведение, так и на субъективное состояние человека. При этом ясно, что результаты мышления у «чистого» человека и находящегося под действием препаратов будут разными. Поэтому анализ биохимических коррелятов ментальных состояний может быть довольно информативным.

¹⁰² Searle J. R. Minds, Brains, and Programs / The Nature of Mind, ed. by D. Rosenthal. N. Y., 1991. P. 509-519.

Нейромедиаторы – это химические вещества, которые участвуют в передаче сигнала от одного нейрона к другому. Нарушения в секреции или обмене нейромедиаторов влечет за собой сбой в функционировании организма в целом.

Одним из нейромедиаторов является дофамин, который участвует в «системе вознаграждения» мозга. Человек запрограммирован на то, чтобы совершать ряд полезных с точки зрения эволюции действий. Эти действия подкрепляются выделением дофамина, который вызывает чувство удовольствия. Дофамин выделяется в больших количествах во время еды, утоления жажды или другого позитивного опыта.¹⁰³

В середине XX века система вознаграждения изучалась Джеймсом Олдсом, который провел опыт на крысах.¹⁰⁴ Он вживил электроды в мозг крысы, что позволило стимулировать центры удовольствия. Затем он поместил педаль, активирующую эти электроды, непосредственно в клетку. В результате грызуны нажимали на эту педаль до двух тысяч раз за час, искусственно вызывая у себя чувство наслаждения. При этом они не обращали никакого внимания на еду, опасность или самок – им достаточно было этой самостимуляции.

Обмануть систему вознаграждения можно не только при помощи хитрых технических устройств, но и используя биологические механизмы. Так наркоманию связывают именно с тем, что наркотики оказывают непосредственное влияние на дофаминовые рецепторы в обход естественной системы поощрения. Наркотические вещества искусственно раздражают дофаминовые рецепторы, что вызывает у наркомана чувство эйфории, которое заставляет его снова и снова стимулировать центры наслаждения в мозге. Похожим образом действуют алкоголь и никотин.¹⁰⁵

¹⁰³ Николаева Е. И. Психофизиология. Психологическая физиология с основами физиологической психологии. Учебник. – М.: ПЕРСЭ, 2008. С. 493

¹⁰⁴ Там же. С. 492

¹⁰⁵ Там же. С. 496 - 513

Кроме того, исследование людей с психопатическим расстройством личности показало, что у них наблюдается гиперактивность той же дофаминовой системы.¹⁰⁶ В ходе экспериментов было обнаружено, что в ответ на стимул у людей с этим психическим расстройством дофамина выделяется в четыре раза больше, чем у здоровых. Психопата не останавливает даже самое серьезное наказание за действие, которое позволяет его мозгу «купаться» в дофамине – слишком велико удовольствие.

Еще один любопытный пример действия дофамина. Лудомания – это патология, которая выражается в болезненном пристрастии к азартным играм. Успех за игорным столом вызывает выброс дофамина, что заставляет лудомана возвращаться к игре вновь и вновь. У больного проявляются признаки обсессивно-компульсивного расстройства, а также появляются состояния схожие с абстинентным синдромом наркоманов. Связь лудомании и дофаминовой системы вознаграждения была продемонстрирована в исследовании американских нейробиологов, которые изучали влияние повышения уровня дофамина на людей с болезнью Паркинсона. Для лечения болезни Паркинсона используют препараты, которые повышают уровень дофамина. В свою очередь, увеличение выработки этого нейромедиатора влечет за собой труднопреодолимое желание оказаться в ситуации, при которой происходит активация дофаминовой системы. Применение агонистов дофамина (веществ, которые стимулируют выработку этого нейромедиатора) привело к тому, что у больных Паркинсоном возникла тяга к риску, с которым связано предвосхищение удовольствия. Таким образом, у больных, в терапию которых входило применение агонистов дофамина, обнаружилось пристрастие к азартным играм. Они стали лудоманами.¹⁰⁷

¹⁰⁶ Joshua W Buckholtz. Mesolimbic dopamine reward system hypersensitivity in individuals with psychopathic traits. *Nature Neuroscience* 13, 419–421. 2010

¹⁰⁷ M. Leann Dodd, MD; Kevin J. Klos, MD; James H. Bower, MD; Yonas E. Geda, MD; Keith A. Josephs, MST, MD; J. Eric Ahlskog, PhD, MD. Pathological Gambling Caused by Drugs Used to Treat Parkinson Disease. *Arch Neurol.* 2005 Sep;62(9):1377-81. *Arch Neurol*

Поэтому исследователи предлагают лечить лудоманию снижением уровня дофамина¹⁰⁸.

Удовольствие – это важнейший регулятор поведения организма. Способы получения удовольствия определяются нашей биологией – то действие, которое необходимо для выживания человека и его потомства, вызывает выделение дофамина и чувство удовольствия. Несмотря на то, что человек научился обходить эту систему поощрения при помощи алкоголя, никотина или наркотиков, естественные причины удовольствия все же являются доминирующими.

От чего может получить удовольствие крыса? Она получает удовольствие от еды, утоления жажды, процесса размножения и т.д. То есть от всего того, что позволяет ей выживать и эффективно участвовать в естественном отборе. Причину удовольствия крыса находит во внешней среде – если она совершает верное действие, то получает свою дозу дофамина. Стимуляция центра наслаждения заставляет крысу повторять то же действие в будущем. У человека то же самое – если мы делаем то, что предполагает наша биология, то получаем вознаграждение в виде активации системы подкрепления.

2. Проблема воображения

Однако, во время знакомства с нейробиологическими коррелятами поведения человека, возникает некоторое недоумение именно в тот момент, когда описываются механизмы функционирования «системы подкрепления». Хотя до этого момента все относительно ясно – наши субъективные переживания представляют собой эпифеномен биохимических реакций в мозге. То есть объяснение каждого ментального состояния и вариантов

¹⁰⁸ Jeremiah Weinstock; David M Ledgerwood; Vania Modesto-Lowe; Nancy M Petry^{//}

Ludomania: cross-cultural examinations of gambling and its treatment. Rev. Bras.

Psiquiatr. vol.30 suppl.1 São Paulo May 2008 Epub Jan 31, 2008

поведения в целом можно найти в работах по психофизиологии. Если применить к самому себе методы объяснения поведения, взятые из бихевиоризма, и исследовательской установкой сделать гетерофеноменологический анализ, то подобная практика приводит к отрицанию возможности сознания быть причиной поведения и, следовательно, к эпифеноменализму. Предыдущий параграф этой главы был посвящен именно тем механизмам, которые не нуждаются в том, чтобы быть осознанными. Но есть момент, который все же мешает принять эпифеноменализм.

Кант настойчиво советовал просыпаться как можно раньше и не работать по ночам, потому что именно ночью наш разум наиболее подвержен действию воображения, которое окутывает человека туманом иллюзий, а иллюзии – это помеха для разума. Если человек не следует совету Канта, то он рискует попасть в пространство фантазии: человек ходит по комнате и его сознание наполнено фантомными представлениями и действиями. Но почему он ходит по комнате? Все наше поведение направлено на извлечение прибыли в виде положительного подкрепления. И если мы не вынуждены избегать неприятного ощущения, то мы будем стремиться к тому, чтобы получить удовольствие и продлить его. Он ходит кругами по комнате, потому что ему это нравится. Но что является причиной этого удовольствия?

У самца крысы дофамин выделяется уже при виде самки, то есть не только само действие запускает механизм поощрения, но и его предвосхищение. Ряд исследований показал, что выработка дофамина начинается уже тогда, когда человек лишь предвосхищает ситуацию, вызывающую удовольствие.¹⁰⁹ Таким образом, самого действия еще нет – есть лишь представление о нем, но чувство удовольствия уже появляется. Поэтому, не только само действие запускает механизм поощрения, но даже

¹⁰⁹ Tali Sharot, Tamara Shiner, Annemarie C. Brown, Judy Fan and Raymond J. Dolan.

Dopamine Enhances Expectation of Pleasure in Humans / Current Biology, Volume 19, Issue 24, 2077-2080, 12 November 2009

предвкушение удовольствия срабатывает также. Однако крысе нужно видеть объект, а у человека дофамин выделяется тогда, когда он лишь представляет себе ситуацию, которая субъективно оценивается как положительная. Но что значит «представляет себе»? На какой стимул реагирует организм? Что запускает механизм системы подкрепления? Если спрашивают в кабинете экспериментатора, то рационально предположить, что реакция появляется в ответ на вербальное раздражение. Тогда этот механизм можно описать в терминах бессознательной работы мозга, то есть на языке механистической теории. Но всегда ли можно найти стимул, в ответ на который появляется реакция?

С точки зрения биологии, воображение — это способность моделировать некоторую ситуацию до того, как организм попадет в нее.¹¹⁰ Предполагают, что этот инструмент имеет важное эволюционное значение, так как позволяет предвидеть вредное или полезное следствие некоторого действия: лучше дать «погибнуть гипотезе», чем подвергать опасности свою жизнь — вот логика попперовского создания.¹¹¹ Моделируемое действие остается действием, поэтому действие и воображение связаны биологически выгодной способностью предсказывать события, что позволяет

¹¹⁰ «Воображение — это способ овладения человеком сферой возможного будущего, придающий его деятельности целеполагающий и проектный характер, благодаря чему он выделился из «царства» животных». «... Воображение детерминирует протекание конкретных познавательных, эмоциональных и др. процессов, конституируя их творческую природу, связанную с преобразованием предметов (в образном и смысловом плане), предвосхищением результатов соответствующих действий (см. Антиципация) и построением общих схем последних. Это находит свое проявление в феноменах «эмоционального предвосхищения» (А. В. Запорожец), «продуктивного восприятия» (В. П. Зинченко), в генезе некоторых форм двигательной активности (Н. А. Бернштейн) и т. д.» (Большой психологический словарь / Сост. И общ. Ред. Б. Мещеряков, В. Зинченко, - СПб.: прайм-ЕВРОЗНАК, 2002.)

¹¹¹ Деннет Дэниэл С. Виды психики: На пути к пониманию сознания. — М, Идея-Пресс, 2004. С. 95

исследователям искать центр воображения в тех участках мозга, которые отвечают за движение.¹¹² Здесь стоит добавить, что болезнь Паркинсона, которая характеризуется нарушением двигательных функций, лечится агонистами дофамина.

При этом моделируемая ситуация имеет вполне конкретный результат и этот результат фиксируется эмоцией. Поэтому человек способен испытывать эффект заверченного действия без совершения самого действия. В некотором смысле фантазия является аналогом легкого наркотического опьянения. Еще Блейлер указывал на то, что уже пещерные люди «получали удовольствие лишь от того, что строили одни только планы».¹¹³ Мечта – это удовольствие, которое часто носит компенсаторный характер. Человек мечтает, потому что это приятно. При этом человеку не нужны стимулы из внешнего мира - достаточно комнаты, по которой можно ходить. Если крысе нужна педаль, на которую она может нажать, то человеку она не нужна. Он сам для себя и есть эта педаль.

Если возникает ситуация, которая связана с тем, что позволяет человеку выжить самому и оставить после себя потомство, то это сигнал для выделения дофамина и закрепления некоторого действия. Можно ли заменить реальную ситуацию суррогатным, воображаемым действием? И корректна ли эта замена? Не является ли субъективно переживаемая воображаемая ситуация эпифеноменом органических процессов, на которые и реагирует организм? В данном случае необходимо воспользоваться установками бихевиоризма: если поведение можно рационально объяснить изменениями в биохимии мозга, то искать точку влияния субъективности на органику нужно искать в другом месте.

¹¹² Neil Van Leeuwen. Imagination is where the action is // The journal of philosophy, volume CVIII, no. 2, February 2011

¹¹³ Блейлер Э. Аутистическое мышление. URL:
<http://www.autism.ru/read.asp?id=144&vol=0> (Дата обращения: 13. 09. 2012)

3.1. Может ли зомби мечтать?

Для демонстрации проблемы взаимодействия сознания и мозга был придуман мысленный эксперимент «философский зомби», который предлагает представить гипотетического двойника человека, который не обладает внутренней жизнью в виде субъективного опыта, но при этом его поведение неотлично от поведения обычного человека. Если эпифеноменализм верен, то «философский зомби» может демонстрировать поведение схожее с поведением человека, моделирующего некоторую ситуацию. При этом он не будет нуждаться в эпифеноменальной воображаемой ситуации, которая сопровождала бы этот процесс. То есть его поведение будет реакцией на, например, повышенный уровень дофамина, а не выброс дофамина будет реакцией на стимул, созданный воображаемой ситуацией.

Представим себе зомби, который лежит на диване: у него иногда раздвигаются уголки губ в улыбке, иногда он морщит лоб, а порой он произносит что-то нечленораздельное. Такое возможно? Может ли зомби вести себя как та крыса, которая без остановки жмет на педаль ради дозы дофамина, но вместо педали использовать не внешние стимулы, а внутренние ресурсы?

3.2. Интенциональная установка

Интенциональную установку можно назвать критерием определения сознательного поведения.¹¹⁴ Если нечто способно к прогнозируемому поведению, за которым можно увидеть причинно-следственные связи, то мы назовем это нечто сознательным, то есть обладающим способностью к рациональному поведению. Мы привыкли искать и находить рациональное

¹¹⁴ Юлина Н. С. Головоломки проблемы сознания: концепция Дэниела Деннета. — М.: Канон+, 2004. С. 101 - 123

объяснение поведения людей и животных. Когда мы играем в шахматы с компьютером, то также представляем, что он «думает» о следующем ходе. Но мы смотрим на лежащего на диване зомби – он улыбается и морщит лоб. Что мы можем сказать о причинах такого поведения? Что-то заставляет его вести себя именно так. Но что? Почему он лежит на диване вместо того, чтобы, например, налаживать коммуникативные связи с другими зомби? Если он устал, то почему не лежит просто так, без гримас на лице, почему не зевает, а именно улыбается и морщится? Такое поведение нерационально. Если он сыт и ему в данный момент нет необходимости что-то делать, то почему он не спит или не озирается по сторонам в поисках того, что привлечет внимание, как это делают животные? Почему его глаза закрыты, а он все равно улыбается? Крайне неразумно. Пусть зомби, но почему он ведет себя не как зомби? Такое поведение подрывает веру в интенциональную установку как критерий наличия сознания и, кажется, вносит искажения в представление о природе, как о рациональном дизайнере.

Кант ходит по комнате и спорит с воображаемым противником – если бы противник был реальным, то мы бы говорили о социальном или языковом поведении. Это было бы проще. Но что запускает механизмы социального поведения вне социума? Когда Выготский пишет о том, что вначале речь развивается как речь для другого, то это понятно. Непонятно, почему у Канта наоборот: поведение для другого без другого? Компенсация? Пусть, но где стимул?

В фильме Хичкока «Окно во двор» есть сцена, в которой главный герой наблюдает за одинокой женщиной в окне. Женщина накрыла стол на двоих, разлила вино в два бокала, села за стол и начала беседу с воображаемым гостем: она смеялась, что-то доказывала своему «другу». Почему она так себя вела?

Лоренц пишет: «При длительном неупражнении некоторого инстинктивного поведения пороговое значение запускающего его инстинкта снижается». И приводит в пример самца горлицы, который сначала токовал

перед чучелом голубки, чуть позже – перед тряпкой, а через несколько недель одиночества перед пересечением реек клетки, которые просто притягивали взгляд.¹¹⁵

Некий незначительный стимул мог вызвать реакции в мозге женщины, что послужило причиной соответствующего поведения. Но разница между женщиной и птицей в том, что голубь действительно видит объект своего токования – раздражитель находится в пространстве актуального настоящего. А у женщины фантазия строится из других материалов и реагирует она именно на эту постройку. Из какого материала строится это здание – уже другой вопрос. Это могут быть языковые единицы, образы, схемы или двигательные паттерны. Но мы наблюдаем у нее не просто реакцию на внешний стимул – она раздражает себя при помощи внутренних ресурсов. При этом ей ясна разница между реальностью и фантазией – пока разворачивалась фантомная ситуация она получала удовольствие, в конце ужина она заплакала, потому что знала, что это лишь иллюзия. Мог бы зомби вести себя как эта женщина?

Всем известен образ рассеянного ученого, который настолько погружен в свои мысли, что забывает о самых обыденных вещах. Может ли обезьяна забыть, зачем залезала на пальму из-за того, что думала о другом? Она может отвлечься на рев ягуара или крик других обезьян, но может ли она отвлечься от реальных бананов на воображаемый апельсин? Обезьяна может быть рассеянной? А зомби? Если зимой под яблоней разжечь костер, то она зацветет – так мы обманем это дерево. Но что обманывает наш организм, когда мы демонстрирует социальное поведение вне социума?

Воображение помещает человека в пространство удовлетворения потребности.¹¹⁶ Поэтому он ходит ночью по комнате и представляет, как

¹¹⁵ Лоренц К. Так называемое зло. К естественной истории агрессии // Так называемое зло. – М.: Культурная революция, 2008. – (Современные классики). – С. 131

¹¹⁶ «Нужно сказать: никогда не фантазирует счастливый, а только неудовлетворенный. Неудовлетворенные желания — движущие силы мечтаний, а каждая фантазия по

завтра разгромит спекулянтов-метафизиков и при этом испытывает приятные эмоции, а на утро «все, что казалось важным, теряет значение».¹¹⁷ Кажется, что материалом этих иллюзий должны быть субъективные состояния, то есть некие качественные следы. Но ведь зомби ими не обладает по определению.

3.3. Проблема предвидения последствий

Однако зомби способен предвидеть последствия своего действия. Можно попробовать назвать воображение таким же предвидением, для которого субъективность не нужна. Деннет полагает, что мы не отличаемся от остальных животных тем, что являемся попперовскими созданиями, то есть способны предсказывать будущее событие.¹¹⁸ Действительно, способность предвидеть есть не только у человека. Хищнику нужно уметь предсказывать поведение жертвы, а ворона способна понять с какой стороны ширмы покажется тележка с едой. Но предсказать, откуда кормушка выедет – это одно, а вообразить ситуацию и закрепить ее эмоцией – другое. Именно поэтому вызывает некоторое сомнение отождествление рядом ученых механизмов функционирования памяти и сознания: если мы понимаем под памятью поиск решения конкретной задачи актуального настоящего в прошлом опыте, то этот механизм может быть объяснен бессознательными механизмами. У животных процесс моделирования запускается в

отдельности — это осуществление желания, исправление неудовлетворяющей действительности». (Фрейд З. Художник и фантазирование // Фрейд З. Художник и фантазирование: Пер. с нем. / Под ред. Р. Ф. Додельцева, К. М. Долгова — М.: Республика, 1995. — 400 с: ил. — (Прошлое и настоящее). С. 130)

¹¹⁷ Кант И. Антропология с прагматической точки зрения // Критика чистого разума. — М.: Эксмо; СПб.: Мидгард, 2007. С. 948

¹¹⁸ Деннет Дэниэл С. Виды психики: На пути к пониманию сознания. — М, Идея-Пресс, 2004. С. 99

пространстве «здесь и сейчас» из материала актуального настоящего. Им не нужны квалиа. Достаточно получаемых из среды раздражений. У человека же способность предвидеть развита настолько, что он не нуждается в стимулах из внешней среды для запуска механизма моделирования – можно лежать на кровати, смотреть в потолок и будет выделяться дофамин, адреналин или слюна. То есть у человека эта способность развита в гораздо большей степени, чем у любого другого существа. Создав воображение, природа создала и настолько качественную модель реальности, что она стала сопоставима с оригиналом и оказалась вполне способной самостоятельно быть причиной эмоционального отклика.

Деннет в своих лекциях любит приводить пример на воображение с человеком, который лезет вверх по канату с ведром в зубах (этот пример он приводил на лекции в МГУ, есть он и в работе «Виды психики»¹¹⁹). «Может ли обезьяна представить себе нечто подобное?» - спрашивает Деннет. Но дело же не в обезьяне, а в том, что подобное моделирование способно иметь результат в виде эмоции. Моделирование может быть не только предсказанием, но и способно участвовать в механизме самостимуляции. Предсказание – это комбинаторика, опыт, шаблоны поведения и память; воображение – подкрепление в виде эмоции.

Можно рассуждать о сущностной близости квалиа, которые доступны нам непосредственно в опыте взаимодействия с окружающим миром, и тех субъективных данностей, которые мы используем при моделировании ситуации, но как отрицать то, что воображение оперирует с некоторого рода субъективными переживаниями?

¹¹⁹ Деннет Дэниэл С. Виды психики: На пути к пониманию сознания. – М, Идея-Пресс, 2004. С. 161

4. Воображение как причина субъективности

Американские ученые провели эксперимент: они давали задания на воображение пациентам в вегетативном состоянии.¹²⁰ Больным предлагалось представить, что они играют в теннис или ходят по своему дому, в это время ученые сканировали их мозг с использованием фМРТ. Реакция мозга пациентов не отличалась от реакции мозга здоровых людей. При этом решение сотрудничать с учеными и выполнять задачи на воображение в тот момент, когда их просили, указывает на то, что имел место акт намерения и это была не просто реакция на восприятие речи, которая может протекать и в бессознательном состоянии. Таким образом, ученым удалось установить контакт с людьми в вегетативном состоянии и обнаружить у них наличие осознания себя и окружающей обстановки.

Биологи упорно ищут нейронный коррелят сознания. Так Кристоф Кох и Фрэнсис Крик пытались найти тот участок мозга, при отключении которого «свет сознания» угаснет и человек превратится в зомби,¹²¹ а Рамачандран занимается этим до сих пор.¹²² Но, видимо, сознание все-таки нужно искать не «где», а «когда». Возможно, единственный способ подобраться к субъективности - исследовать мозг воображающего человека.

То, что сознание связано с воображением – идея давно известная.¹²³ И пока философы спорят о причинах существования сознания, усложняя свои концептуальные конструкции, биологи осторожно замечают, что причиной субъективности может быть способность к моделированию. Например, в

¹²⁰ Adrian M. Owen, et al. Detecting Awareness in the Vegetative State // Science. 2006. Vol. 313. P. 1402

¹²¹ Christof Koch, Francis Crick. On the zombie within. Nature 411, 893 (21 June 2001)

¹²² Рамачандран Вилейанур С. Рождение разума. Загадки нашего сознания. – М.: ЗАО «Олимп – Бизнес», 2006. С. 39

¹²³ Бородай Ю. М. Эротика—смерть—табу: трагедия человеческого сознания. М.: Гнозис, Русское феноменологическое общество, 1996 г. С.34 - 43

работах Докинза мы можем найти эту мысль.¹²⁴ Нейрофизиологи говорят о том, что объектом подкрепления могут быть не только внешние стимулы, но и моделируемые результаты мышления,¹²⁵ что также указывает на моделирующую функцию сознания.

В бесконечной попытке найти что-то новое можно упустить то важное, что уже было когда-то найдено. Еще раз повторим, что связь воображения и сознания – это одна из самых очевидных, а потому неостребованных сегодня, идей. Философия сознания согласна сегодня на «серьезную» дискуссию о перспективах панпсихизма вместо тонкой настройки, например, той же идеи о связи сознания и воображения, потому что панпсихизм – это несколько абсурдно, но сегодня ново и, возможно, перспективно, а воображение – это старо и избито. Согласимся с предложением Слотердайка, выдвинутым им в его анализе истории европейской философии: «Необходимо покончить с критической страстью все улучшать – ради сохранения того хорошего, которое так легко утратить, увлекшись походами в сказочные дали».¹²⁶

В пространстве актуального настоящего сложно найти следы каузального влияния квалиа на жизнь человека, потому что мы всегда делаем то, что предполагает наша природа. В конце концов, воображение тоже задумывалось природой как инструмент инстинкта. Поэтому крайне сложно выяснить причину квалиа, изучая внешнее поведение человека – его действия обусловлены биологической природой. Грубо говоря, сознание нам нужно для того, чтобы лежать на кровати и воображать. Но в тот момент, когда мы встаем с кровати, начинают действовать автоматизмы, которые

¹²⁴ Ричард Докинз. Эгоистические гены и эгоистические мемы. // Хофштадтер Д., Деннет Д. Глаз разума. – Самара: Издательский Дом «Бахрах-М», 2003.

¹²⁵ Николаева Е. И. Психофизиология. Психологическая физиология с основами физиологической психологии. Учебник. – М.: ПЕРСЭ, 2008. С. 496

¹²⁶ Слотердайк П. Критика цинического разума. – Екатеринбург: У-Фактория, М.: АСТ МОСКВА, 2009. С. 12

могут протекать на бессознательном уровне. В пространстве нашей повседневной жизни сознание оказывается эпифеноменом, а человек и в самом деле представляет собой аналог «философского зомби». Несмотря на то, что способность моделировать является элементом адаптивного поведения и косвенно влияет на выбор того или иного маршрута достижения цели, во-первых, само моделирование обычно ограничено рамками инстинкта – сомнительно, что можно мечтать о чем-то, что тем или иным образом не удовлетворяло бы инстинктивные потребности. Во-вторых, действие в социуме, как возможный результат моделирования, находится всегда в пространстве инстинктивной потребности, то есть со стороны мы видим лишь деятельность, заданную биологической природой человека – у нас нет возможности достоверно отделить то действие, причиной которого было моделирование, от действия, причиной которого был автоматизм. Поэтому причина сознания находится в тени как нашей социальной, так и субъективно воспринимаемой жизни. Суть сознания проявляется не в коммуникации или решении квадратных уравнений, она проявляется в сугубо приватном пространстве строительства воздушных замков из качественного материала. Как часто мы используем свое воображение? Сравнительно редко. Но наша субъективность существует ради этих редких моментов. Поэтому, возможно, ошибкой будет искать причину существования субъективности в функционировании внутри социума или исследуя механизмы мышления. Когда мы ищем причину субъективности в поведении, коммуникации или в решении задач на мышление, то пытаемся обнаружить причины того, в чем нет необходимости в данный момент, потому что в момент исследования квалиа обладают статусом эпифеноменального явления – они тут не нужны, потому что тут не нужен наблюдатель, даже несмотря на то, что он тут есть: деятельность определяется и регулируется бессознательными механизмами.

Довольно сложно понять, как такой важный механизм естественного отбора как система поощрения может включаться без необходимости,

вызванной внешними причинами. У автора не получается смоделировать мечтающего зомби. Если ввести препараты, повышающие уровень дофамина, то воображаемая ситуация будет намного ярче, эмоции будут выражены отчетливее. То есть мечта – это отклик на изменение в биохимическом состоянии человека? Но если просто накачать агонистами дофамина больных болезнью Паркинсона, то бывшие пациенты пойдут в казино, то есть им нужен будет реальный триггер, который вызовет активацию системы поощрения. Они не будут ходить по комнате, спорить с воображаемым противником и делать заметки к «Антропологии с прагматической точки зрения». Но почему Кант ходил? Или он начал ходить и сам этот факт был причиной определенного состояния?

Нельзя игнорировать то, что является внутренней причиной эмоционального отклика, потому что удовольствие важнейший элемент человеческой природы. И в силу возможного участия квалиа в запуске механизма самостимулирования приходится еще раз подвергнуть сомнению идею эпифеноменальной природы субъективности. Нам не нужна субъективность для того, чтобы общаться, она не нужна нам для того, чтобы работать – мы вполне способны нормально функционировать и без излишка в виде квалиа. Но, возможно, без них человек не способен моделировать события без обращения к актуальному настоящему и фиксировать результат в виде соответствующей эмоции. Само по себе удовольствие есть лишь следствие существования некоторого механизма и рассматриваемое отдельно не так интересно – всего лишь положительная реакция организма, но оно может помочь нам понять суть субъективности, то есть быть ключом к решению «трудной проблемы сознания».

Однако идеальное не может влиять на физический субстрат – такова установка исследователя. Поэтому сомнения остаются и, возможно, зомби мечтать может. Тогда можно назвать саму моделируемую ситуацию эпифеноменом биохимических реакций. В рамках соматической теории эмоции предполагается, что эмоциональный отклик является следствием

функционирования когнитивных механизмов.¹²⁷ В этом случае эмоция мечтающего ребенка есть результат физиологических изменений, но не результат отклика на моделируемую ситуацию. Если человек лежит на диване и грезит, то вполне вероятно, что он получает удовольствие не от работы механизма моделирования, но из-за того, что находится в комфортных условиях и удовольствие – это лишь биологически оправданное подкрепление стремления не менять эти условия. Возможно, дофамин будет выделяться еще по пути к кровати, как у собаки Павлова слюна при звонке или у самца крысы при виде самки – пример рефлекса. Неужели у Канта просто вырос уровень дофамина, когда он ночью бродил по своей комнате, «вел спор с воображаемым противником» и ему казалось, что результаты этого спора крайне важны для философии, а на утро «все, что казалось важным, теряло значение» и он «чувствовал от этой дурной привычки ослабление своих душевных сил»?

Что за чем следовало в голове у Канта: мысль за химией или химия за мыслью? Можно ли в этом случае говорить об эпифеноменальной природе воображения, которое представляет собой лишь комментарии к физиологическим процессам? Можно, но только в том случае, если зомби спокоен и улыбается, а не демонстрирует реакций, характерных для ситуации внешнего раздражения, то есть он не хмурит брови, его лицо не выражает гнев, злобу, ужас и т.д. Потому что наличие этих реакций вынуждает нас изъять его из пространства комфорта. И нам снова непонятно, как зомби может демонстрировать подобное поведение.

Если мы не можем описать поведение рациональными причинами, то должны искать сбой в «биологической программе», то есть объяснять поведение отклонениями в нормальном функционировании. Мы можем описать поведение девиацией и даже нарушением дофаминергической

¹²⁷ Психофизиология: Учебник для вузов / Под ред. Ю. И. Александрова. – 3-изд., доп. И перераб. – СПб: Питер, 2008. С. 135

системы, но в этом случае придется приравнять поведение мечтающего ребенка к такому сбою в программе.

Организм - это сложный механизм. Нейромедиатор дофамин участвует во множестве процессов. Дофаминергическая система – одна из самых сложных в организме. Чувство удовлетворения зависит не только от этого нейромедиатора. Но за основу автор выбрал именно эту поверхностно нарисованную схему, согласно которой субъективность оказывает влияние на биологический субстрат в той точке, где происходит эмоциональный отклик на моделируемую ситуацию, так как не находит ничего более удачного и не может корректно смоделировать мечтающего зомби – автор пытался, но у него всегда находился контраргумент. Но проблема остается – является ли мечта, то есть моделируемая ситуация, причиной удовольствия или же удовольствие есть закономерная реакция на изменения в биологическом субстрате, которая не нуждается в сознании?

Если человек все же хмурит брови, злится, вскакивает с кровати, совершает непонятные действия, спорит? Если зомби не лежит, а ходит по комнате кругами, размахивает руками и кому-то что-то доказывает? Блейлер описывал шизофреника как человека, который воплощает свои неосуществимые желания галлюцинаторным путем и существует в мире фантазмов, при этом его действия не подчиняются логике взаимодействия с реальностью.¹²⁸ Больной шизофренией «неспособен отличать внутренние воображаемые действия от внешних сенсорных стимулов».¹²⁹ Сегодня наиболее авторитетной гипотезой возникновения шизофрении является дофаминовая теория.¹³⁰ Согласно этой теории, шизофрения возникает из-за

¹²⁸ Блейлер Э. Аутистическое мышление. URL:

<http://www.autism.ru/read.asp?id=144&vol=0> (Дата обращения: 13. 09. 2012)

¹²⁹ Рамачандран Вилейанур С. Рождение разума. Загадки нашего сознания. – М.: ЗАО «Олимп – Бизнес», 2006. С. 110

¹³⁰ Oliver D. Howes, Shitij Kapur. The Dopamine Hypothesis of Schizophrenia: Version III—The Final Common Pathway. Schizophr Bull (2009) 35 (3): 549-562.

нарушений в работе дофаминергической системы мозга, которая отвечает за подкрепление действия и участвует в движении. То есть, мозаичное, фантазматическое сознание шизофреника объясняется тем, что его мозг «купается» в дофамине и галлюцинаторные результаты мышления являются лишь эпифеноменом нарушения в работе мозга. Больной шизофренией вполне способен лежать на диване и беспричинно улыбаться, может он и ходить по комнате, совершая странные действия. Поэтому можно предположить, что у нашего зомби шизофрения. Может ли зомби болеть шизофренией?

Вывод

Кант определяет способность желания как способность через свои представления быть причиной действительности этих представлений.¹³¹ И поясняет это тем, что человек способен желать невозможного.¹³² То есть человек может быть причиной реальности воображаемых объектов. При этом неважно, подтверждается ли существование этих объектов внешними чувствами или нет. Эта способность позволяет «иллюзию воспринимать как

¹³¹ Кант И. Критика практического разума // Иммануил Кант. Критика чистого разума; [пер. с нем., предисл. И. Евлампиева]. – М.: Эксмо; СПб.: Мидгард, 2007. – С. 684

¹³² «...у человека имеются и такие желания, из-за которых он находится в противоречии с самим собой, когда он побуждается к созданию объекта только через свое представление, от которого он ведь не может ожидать какого-либо результата, так как он сознает, что его механические силы, которые должны были быть определены этим представлением, чтобы создать объект, либо недостаточны, либо вообще направлены на нечто невозможное». (Кант, Иммануил. Критика способности суждения. / Сочинения в шести томах. [Под общ. ред. В. Ф. Асмуса, А. В. Гулыги, Т. И. Ойзермана.] М., «Мысль», 1966. (Философ, наследие. Акад. наук СССР. Ин-т философии) Т. 5. С. 176

реальность, а реальность – как иллюзию».¹³³ Но как возможна эта способность?

Задачей этого параграфа было указать на связь эмоционального реагирования на ситуацию, которая не может быть описана как существующая в актуальном настоящем, и субъективности. Современный исследователь обязан считаться с установкой здравого смысла, диктуемой современными научными представлениями, согласно которой идеальное не способно оказывать влияние на материю. Поэтому, если он вводит предположение о том, что приватные состояния играют некоторую каузальную роль, то ему не остается ничего другого кроме как надеяться на то, что результатом его работы будут интересные корреляции, которые позволят расширить пространство спекулятивных построений, и которые в дальнейшем могут способствовать решению «трудной проблемы сознания».

Для дальнейшего рассуждения выбрана модель, согласно которой сознание – это способность организма реагировать эмоцией на психические процессы, что сопровождается наличием субъективности и внутренних состояний.

Важным элементом рассуждения является возможная связь системы подкрепления и сознания, потому что эта связь позволяет связать главную загадку философии, то есть сознание, и одну из главных загадок психологии – шизофрению. Если появляется возможность связать две загадки, то этой возможностью нужно пользоваться. На взгляд автора, решения этих двух загадок имеют много общего. Это значит, что, исследуя природу шизофрении, мы приблизимся к пониманию сознания, а исследуя сознание, мы найдем причину шизофрении.

Основной идеей следующей главы является то, что шизофрения является крайней степенью развития видоспецифического признака человека, то есть сознания.

¹³³ Гиренок Федор. Аутография языка и сознания. – М.: МГИУ, 2010. (Серия «Современная русская философия») С. 181

Таким образом, непредставимость «мечтающего зомби» позволяет нам объединить удовольствие, воображение и субъективность и указать на то, что воображение является причиной сознания. Однако вопрос остается: а все-таки может ли зомби мечтать?

Проблемы и вопросы к дальнейшему исследованию в данном направлении:

1. Корректен ли мысленный эксперимент «мечтающий зомби»? Представим ли «мечтающий зомби»?

2. Является ли корректным сопоставление системы подкрепления и субъективного опыта? Или же в подобном сопоставлении ничего кроме ничем не подкрепленной спекуляции нет?

3. Можно ли строить аргументацию исходя из анализа чувства удовольствия, как результата работы моделирующей функции сознания, если результатом работы воображения может быть и неприятная эмоция?

Глава 2. Патологии психики как объект для исследования сознания

§1. Загадка шизофрении

Вопрос о природе шизофрении является одной из самых сложных и загадочных проблем современной психиатрии. Несмотря на то, что это заболевание изучается уже более ста лет, этиология остается неизвестной. До сих пор причины и условия протекания остаются предметом острых дискуссий в среде исследователей психических расстройств. Шизофрения интересна для философского и, прежде всего, философско-антропологического анализа тем, что является видоспецифическим заболеванием человека.¹³⁴ Вследствие того, что шизофрения характеризуется «расщеплением» сознания, анализ этого явления может способствовать продвижению вперед в поиске ответов на вопросы о природе и функциях сознания как сугубо человеческого признака. Выготский считал, что именно в исследовании шизофрении лежит ключ к пониманию нормального функционирования сознания.¹³⁵ В этом параграфе приводится краткое описание этого заболевания, его симптомы и возможные причины. Данный параграф нужен для того, чтобы на его материале рассмотреть сознание в его пограничных формах в последующих параграфах.

1. Распространенность шизофрении

Шизофрения является одним из самых распространенных психических расстройств. Считается, что распространенность этого заболевания в

¹³⁴ Яковлев Н. М. Психофизиологические особенности шизофрении у подростков. – СПб.: Нестор-История, 2013. С. 55

¹³⁵ Выготский Л. С. К проблеме психологии шизофрении // Современная проблема шизофрении. Доклад на конференции по шизофрении. М., 1933, С. 19-28

обществе составляет примерно 1%.¹³⁶ Этот процент является стабильным в различных популяциях. Шизофрения развивается в первой половине жизни и остается загадкой причина того, что она обычно начинается не ранее подросткового возраста и практически не встречается до пубертатного периода.¹³⁷ Несмотря на стабильность распространения шизофрении среди различных популяций, есть подтверждения того, что она чаще встречается у жителей городов и в меньшей степени распространена в сельской местности.¹³⁸ Существуют некоторые половые различия заболевания шизофренией. У мужчин шизофрения начинается раньше, чем у женщин, и протекает в более тяжелой форме.¹³⁹ С другой стороны, пороговый возраст возможного появления шизофрении у женщин выше, то есть у женщин имеется тенденция к более продолжительному периоду риска заболеть.¹⁴⁰ Распространение шизофренией коррелирует с социальным положением человека: чем выше социальный статус, тем ниже вероятность появления шизофрении.

¹³⁶ Джонс П.Б. Шизофрения: клин. Руководство / Питер Б. Джонс, Питер Ф. Бакли; - М.: МЕДпресс-информ, 2008. С. 13

¹³⁷ Уорнер Р. Шизофренія і середовище: Інновації в лікувальній практиці, політиці і в галузі масової комунікації / Пер. з англ. С.Альошкіної. — К.: Сфера, 2004. — 198 с. — Рос. мовою. С. 15

¹³⁸ Джонс П.Б. Шизофрения: клин. Руководство / Питер Б. Джонсон, Питер Ф. Бакли; - М.: МЕДпресс-информ, 2008. С. 48

¹³⁹ Рональд Комер. Основы патопсихологии. URL: <http://www.studfiles.ru/preview/398829/> (Дата обращения 10.02.2014)

¹⁴⁰ Джонс П.Б. Шизофрения: клин. Руководство / Питер Б. Джонс, Питер Ф. Бакли; - М.: МЕДпресс-информ, 2008. С. 35

2. Причина шизофрении

Не существует единого мнения по поводу причин шизофрении. Среди причин называют: генетическую предрасположенность,¹⁴¹ стрессовые факторы,¹⁴² употребление наркотических веществ и алкоголя,¹⁴³ осложнения во время беременности,¹⁴⁴ урбанизация, миграция в другие страны.¹⁴⁵ Существует некоторая корреляция заболевания шизофрении и сезона рождения человека,¹⁴⁶ поэтому одной из возможных причин называется вирусное заболевание.¹⁴⁷

Несмотря на множество гипотез, исследователи сходятся во мнении, что в настоящее время истинные причины шизофрении неизвестны, поэтому сегодня можно говорить только о факторах риска и возможных триггерах, которые запускают механизм шизофрении. Интерес вызывают эволюционные теории шизофрении. Например, существует теория, согласно которой шизофрения обеспечивает репродуктивное преимущество в его непороговых формах, потому что отклонение мышления и его способность

¹⁴¹ Фрит, Кристофер. Шизофрения: краткое введение / Кристофер Фрит, Эва Джонстон: пер. с англ. Ю. В. Крижевской. М.: Астрель: АСТ, 2005. С. 103

¹⁴² Day R; Nielsen JA, Korten A, Ernberg G, Dube KC, Gebhart J, Jablensky A, Leon C, Marsella A, Olatawura M, et al. «Stressful life events preceding the acute onset of schizophrenia: a cross-national study from the World Health Organization. Culture, Medicine and Psychiatry 11 (2), 1987: P.123–205.

¹⁴³ Фрит, Кристофер. Шизофрения: краткое введение / Кристофер Фрит, Эва Джонстон: пер. с англ. Ю. В. Крижевской. М.: Астрель: АСТ, 2005. С. 88

¹⁴⁴ Джонс П.Б. Шизофрения: клин. Руководство / Питер Б. Джонс, Питер Ф. Бакли; - М.: МЕДпресс-информ, 2008. С. 69

¹⁴⁵ Там же. С. 50

¹⁴⁶ Davies G; Welham J, Chant D, Torrey EF, McGrath J (2003). «A systematic review and meta-analysis of Northern Hemisphere season of birth studies in schizophrenia». Schizophrenia Bulletin 2003;29 (3): P. 587-593.

¹⁴⁷ Палмер, Дж. Эволюционная психология. Секреты поведения Homo sapiens / Джек Палмер, Линда Палмер. – СПб.: Прайм-ЕВРОЗНАК, 2007. С. 273

нестандартно решать задачи может быть адаптивным признаком и способствовать более успешному репродуктивному поведению.¹⁴⁸ Кроме того, существуют теории, которые связывают шизофрению с языковой способностью человека. В контексте этих теорий, шизофрения является платой за язык.¹⁴⁹

3. История исследования

Научное исследование шизофрении началось в конце XIX века, когда Крепелин ввел название «раннее слабоумие» (*dementia praecox*) для объединения считавшихся ранее самостоятельными расстройств. Он описал три формы этой новой нозологической единицы: кататоническую, гебефреническую и параноидную. Названием «раннее слабоумие» Крепелин указал на раннее начало заболевания и его крайне неблагоприятный исход. В 1911 году Блейлер вместо термина «раннее слабоумие» предложил термин «шизофрения», то есть расщепление сознания. Этой заменой Блейлер указал на то, что исход заболевания не всегда является катастрофическим и не обязательно приводит к слабоумию, а часто имеет вялотекущие формы, что приводит к тому, что многие больные не диагностируются и считаются здоровыми. Подходы Крепелина и Блейлера к определению шизофрении известны как соответственно «сужающая» и «расширяющая» тенденции диагностики шизофрении. В России преобладало «блейлеровское», то есть «расширяющее» направление. Что, как указывает ряд авторов, привело к гипердиагностике заболевания и позволило ставить диагноз «вялотекущая

¹⁴⁸ Палмер, Дж. Эволюционная психология. Секреты поведения *Homo sapiens* / Джек Палмер, Линда Палмер. – СПб.: Прайм-ЕВРОЗНАК, 2007. С. 275

¹⁴⁹ Timothy J. Crow. Is schizophrenia the price that *Homo sapiens* pays for language? // Schizophrenia Research, 28 (1997). P. 127-141

шизофрения» здоровым людям.¹⁵⁰ Однако после введения во врачебную практику Международной классификации болезней Десятого пересмотра (МКБ-10), которая приводит жесткие критерии диагностики шизофрении, наблюдается постепенный переход к «крепелиновскому», то есть «сужающему» подходу.¹⁵¹

4. Проблема исследования

Несмотря на широкий диапазон исходов этого заболевания и значительный прогресс в понимании нейрохимических механизмов шизофрении, в настоящее время шизофрения остается неизлечимой болезнью.¹⁵² Проблема исследования природы этой болезни осложняется тем, что она может иметь большое количество проявлений и вариантов развития заболевания у разных людей.¹⁵³ Множество путей, приводящих к шизофрении, и отсутствие единой для всех больных симптоматики вызывают сомнение в том, что данное заболевание является действительно одной и той же болезнью во всех случаях, когда ставится этот диагноз. Симптомы из стандартного перечня необходимых критериев для выявления шизофрении обычно плохо коррелируют у разных людей, что указывает на гетерогенную природу этого заболевания, поэтому современные исследователи часто указывают на высокую вероятность того, что оно представляет собой совокупность различных болезней.¹⁵⁴ Следствием отсутствия очевидного

¹⁵⁰ Косилова Е. В. Психиатрия: опыт философского анализа: монография. – Москва: Проспект, 2014. С. 129

¹⁵¹ Рустанович А.В. Шизофрения: Учебное пособие. – СПб.: ЭЛБИ-СПб, 2012. С. 16

¹⁵² Джонс П.Б. Шизофрения: клин. Руководство / Питер Б. Джонс, Питер Ф. Бакли; - М.: МЕДпресс-информ, 2008. С. 87

¹⁵³ Там же. С. 25

¹⁵⁴ Палмер, Дж. Эволюционная психология. Секреты поведения Homo sapiens / Джек Палмер, Линда Палмер. – СПб.: Прайм-ЕВРОЗНАК, 2007. С. 272

подтверждения единства проявлений болезни и этой симптоматической гетерогенности шизофрении является отсутствие общепринятой классификации этого заболевания и отсутствие четкого определения диагностических «границ» шизофрении.

5. Следствия проблем исследования

Следствием указанных выше проблем является то, что на сегодняшний день не существует общепринятого определения шизофрении. В России популярно определение, предложенное Снежневским, который считал, что шизофрения представляет собой «прогредиентное психическое заболевание, характеризующееся типичными изменениями личности и ее своеобразным дефектом». Однако каждое из предлагаемых определений шизофрении страдает отсутствием тех или иных сущностных характеристик или чрезмерным упрощением явления. Так Рустанович указывает, что преимуществом определения Снежневского является краткость и прогностическая направленность, но недостатком – обобщенность, то есть клиническая неопределенность, формулировок.¹⁵⁵ Кроме того, Рустанович замечает, что отсутствие определения шизофрении в разделе «Шизофрения» учебника «Психиатрия» (М.: Медицина, 1969) подчеркивает сложность его формулировки. Сложность определения шизофрении заключается в том, что симптоматика при шизофрении включает в себя почти всю общую психопатологию.¹⁵⁶

6. Симптомы

Одной из наиболее распространенных классификаций шизофрении является деление симптомов на негативные и позитивные. К негативным

¹⁵⁵ Рустанович А.В. Шизофрения: Учебное пособие. – СПб.: ЭЛБИ-СПб, 2012. С. 12

¹⁵⁶ Там же. С. 7

симптомам относят такие расстройства психики, при которых наблюдается отсутствие черт, характерных для нормального психического состояния человека. Это симптомы отсутствия. К ним относятся: расстройства мышления, искажение эмоциональных реакций, агедония, абулия, аутизм. Примером расстройства мышления являются разорванность и резонерство. Разорванность мышления проявляется в отсутствии смысла в высказывании. Например, больной шизофренией может сказать: «Завтра четверг, потому что вчера был листопад». Резонерство – это отсутствие целенаправленного мышления, которое приводит к отвлечению больного от содержания темы разговора: больной начинает рассуждать на не относящиеся к предмету разговора темы.¹⁵⁷

Расстройствами эмоциональной сферы при шизофрении являются: эмоциональное уплощение, снижение аффекта, депрессия, маниакальные состояния, апатия и другие. У больного с выраженной негативной симптоматикой наблюдается отсутствие эмоциональной реакции на события, которые здоровыми людьми оцениваются как крайне эмоциональные. Патология волевых функций проявляется в снижении энергетического потенциала, потере мотивации, либо, наоборот, чрезмерное повышение активности. При разных формах шизофрении наблюдается весь спектр нарушений волевого поведения: абулия (патологическое отсутствие

¹⁵⁷ «Например, на вопрос «Где Вы родились?», больной с резонерством мышления отвечает следующим «монологом»: — Я родился в деревне К. Это недалеко от Рязани. Рязань, конечно, крупный город, но далеко не самый большой в Рос-сии. Да и Россия, хоть большая страна, но меньше Китая. Если бы все страны были такими большими, как Китай, людям дав-но бы негде было жить. Пришлось бы активнее осваивать кос-мос. Может быть, нужно было бы вести войны с инопланетяна-ми, но тогда неизвестно, кто бы победил. Конечно, у нас есть атомная бомба, но ведь и у инопланетян она может быть. Ис-ход межзвёздной войны вообще трудно предсказать... Если, позволив больному высказаться, затем уточнить «А о чём я Вас спрашивал?», он нередко не может вспомнить вопроса. Резонерство, таким образом, это «цепь соскальзываний» с темы беседы».

(Рустанович А.В. Шизофрения: Учебное пособие. – СПб.: ЭЛБИ-СПб, 2012, С. 27)

мотивации к деятельности), гипербулия (патология, при которой наблюдается чрезмерная волевая активность, характерна для параноидальных состояний), гипобулия (патологическое снижение волевой активности) и парабулия (извращение волевой активности, сопровождающееся соответствующей деятельностью — негативизмом, импульсивностью, вычурностью и т.д.).¹⁵⁸

Аутизм - это погружение субъекта в свой внутренний мир, которое сопровождается социальной отгороженностью, замкнутостью субъекта. Аутизация личности, ее социальная изоляция считается большинством авторов главной характеристикой личности при шизофрении.¹⁵⁹

К позитивным (продуктивным) расстройствам относят те проявления психики, которые отсутствуют в норме и являются «патологическим избытком»: бред, галлюцинации, дезорганизованное мышление и речь, эмоциональная неадекватность, психические автоматизмы, двигательные расстройства, амбивалентность аффектов. Бред – это «странное неверное убеждение, твердо удерживаемое вопреки доказательствам обратного».¹⁶⁰ У больных шизофренией обычно наблюдают ипохондрические формы бреда, бред ревности, идеи изобретательства, бред реформаторства и преследования.

«Галлюцинация — ощущение воображаемых знаков, звуков или других сенсорных переживаний, как будто они существуют в действительности»,¹⁶¹ - больной слышит, видит или ощущает то, чего нет в действительности. При этом галлюцинации настолько правдоподобны, что субъект не отличает их от реальности. При шизофрении чаще всего наблюдаются слуховые

¹⁵⁸ В.М. Блейхер, И.В. Крук. Толковый Словарь Психиатрических Терминов. URL: <http://bookitut.ru/Tolkovyy-slovarj-psikhiatricheskikh-terminov.1.html> (Дата обращения: 11.09.2013)

¹⁵⁹ Рустанович А.В. Шизофрения: Учебное пособие. – СПб.: ЭЛБИ-СПб, 2012, С. 47

¹⁶⁰ Рональд Комер. Основы патопсихологии. URL: <http://www.studfiles.ru/preview/398829/> (дата обращения 10.02.2014)

¹⁶¹ Там же.

галлюцинации, которые проявляются в том, что люди слышат голоса, которые комментируют поведение субъекта или спорят между собой. Зрительные галлюцинации являются довольно редким симптомом. Галлюцинации при шизофрении могут быть тактильными, висцеральными, вкусовыми или зрительными.

Для больных шизофренией также характерна эмоциональная неадекватность, которая проявляется в несоответствии эмоционального реагирования на запустившее его раздражение. Например, больной может улыбаться в то время, когда произносит серьезную речь, расстраиваться, в той ситуации, когда здоровый человек будет радоваться и так далее. По определению Комера, эмоциональная неадекватность — симптом шизофрении, при котором человек демонстрирует эмоциональные реакции, не соответствующие ситуации.¹⁶²

Еще одним позитивным симптомом шизофрении является наличие психических автоматизмов, которые представляют собой переживание отчуждения психических функций: псевдогаллюцинации, чувство «вложенности» ощущений, феномен «эха мыслей», чувство отчуждения эмоций и «сделанности» сновидений и другие. Псевдогаллюцинации отличаются от истинных галлюцинаций тем, что при псевдогаллюцинациях возникает чувство их искусственной «сделанности», то есть объект галлюцинаторного восприятия не проецируется субъектом вовне и воспринимается как то, что «вложено» в него.

К двигательным нарушениям при шизофрении относят кататонический ступор и кататоническое возбуждение. При кататоническом ступоре больные перестают реагировать на стимулы из внешней среды и могут подолгу сохранять определенное положение тела, оставаясь неподвижными. Так при каталеспии («восковой гибкости») больному можно придать любую позу, и он сохранит это положение на достаточно долго время.

¹⁶² Рональд Комер. Основы патопсихологии. URL: <http://www.studfiles.ru/preview/398829/> (дата обращения 10.02.2014)

При кататоническом возбуждении наблюдаются повышенное настроение, «манерный», часто «дурашливый» характер поведения, появляется беспричинный смех, речь становится пафосной, могут появляться эхолалии. Патетическое кататоническое возбуждение со временем приобретает характерные черты гебефрении. Также этот синдрома может сопровождаться агрессивными, нелепыми и импульсивными действиями.

Несмотря на множество симптомов и всевозможных их комбинаций, основным проявлением шизофрении является схизис, который Блейлер считал основным психопатологическим расстройством при шизофрении. Схизис – это дезинтеграция психических функций в целом, расщепление психики, которое проявляется в парадоксальном сосуществовании в психике исключающих друг друга тенденций и рассогласовании психических явлений. Это явление похоже на неверно собранную модель, когда детали подогнаны друг к другу не так, как это было задумано изначально и не по схеме, а в хаотичном порядке – когнитивные процессы протекают не в том порядке, в котором они должны протекать с точки зрения дизайнерской задумки природы. Они протекают без всякого согласования друг с другом и без обеспечения единства и нормального функционирования организма. Схизис является причиной того, что больной «не способен отличать внутренние воображаемые действия от внешних сенсорных стимулов»,¹⁶³ что приводит к отказу от работы с реальностью и к отсутствию «принципа реальности».¹⁶⁴

Выделяют четыре основные формы шизофрении: кататоническая, гебефреническая, параноидная и простая. При кататонической форме преобладают двигательные расстройства полярного характера, к которым относят двигательную заторможенность, застывания и снижения реакции

¹⁶³ Рамачандран Вилейанур С. Рождение разума. Загадки нашего сознания. – М.: ЗАО «Олимп – Бизнес», 2006. С. 110

¹⁶⁴ Косилова Е. В. Психиатрия: опыт философского анализа: монография. – Москва: Проспект, 2014. С. 148

(кататонический ступор), гиперактивность (кататоническое возбуждение), феномены негативизма, автоматической подчиняемости, «восковую гибкость» и другие. Гебефрения характеризуется непредсказуемым и дурашливым поведением (гримасы, неадекватный ситуации смех, инфантильность в коммуникации, манерность, притворная веселость, кривляния, карикатурное детское поведение). Для гебефрении характерно быстрое нарастание негативных симптомов, в частности аффективного уплощения и потери воли. Согласно МКБ-10 гебефрению можно диагностировать только в подростковом и юношеском возрасте.¹⁶⁵ Параноидная форма шизофрении является самой распространенной формой, она обнаруживается примерно у 70% всех больных. Основным симптомом, необходимым для диагностирования этой формы шизофрении является наличие бредовых расстройств: бреда преследования, величия, ревности и другие формы бреда. При этом расстройства эмоционального реагирования, воли, речи и двигательные кататонические симптомы либо отсутствуют, либо выражены слабо.¹⁶⁶ Для простой формы характерно наличие в основном негативных симптомов (абулия, эмоциональное уплощение и другие). При этом расстройстве наблюдается постепенно прогрессирующее развитие негативной симптоматики без выраженных патологических эпизодов в начальном периоде заболевания. Изменения проявляются в виде утраты прежних интересов, аутизации, отсутствии контакта с окружающей действительностью.

7. Дофаминовая теория шизофрении

Несмотря на то, что сегодня нет общепринятой концепции причины шизофрении, существует наиболее авторитетная, проработанная и поддерживаемая специалистами в области нейropsychологии теория – это

¹⁶⁵ МКБ-10. URL: <http://mkb-10.com/index.php?pid=4161> (Дата обращения: 12.07.2014)

¹⁶⁶ Там же.

дофаминовая гипотеза шизофрении.¹⁶⁷ В последние десятилетия наиболее последовательные биологические теории связывают этиологию шизофрении с работой дофаминовой нейромедиаторной системы.¹⁶⁸ Лауреат Нобелевской премии по физиологии и медицине Арвид Карлссон в 1960 году исследовал свойства нейромедиатора дофамина. В ходе исследования он обратил внимание на то, что если пациентам с болезнью Паркинсона давать слишком большие дозы дофамина, то у них возникали психотические симптомы, напоминающие проявления шизофрении. Это наблюдение позволило ему предположить, что причиной шизофрении может служить чрезмерное производство в организме этого нейромедиатора.¹⁶⁹ Эту гипотезу интенсивно проверяли в последующие десятилетия и дальнейшее исследование показало, что развитие шизофрении действительно связано с дофаминергической системой. В настоящее время считается, что позитивные симптомы шизофрении связаны именно с дисбалансом и избыточной активностью дофамина в центрах подкрепления.¹⁷⁰ Это подтверждается несколькими цепочками доказательств. Во-первых, позитивные симптомы лечатся агонистами дофамина, которые снижают активность этого нейромедиатора. Во-вторых, такие симптомы шизофрении, как галлюцинации и бред, могут быть вызваны препаратами, которые повышают уровень дофамина в мозге, например, амфетаминами.¹⁷¹ Именно эти симптомы были обнаружены у пациентов с болезнью Паркинсона, в состав лечения которых входят

¹⁶⁷ Oliver D. Howes, Shitij Kapur. The Dopamine Hypothesis of Schizophrenia: Version III—The Final Common Pathway / Schizophrenia Bulletin, Volume 35, Issue 3, p. 549-562

¹⁶⁸ Прогресс дофаминовой теории шизофрении. Справочное издание для врачей. Под редакцией Арвида Карлссона. URL: <http://scilib.biz/psihologiya-psihiatriya/progress-dofaminovoy-teorii-shizofrenii.html> (Дата обращения: 06.06. 2014)

¹⁶⁹ Кандель Э. В поисках памяти: Возникновение новой науки о человеческой психике / М.: Астрель: CORPUS, 2012. С. 515

¹⁷⁰ Палмер, Дж. Эволюционная психология. Секреты поведения Homo sapiens / Джек Палмер, Линда Палмер. – СПб.: Прайм-ЕВРОЗНАК, 2007. С. 272

¹⁷¹ Там же

препараты, повышающие уровень дофамина. В настоящее время шизофрения лечится антипсихотическими препаратами, которые тем или иным способом оказывают влияние на дофаминовую систему. Значение этих препаратов настолько велико, что некоторые авторы считают неэтичным не лечить больных этими лекарствами.¹⁷² Таким образом, дофаминовая теория шизофрении является основой современных представлений о природе и течении шизофрении. Она продолжает развиваться, опираясь на новые научные данные¹⁷³ и приобретая все новых сторонников.

Вывод

Для данной работы важным является представление о том, что шизофрения связана с системой подкрепления. Потому что эта связь позволяет надеяться на возможность соединить (возможно, при помощи слабых и некорректных связей) шизофрению с удовольствием и, далее, с механизмами самостимуляции и эмоциональным откликом на моделируемую ситуацию, который, возможно, является моментом актуализации сознания. Последний момент может указывать на некоторую связь между шизофренией и «трудной проблемы сознания», то есть на связь шизофрении и наличия у человека субъективного опыта.

Разумеется, философский анализ проблемы сознания не претендует на полное и даже достаточное знание психофизиологических механизмов функционирования сознания. И в этом конкретном случае философу интересны исключительно корреляции, которые можно найти в текстах по психиатрии или физиологии. В данном случае важна возможная корреляция

¹⁷² Фрит, Кристофер. Шизофрения: краткое введение / Кристофер Фрит, Эва Джонстон: пер. с англ. Ю. В. Крижевской. М.: Астрель: АСТ, 2005. С. 97

¹⁷³ Anissa Abi-Dargham. Do we still believe in the dopamine hypothesis? New data bring new evidence. // International Journal of Neuropsychopharmacology (2004), 7 (Supplement 1), S1–S5.

между субъективным опытом и шизофренией, которая может быть опровергнута или проверена специалистами в данной области. То, что шизофрения как-то связана с сознанием – довольно привычный и относительно простой для восприятия тезис. Гораздо сложнее дело обстоит с теми механизмами, которые являются общими у сознания и шизофрении. Тезис нуждается в наличии связи между субъективным опытом и психической девиацией. Эту связь нельзя найти внутри философии, потому что она имеет дело с понятиями, а тут нужен эмпирический фундамент. Поэтому приходится искать эту связь на «чужой» территории.

И у автора есть основание для этих вылазок. Наука о сознании методом проб и ошибок развивается крайне стремительно. Появляются приоритетные направления исследования, которые в будущем будут основной для крайне занимательных открытий. Автор не мог не заметить, что тема «системы подкрепления» является одной из наиболее актуальных в современной психофизиологии и психиатрии: по этой теме присуждаются Нобелевские премии, она является одной из наиболее обсуждаемых в современной психиатрии, пишутся крайне любопытные тексты на стыке физиологии и философии. Примером такого текста является работа Фреда Превика «Дофаминовое сознание в человеческой эволюции и истории», в которой автор предлагает крайне любопытную теорию появления и эволюции сознания в связи с изменениями в дофаминергической системе.¹⁷⁴

Автор видит одной из своих задач указать на важность данной темы в актуальных исследованиях сознания и смежных объектов. Даже если предлагаемая в данной работе система является некорректной, сам вектор исследования кажется не просто любопытным, но крайне перспективным.

Проблемы и вопросы к дальнейшему исследованию в данном направлении:

¹⁷⁴ Fred H. Previc. The Dopaminergic Mind in Human Evolution and History. CAMBRIDGE UNIVERSITY PRESS. 2009.

1. Какие из множества современных представлений о природе шизофрении считать верными?
2. Какие из симптомов жестко привязаны к этому заболеванию, а какие являются лишь сопутствующими или вовсе являются симптомами других заболеваний, которые в настоящее время ошибочно диагностируются как шизофрения?
3. Является ли нарушение в «системе подкрепления» необходимым условием для развития этой болезни?

§2. Причины шизофрении в контексте вопроса о сознании

Задача этого параграфа – продемонстрировать возможность связи «трудной проблемы сознания» и шизофрении. Продemonстрировать возможность – это не значит разобрать все элементы и механизмы, но значит указать на основу для возможного движения в данном направлении. При этом предполагается, что шизофрения – это крайнее проявление видоспецифического признака, которым является сознание.

Выготский отмечал роль шизофрении в исследовании сознания: «Психолог находит в клинике шизофрении исключительный и едва не единственный случай - во всяком случае, несравнимый со всем тем, что описано до сих пор, - единственный и исключительный случай такого психологического развития и изменения сознания и его функций, который проливает свет на нормальную организацию сознания и, главное, на нормальную организацию отношений сознания к его функциям и нормальный ход развития его. В этом смысле в психологическом изучении шизофрении заключен, по-видимому, ключ к познанию структуры нормального сознания».¹⁷⁵ Автор согласен с Выготским в том, что исследование этого заболевания может иметь ключевую роль в изучении сознания и обнаружении функции субъективного опыта. Предположение, что патология является ключом к норме, представляется крайне перспективной с точки зрения как экспериментальных, то есть конкретно-научных способов исследования сознания, так и с точки зрения спекулятивной философии. По мнению автора, философия патологии имеет все основания стать следующим этапом развития современной аналитической философии, учитывая то, что эта школа в настоящее время находится в некоторой стагнации и ищет

¹⁷⁵ Выготский Л. С. К проблеме психологии шизофрении // Современная проблема шизофрении. Доклад на конференции по шизофрении. М., 1933, С. 19-28

дальнейшие вектора развития.¹⁷⁶ Это возможно, потому что исследование шизофрении и других психологических патологий способно пролить свет на главный вопрос современной философии сознания: зачем нужна субъективность?

У сознания есть два атрибута – воображение и изображение.¹⁷⁷ Нет никаких оснований считать, что у животных есть внутренние состояния. Мы не можем с абсолютной уверенностью говорить о том, что их жизнь проходит «в темноте», но если мы не знаем, зачем нам сознание, то приписывать его наличие животным – ненужное допущение, которое является помехой для исследования.¹⁷⁸ Для того чтобы говорить о сознании у животных необходимо выяснить, какая функция реализована у человека благодаря сознанию и только после этого задаваться вопросом о необходимости и возможности существования субъективного опыта у животных. Если удастся показать, что животное может фиксировать эмоцией вырванную из актуального контекста моделируемую ситуацию, то это будет серьезным основанием для исследования. На сегодняшний день сознание можно и нужно считать видоспецифическим признаком человека.

Возможность найти связь видоспецифического признака, то есть сознания, и видоспецифической болезни, то есть шизофрении, представляется крайне полезной как с теоретической, так и с практической точек зрения. Для психолога очевидно, что шизофрения связана с сознанием хотя бы потому, что раскалываться должно что-то. Кроме того, сама «трудная проблема сознания» для психолога часто не является проблемой.

¹⁷⁶ В этой связи можно надеяться на то, что российская школа философии психопатологии (Выготский, Поршневу, Бородай) обладает потенциалом для поиска концептуальных оснований дальнейших исследований.

¹⁷⁷ Гиренок Федор. Аутография языка и сознания. – М.: МГИУ, 2010. (Серия «Современная русская философия»). С. 8

¹⁷⁸ Деннет Дэниэл С. Виды психики: На пути к пониманию сознания. – М, Идея-Пресс, 2004. С. 164

Когда его спрашиваешь о причинной связи внутренних состояний и организма, то эта связь для него является очевидной, например, в силу наличия психосоматики. Но для того, кто занимается философским анализом проблемы, сознание и сама возможность его влияния на организм кажутся загадками без решения. Поэтому возможность концептуально связать фундаментальную проблему философии с «самой загадочной болезнью» кажется заманчивой.

Когда автор рассматривал удовольствие от работы воображения как возможную точку каузального влияния субъективных переживаний, то, разумеется, он обратил внимание на систему подкрепления. Затем автор обратил внимание и на то, что нарушение в системе подкрепления считается основной причиной шизофрении, а дофаминовая теория – это наиболее проработанная и влиятельная теория шизофрении. Несмотря на то, что автор не является специалистом ни в области нейрофизиологии, ни в области патопсихологии, эта, возможно фантомная, корреляция показалась ему крайне интересной, потому что позволяет навести мосты между «трудной проблемой сознания» и одним из самых загадочных и любопытных явлений человеческой природы – шизофренией. Именно эта корреляция послужила отправной точкой для сопоставления сознания и шизофрении. Если есть возможность рассмотреть две тайны в их взаимосвязи, то игнорировать эту возможность нельзя, несмотря на высокую вероятность упасть в «спекулятивную яму».

В первой главе были указаны элементы, которые помогают описать сознание как способность моделировать некоторую ситуацию без обращения к актуальному настоящему. Среди этих элементов: чувство удовольствия, движение, воображение и система подкрепления. Эти элементы нужны были для того, чтобы указать на моделирующую способность сознания. Для иллюстрации был приведен мысленный эксперимент «мечтающий зомби». Мечта – это способность организма испытывать чувство удовольствия без обращения к актуальному настоящему, то есть потенциальная точка

взаимодействия субъективных переживаний и органического субстрата. Таким образом, воображение и изображение актуализируются в момент эмоционального отклика. Изображение (субъективность, единство восприятия) является условием существования воображения, а воображение – это причина сознания.

Дофаминергическая система сложна и регулирует различные функции организма, но в совокупности с тем, что нарушения при шизофрении затрагивают те же основные элементы, которые необходимы для моделирования, эта система может указывать на связь сущностной черты человека и этого заболевания. Деформация речи, двигательные расстройства, расстройства эмоциональных реакций, схизис и нарушения в работе воображения – эти элементы позволяют говорить о потенциальной связи сознания (как наличия внутренних состояний) и шизофрении.

Дело не в том, что шизофрения проявляется просто как нарушения в работе ряда когнитивных способностей, а в том, что это заболевание связано с наличием внутренних состояний. То есть это видоспецифическое расстройство человека связано с видоспецифическим признаком.

Автор исходит из двух предположений: 1. Субъективность действительно является в моменте моделирования; 2. Субъективность связана с шизофренией общими механизмами. В этом случае можно начертить некоторую схему, которая интересна своим потенциалом для спекулятивных построений.

1.1. Шизофрения как плата за субъективность

Сознание – это не столько наличие субъективных качеств, сколько способность их использовать. В данной работе за основу принимается следующее определение сознания: сознание – это способность организма эмоционально реагировать на психические процессы, которая сопровождается наличием субъективности и внутренних состояний.

Организм может использовать внутренние качества активно, может менее активно. Это способность может быть разной. Сознание – это признак, который предполагает вариативность. Воображение – это причина сознания, которая предполагает различную степень выраженности. Возможно, распределение этого признака в популяции подчиняется логике стабилизирующего отбора, при котором закрепляется среднее значение признака. При максимуме развития признака наблюдаются симптомы шизофрении. Таким образом, то, что делает из животного человека, является причиной шизофрении. Шизофрения – это плата за то, чтобы быть человеком, плата за субъективность.

1.2. Стабилизирующий отбор

В текстах посвященных эволюционному развитию организмов встречается хрестоматийный пример, демонстрирующий распределение признака при стабилизирующем отборе. На отдаленном острове живет популяция птиц. При этом размеры крыльев всех птиц приближаются к среднему значению. Объясняется это тем, что на этом острове дуют сильные ветра и птицы с короткими крыльями не в состоянии бороться со стихией, поэтому не выживают и не оставляют потомства. Птиц же со слишком большими крыльями относит в океан, и они тонут. Поэтому крылья средней величины являются предпочтительным признаком в данной ситуации. Распределение сознания как признака может подходить под эту модель. Иметь значение может не то, что этот признак подчиняется стабилизирующему отбору - эта форма естественного отбора наиболее распространена.¹⁷⁹ Но важно само представление о сознании как о вариативном признаке, у которого есть максимум выраженности и минимум выраженности.

¹⁷⁹ В. Грант. Эволюция организмов. - М.: "МИР", 1980. С. 104

2.1. Вопрос о причине сознания

Если сознание является эволюционным приобретением и способствует выживанию, то представляет собой способ взаимодействия с реальностью, то есть включено в состав механизмов, которые позволяют организму эффективно участвовать в естественном отборе, который представляет собой взаимодействие с внешним миром. Зачем нужно это дополнительное по отношению к не нуждающимся в сознании механизмам приобретение? Пока это не известно. Следствием или катализатором появления сознания может быть социальное и языковое поведение, эмпатия или вариант поведения попперовского создания, способного прогнозировать варианты своего поведения, либо результатом появления сознания или причиной, подтолкнувшей его развитие в ходе антропогенеза, является грегориусское создание¹⁸⁰ с его встраиванием в культуру и способностью использовать опыт предыдущих поколений в своей жизни. Либо еще какая-то необходимость или эволюционное приобретение может быть причиной появления воображения.¹⁸¹ Однако такой причины может и не быть вовсе,

¹⁸⁰ Деннет Дэниэл С. Виды психики: На пути к пониманию сознания. – М, Идея-Пресс, 2004. С. 105

¹⁸¹ Например, может быть такая причина: в некотором смысле, мечта – это «ошибка». Организм «ошибается» и реагирует на внутренние стимулы так, будто они являются внешними. Главным стимулом развития организма является удовольствие. Поэтому можно смоделировать ситуацию, при которой сознание будет представлять собой надстройку над корректно работающими когнитивными механизмами, позволяющими организму успешно участвовать в естественном отборе. Но при этом когнитивные процессы, являющиеся основой сознания, будут нацелены на непосредственное получение удовольствия в обход нижележащих когнитивных механизмов. То есть сознание – это паразит на психике животного. Организм приспособился к среде, в процессе эволюции он обзавелся сложными моделями поведения, которые обеспечиваются множеством когнитивных процессов. Но все это множество процессов, функций и моделей поведения подчиняется только принципу удовольствия – делать то, что вызывает удовольствие и не

потому что телеологический подход в данном случае не является корректным: эволюция не имеет цели, а мутация представляет собой случайность.

2.2. Воображение

Если сознание представляет собой способность построения воображаемой ситуации, то оно предполагает работу с этим суррогатом реальности. Реакция на раздражение, поступающее из внешнего мира, становится в некоторой степени сопоставимой с реакцией на стимулы внутренних состояний. Если не по количеству, то по качеству. Еще раз следует подчеркнуть, что ответить на вопрос «зачем нам нужно воображение?» на сегодняшний день нельзя – любая теория, касающаяся этого вопроса, является спекулятивным предположением. Попытка указать на причину возникновения воображения и, следовательно, сознания

совершать тех действий, которые вызывают негативные реакции. Так организм приспособливается к окружающей среде. Но появляется сознание, которое позволяет получать удовольствие в обход взаимодействию с внешним миром – это кратчайший путь достижения желаемого, то есть закономерное развитие организма, вся жизнь которого направлена на получение удовольствия. В этом случае одни когнитивные процессы обманывают другие. Разрыв сознания и тела – это результат естественного стремления организма получить награду за выполнение своей биологической функции в обход ее выполнения, то есть обман. А если рассматривать организм как единое целое, то самообман. Хотя в данном случае о единстве говорить нельзя. То есть сознание – это все же эволюционная ошибка, которая возникает на определенном этапе развития нервной системы, когда субстрат оказывается способным породить эту «опухоль». Множество векторов поведенческих реакций животного направлены на работу с внешним миром, и у них всех одна цель – удовольствие. Но удовольствие труднодостижимо, и когда у организма появляется возможность своими ресурсами добраться до этой цели – он делает это, несмотря на очевидную эволюционную ошибочность подобного поведения.

приводит к созданию полезных в эвристическом плане, но трудно проверяемых и поэтому спекулятивных теорий антропогенеза.

Если есть реакция на внешние раздражения, то есть и пространство бессознательных механизмов, обеспечивающих жизнь организма – пространство реального. Если есть реакция на внутренние состояния, то есть и пространство качественной реальности – новое приобретение, «орган» воображения – пространство воображаемого.

Животное нуждается только в функционировании бессознательных механизмов – пространства субъективного опыта там нет, потому что нет необходимости в реакции на что-либо кроме как на стимулы, поступающие из внешнего мира.¹⁸² У животного есть только пространство реального: «Животное является автоматом и поэтому оно является реалистом».¹⁸³ У человека добавляется пространство функционирования воображения. Какова его структура? На этот вопрос, как и на вопрос о причине существования самой способности, ответить пока нельзя. Можно пытаться выделять элементы и искать какие-то связи или корреляции, но получившаяся схема будет крайне условной. Мы не можем ничего конкретного сказать и о материале, с которым работает воображение, потому что этот вопрос связан с функцией субъективности. Таким материалом могут быть: образ, схема, речевые пропозиции, двигательные паттерны, символы, понятия и так далее. Автор не имеет сколь либо оформленного представления о том, что представляет из себя материал, с которым работает воображение. Этот вопрос выходит за рамки предлагаемого рассуждения.

¹⁸² Внешний мир – это все, что не включено в пространство работы субъективности, то есть реагирование на сигналы внутренних органов тоже.

¹⁸³ Гиренок Ф. Абсурд и речь. Антропология воображаемого. — М.: Академический Проект, 2012. — 237 с. — (Философские технологии: hic et nunc). С. 143

2.3. Субъективность как связь воображаемого и реального

Еще один вопрос: что собой представляет само пространство работы сознания? И на этот вопрос сегодня ответить проблематично. Называть это пространство можно по-разному: воображаемое, дословное, виртуальная машина, самость без я, трансцендентальное воображение и так далее. Это то пространство, на котором строятся здания субъективного опыта. То, что происходит в этом пространстве, происходит априорно, поэтому получить к нему доступ сложно, если вообще возможно.

Субъективность, то есть апперцепция, - это необходимое условие связи реального и воображаемого. Без этого условия невозможно представить себе ни самого существования внутренних состояний, потому что воспринимает всегда кто-то, ни влияния моделируемого на реальное. Субъективность – это сустав, соединяющий орган и тело, воображаемое и реальное.

3. Усиление признака

Что произойдет, если мы усилим этот сущностный признак? В этом случае степень реагирования на внутренние состояния возрастет. Но до какого предела может усиливаться способность реагирования на внутренние стимулы? Есть ли такая граница? Интуитивно кажется, что воображение не может быть абсолютной заменой реальности, потому что в случае такого замещения организм рискует отказаться от работы с реальным миром и завершить участие в естественном отборе. Рамачандран так формулирует эту мысль: «Эволюция позаботилась о том, чтобы наше воображение — внутреннее моделирование — не было совершенным. Гуманоид, который в результате мутаций приобретает совершенное воображение, будет фантазировать, а не жить реальностью; он будет представлять себе оргазм,

вместо того чтобы преследовать самку, а, следовательно, не будет распространять свои гены».¹⁸⁴

Но в реальности у нас помимо воображаемого есть реальное, которое представляет собой совокупность всех тех механизмов, которые обеспечивают поведение не нуждающегося в сознании организма, и этих бессознательных механизмов в структуре психики подавляющее большинство. Эти механизмы создавались эволюцией миллионы лет и прошли через фильтр естественного отбора, а это значит, что они доказали свою эффективность в борьбе за выживаемость организма. И эти механизмы все равно будут срабатывать, реагируя на внешние стимулы, несмотря на параллельную реакцию на моделируемую ситуацию: если воображаемое перестанет выполнять свою роль в нормальном функционировании организма и перестанет способствовать корректному и своевременному взаимодействию со средой, то оно столкнется с реальным.

Если пространство работы сознания расширяется, то и субъективность будет реагировать на изменение ситуации: она будет занята моделируемой ситуацией тогда, когда в норме существовала лишь как безучастный наблюдатель. В этом случае поведение организма будет с необходимостью деформировано из-за рассогласованности реакций сознательных и бессознательных процессов. Бессознательные механизмы будут требовать от организма адекватных реакций на внешние стимулы и организм будет реагировать, а реагирование на моделируемую ситуацию таких же адекватных реакций, но на внутренние раздражения – это и есть, по мнению автора, схизис при шизофрении, следствием которого является утрата единства психических функций. Схизис – это не просто разрыв между разумом и телом или реальным и идеальным, это разрыв между обезьяной и человеком, сущим и особым регионом бытия – крайняя степень развития сознания как признака, предполагающего вариативность. В таком случае все

¹⁸⁴ Рамачандран Вилейанур С. Рождение разума. Загадки нашего сознания. – М.: ЗАО «Олимп – Бизнес», 2006. С. 68

остальные симптомы шизофрении являются следствиями этого разрыва и интенсивного развития воображения. Шизофрения – это результат усиления сущностного признака человека. При отклонении степени замещения реального воображаемым в сторону усиления реакции на моделируемую ситуацию мы увидим Обломова, лежащего на диване в своем халате и грезящего о будущих свершениях, – он как те пещерные люди Блейлера, которые получали удовольствие лишь от того, что строили одни только планы. В этом случае никакой серьезной опасности для организма пока нет: Обломов сыт, он в безопасности и в тепле. Но при более значительной нагрузке на сознание реакцией будет уже вовсе не блаженная улыбка на лице.

Речь идет не просто о «столкновении» когнитивных процессов, выполняющих разные функции, но об усилении интенсивности моделируемой способности и следствиях этого изменения.

Студентов попросили провести над собой небольшой эксперимент. Им было предложено пройти 100 воображаемых шагов. Нужно было моделировать ситуацию максимально приближенно к реальности: предлагалось моделировать движения, тактильные ощущения, по возможности окружающую обстановку, то есть задачей было максимально точно воспроизвести реальную ситуацию. При этом основной упор делался на фиксации эмоционального состояния: нам было важно понять, как меняется эмоция в ходе выполнения этого эксперимента. Задача сформулирована следующим образом: «Мысленно сделать 100 шагов. При этом воображаемая прогулка должна быть максимально детальной и приближенной к реальности. Нужно попытаться "почувствовать" движения, тактильные ощущения, поверхность, по которой идете, ситуацию и т.д. Не имеет большого значения, получится у вас сделать 100 шагов или нет. Нам важен ход вашего эксперимента».

Среди ответов: «...пройденное расстояние перестало четко осознаваться, появились сложности соотнесения своего положения

касательно предметов. Бросил на 35 шаге из-за того, что начал думать над причинами такого эффекта»; «100 шагов пройти не удалось, - в силу напряженной «воображаемости» процесса, неожиданно для себя взлетел на 21-м шагу, сразу после того, как перешёл на бег, опять же в силу напряженной «воображаемости» процесса»; «Мне начинает надоедать. Кажется, если взглянуть вперед, то все что меня ждет – это бесконечная аллея из скал. Тогда я поворачиваю налево. Шестьдесят. Сворачиваю направо и потом еще направо. Восемьдесят два. Оказывает, все равно куда идти, движение в любом направлении рано или поздно вызывает тошноту и его приходится укреплять «скалами». Тогда будем двигаться без направления, хаотично метаться. Я меняю направление через каждый шаг-два»; «73-74. Эта темнота, я бегу в ней, по ней, но она же и пытается меня захватить. 77-78. Господи, быстрее уйти отсюда! 79-80. Да что вообще происходит? Откуда страху взяться? Я же сама с собой наедине со своим сознанием. 81. Демоны всегда внутри нас. 82. Если так активно углубляться, то можно совсем слететь с катушек, лучше все же держаться в рамках жизни и ее ценностей. Неизвестные страхи, невысказанные чувства и непередаваемые ощущения»; «В целом, эксперимент вызвал чувство дискомфорта, постоянного напряжения с целью не оставить в представлении ничего лишнего».

Как видно из результатов, выполнить условия этого простого эксперимента вовсе не так легко, как может показаться на первый взгляд. Его выполнение наталкивается на трудности в виде проблем удержания воображаемой ситуации и перескакивания мыслей. Кроме того, интенсивная работа воображения может закончиться чувством дискомфорта.

Когда мы говорим о том, что шизофрения – это крайнее проявление признака, которое проявляется в увеличении интенсивности моделируемой способности, то не имеем в виду то, что шизофреник с легкостью будет выполнять тест на 100 шагов или любой подобный тест на воображение. Тем более что проверить это крайне трудно, так как мы всегда имеем дело лишь с

вербальными отчетами и не имеем непосредственного доступа к субъективно переживаемой ситуации. Некоторые студенты восприняли просьбу выполнить этот эксперимент как учебную задачу, входящую в план семестра и влияющую на итоговый результат. Они написали по-настоящему развернутые ответы в виде эссе: крайне интересные, со множеством подробностей и результатом в виде достаточно легко пройденной сотне шагов на фоне песчаного пляжа и качающихся пальм, но, к сожалению, они были совершенно неправдоподобны. К этим работам мы отнеслись как к продукту речевого творчества, то есть как к результату функционирования языка, а не как к реальному описанию моделируемой ситуации. Вероятно, что это был результат выработанного за годы учебы на философском факультете навыка, а не выполнение условий эксперимента. Возможно, мы не правы в этом конкретном случае, но существует по-настоящему серьезная проблема сопоставления вербальных отчетов и реальных субъективных переживаний, поэтому проверка соответствия воображаемой ситуации реальности и ее интенсивность – крайне сложная задача. Видимо, те, кто как раз не смог «пройти» 100 шагов, более ответственно подошли к выполнению задания – они смогли качественно и максимально точно смоделировать ситуацию.

Автор не имеет в виду и то, что воображаемая ситуация в сознании больного шизофренией будет субъективно переживаться как больше соответствующая реальности, чем модель здорового человека. Хотя это возможно и, если говорить о количественном усилении биохимической реакции в ответ на моделируемую ситуацию как о критерии соответствия, то это усиление в организме шизофреника может иметь место, но может и не иметь – это не так важно. Качество воображаемой ситуации может зависеть не от биохимии, а от структуры элементов мозга. Однако проверить точность соответствия субъективных переживаний невозможно.

4. Связь сознания и шизофрении

Заставьте человека пройти не сто, а тысячу шагов, блокируйте его способность «убежать» от этой прогулки в пространство нормального внутреннего монолога, и вы получите субъекта с истощенной психикой. Найдите того, кто «шагает» без остановки и этот человек будет болен шизофренией с необходимой для диагностики симптоматикой. Он будет «идти» по дороге, «смотреть» на аллеи по сторонам и откуда-то начнет раздаваться чужой голос – это «голос» его голодного желудка. Человек будет идти, несмотря на беспредметный страх, тревогу и растерянность,¹⁸⁵ а рука сама начнет искать бутерброд. Но это не рука субъекта – это рука желудка, то есть организма. Человек чувствует реакцию тела, но не отождествляет себя с ним, поэтому не осознает, что эти реакции принадлежат ему.¹⁸⁶ Вы с ним захотите поговорить, узнать, что с ним происходит, как он себя чувствует, но не рассчитывайте на реальную коммуникацию – он не сможет уделить вам

¹⁸⁵ «Аффективный синдром при острой шизофрении характеризуется определенной триадой: беспредметный страх, тревога, растерянность» (Сухарева Г. Е. Лекции по психиатрии детского возраста. Избранные главы. URL: http://lib.uni-dubna.ru/search/files/ps_syhareva_lect/~ps_syhareva_lect.htm (Дата обращения: 27.09.2012))

¹⁸⁶ «Исследования позволяют предположить, что люди, имеющие слуховые галлюцинации, на самом деле создают звуки в своем мозге и затем верят в то, что причиной их возникновения являются внешние источники. В одном исследовании измерялся ток крови в области Брока, участке мозга, отвечающем за речь (McGuire et al., 1995, 1993). Исследователи обнаружили увеличение тока крови в области Брока в те моменты, когда у пациентов возникали слуховые галлюцинации. В похожем исследовании шести людям с шизофренией были даны инструкции нажимать на кнопку, когда у них появляются слуховые галлюцинации (Silbersweig et al., 1995). Позитронно-эмиссионная томография выявила увеличение активности у поверхности мозга, в тканях, отвечающих за слух, когда исследуемые нажимали на кнопку. Таким образом, во время слуховых галлюцинаций, по-видимому, мозг производит звуки, и человек слышит эти звуки, хотя не осознает, что они возникают внутри него». (Рональд Комер. Основы патопсихологии. URL: <http://www.studfiles.ru/preview/398829/> (Дата обращения 10.02.2014))

должного внимания, потому что внимание его не с вами, а с воображаемой дорогой. Его общение с Другим – это набор примитивных коммуникативных шаблонов, автоматизмов, выученных и врожденных навыков общения, либо структура возникшая на каркасе причудливой моделируемой ситуации. Отмахнуться от собеседника во время «прогулки» проще, чем вступать с ним в нагруженную смыслами дискуссию. Другой - это то, что отвлекает от и без того сложного путешествия. Так Гильбурд рассматривает симптоматику шизофрении как возвращение к примитивным формам поведения, которые актуализируются в поведении больного.¹⁸⁷

Он выделяет четыре эволюционно стабильных модели поведения: агональную, кооперативную, эгоистическую и альтруистическую. Каждой из этих моделей соответствует форма шизофрении, в которой модель находит наибольшее выражение. Кататонической шизофрении соответствует агональная модель поведения с ее «утрировано – символической семиотикой конфликтно-сопоставительной иерархической коммуникации»: больной демонстрирует примитивную форму поведения нормального человека, направленную на повышение своего статуса. Гебефрении соответствует кооперативная модель. Больной этой формой шизофрении демонстрирует «утрированно-символическую семиотику дружелюбного группирования и игровой коммуникации»: гримасы, манерность, нелепость поступков, лепет и так далее. Простой шизофрении соответствует эгоистическая эволюционно стабильная модель поведения с характерной семиотикой кумулятивно-энергосберегающего поведения, которая является «экономичной и потенциально адаптивной, прежде всего, в высокострессорной антропологически агрессивной среде». Ее следствиями являются такие симптомы как: эмоциональная холодность, редукция энергетического потенциала, двигательная заторможенность, аутистическое мышление, сенсорные автоматизмы, рассеянность в диалоге, конфузливость,

¹⁸⁷ Гильбурд О. А. Шизофрения: семиотика, герменевтика, социобиология, антропология. – М.: Издательский дом видар-М, 2007. С. 217 - 277

предпочтение одиночества и другие. И параноидной шизофрении соответствует альтруистическая модель поведения, проявляющаяся в своей примитивной форме и содержащая «утрировано-символическую семиотику творческой деятельности, культурного миссионерства, сопряженных с самопожертвованием»: бредовое «озарение», фантастический бред воображения, императивные и комментирующие истинные и псевдогаллюцинации, и другие признаки, связанные с «исследовательской» активностью и «страданиями за идею».

Эта схема указывает на дрейф социального поведения больного шизофренией в сторону максимального упрощения или сверхпроявления модели социального поведения. Гильбурд использует ее как основу для описания шизофрении с точки зрения антропогенеза. Он считает, что шизофрения представляет собой крайнее проявление потенциально адаптивного поведения в рамках одной из стратегий. То есть симптоматика шизофрении – это «увеличительная линза», которая, «утрируя и искажая изображение той или иной стратегии, делает его выпукло-детализированным и особенно заметным для человеческого социума».¹⁸⁸

Признавая эвристический потенциал данной теории и ее эмпирическую обоснованность, автор не может согласиться с главным выводом. Симптоматика шизофрении – это, прежде всего, упрощение поведения субъекта. Это упрощение может рассматриваться как гипертрофия той или иной стратегии поведения внутри социума, но упрощение не является причиной шизофрении и прямо не указывает на ее сущностный признак, а представляет собой лишь следствие заболевания. Человек может демонстрировать гипертрофированное поведение одной из моделей из-за врожденной стратегии поведения или приобретенного до заболевания коммуникативного навыка. Суть шизофрении не во внешних проявлениях, а в причине деформации и дегенерации поведения. Причина, на взгляд автора,

¹⁸⁸ Гильбурд О. А. Шизофрения: семиотика, герменевтика, социобиология, антропология. – М.: Издательский дом видар-М, 2007. С. 304

во всех случаях одна – неадекватная внешней ситуации эмоциональная реакция на приватные состояния, крайнее усиление сущностного признака человека, отягощенное следствиями. А деформация поведения – это средство индивидуальной адаптации организма к среде, которое проявляется в упрощении и использовании автоматизмов и поведенческих шаблонов.

Может показаться, что с «шагающим» человеком вы налаживаете контакт: он с вами заговорит, даже улыбаться будет, но морщин возле глаз не появится – улыбка не искренняя, лицо – маска, эмоции – ненастоящие. Одним из главных симптомов шизофрении является эмоциональное уплощение, которое проявляется в отсутствии адекватных эмоциональных реакций даже на крайне важные для человека события. У больного шизофренией умерла мать, врач сообщает ему об этом: «Вызвав больного, лечащий врач с оговорками («ты не волнуйся», «случилось горе», «неизбежного не исправить» и т.п.) сообщил больному о смерти матери. «Да... мама умерла... а на прогулку мне сегодня можно?». – была «реакция» больного».¹⁸⁹ Подобное эмоциональное оскудение переходит в «психическую анестезию» - защиту субъекта и говорит не столько об оскудении эмоционального реагирования в целом, сколько о том, что эмоциональное состояние больного не сопоставимо по негативным следствиям с теми стимулами из внешней среды, которые в норме требуют негативной эмоциональной реакции.

В некотором смысле эмоциональную холодность больного шизофренией можно сравнить с рассеянностью ученого: реакции на внутреннее раздражение (прежде всего эмоциональный отклик) доминируют над реакцией на внешние стимулы. При шизофрении эта «рассеянность» принимает гипертрофированную форму. Так он и идет с трудом делая каждый шаг, слушая голоса тела и отмахиваясь от других людей. Лагун пишет: «Недостаточная выраженность аффекта является следствием слабости

¹⁸⁹ Рустанович А.В. Шизофрения: Учебное пособие. – СПб.: ЭЛБИ-СПб, 2012, С. 37

влечений, «недостаточной инстинктивности», слабости мотива к достижению «вознаграждения»». ¹⁹⁰ Достижение вознаграждения – это активация системы подкрепления, которая деформирована при шизофрении в сторону усиления интенсивности реакции на продукты моделирования. Связь деформации системы подкрепления и шизофрении является спорной умозрительной теорией, которая нуждается в научном обосновании. Лагун об этом пишет следующее: «Возможно, предположение об ослаблении или же извращении эффекта вознаграждения в случаях конституциональной предрасположенности к шизофрении и при самом процессе малоубедительно с позиции нейрофизиологии». ¹⁹¹ Однако тут же добавляет: «Но феномен патопсихологического отчуждения его от поведенческих реакций является клинической и "житейской" реальностью». Таким образом, эффект от завершенного действия в отсутствии самого действия, то есть при эмоциональном отклике на моделируемую ситуацию, может быть, как ключом к шизофрении, так и движением вперед в исследовании сознания.

Усиление интенсивности проявления признака - это количественное увеличение доли моделируемых ситуаций, их качества и совокупности следствий, прежде всего наличие эмоционального фона соответствующего интенсивной работе воображения. Автор также попробовал на себе эксперимент на воображение, который был предложен студентам. Пройти сто шагов не получилось. При этом была сделана попытка максимально точно моделировать шаги. Казалось бы, такая простая задача, но она оказалась довольно сложной. Но дело не столько в качестве, сколько в эмоции, сопутствующей выполнению этого задания. Если первые шаги делались довольно легко, то последующие сначала натолкнулись на проблему, которую можно назвать ослаблением внимания: вместо того, чтобы концентрироваться на шагах, внимание перескакивало на спонтанно

¹⁹⁰ Лагун Игорь Яковлевич. Причинность шизофрении. Конспект-анализ проблемы. URL: <http://www.medlinks.ru/sections.php?op=listarticles&secid=91> (Дата обращения: 12.04. 2014)

¹⁹¹ Там же.

возникающие образы, мысли и ситуации, не имеющие никакого отношения к задаче, которая ставилась условием эксперимента. Было ощущение, что сознание специально мешает довести эксперимент до конца. Оно и мешало. Только не сознание, а бессознательная природа автоматических реакций. При игнорировании этих уводящих от цели мыслей и возвращении концентрации на моделировании шагов изменился эмоциональный фон: появилась тревога, усталость, возникло желание прекратить моделирование и так далее. То есть эмоции носили строго негативный характер.

Предположительно, эти субъективно переживаемые и нагруженные эмоционально негативными состояниями, а также их генезис являются важными элементами шизофрении. Когда автор говорит об усилении интенсивности признака, то имеет в виду, прежде всего, наличие подобного и более негативного эмоционального фона, который является следствием чрезмерного моделирования и важным атрибутом шизофрении. Нормальному человеку нужно приложить усилие для того, чтобы испытать подобный негативный эффект от работы воображения. Предположительно, больной шизофренией живет с этим эффектом постоянно из-за нарушения работы когнитивного механизма воображения в виде крайней его эксплуатации, которую можно назвать максимальной способностью сознания или максимальным проявлением признака. Сознание нужно тогда, когда по какой-то причине недостаточно бессознательных механизмов, то есть редко, потому что автоматизмы регулируют большую часть нашей жизни и справляются с большинством задач, которые ставятся природой перед нами, вполне корректно. У человека с шизофренией сознание интенсивно работает не просто тогда, когда в этом нет необходимости, но тогда, когда оно работать не должно и вместо того, чтобы поддерживать обычный статус субъективности, то есть статус пассивного наблюдателя, оно откликается на моделируемую ситуацию. Хотя в норме сознание должно позволить неосознаваемым механизмам делать свою работу, направленную на корректное функционирование организма.

5.1. Параллельные процессы

У здорового человека внимание с воображаемой ситуацией перескакивает на посторонние мысли и образы, при этом субъект остается активным наблюдателем этих процессов, наблюдаемые процессы переживаются как принадлежащие субъекту. Воображение тормозится, что подавляет негативный эффект от концентрации на воображаемой ситуации. Что значит «перескакивает на посторонние мысли»?

В нашем мозге одновременно протекает множество процессов по обработке информации, поступающей из внешнего мира и от внутренних органов. Таким образом, обработка информации представляет собой совокупность параллельных процессов. Например, был приведен пример с шахматистом Михаилом Талем, который вместо того, чтобы обдумывать следующий ход во время партии, вспоминал детский стих – решение пришло само собой. Спонтанно решение такой сложной задачи появиться не могло, а это значит, что, несмотря на то, что субъективно осознавался один процесс, параллельно ему шел другой - процесс поиска решения этой задачи.

Однако субъективные данные организованы линейно и представляют собой «джойсовский» поток.¹⁹² По какому принципу отбираются те процессы, которые субъективно осознаются? Вариантом ответа на этот вопрос является предположение, что осознается тот процесс, который «выигрывает» в конкурентной борьбе в данный момент и попадает в «бутылочное горлышко»: на входе множество параллельных процессов, но на выходе - лишь один. У Деннета подобная модель носит название «славы в мозге»¹⁹³, у Баарса нечто подобное – модель «глобального рабочего пространства»¹⁹⁴. Эти модели не дают убедительного ответа на вопрос «почему все-таки одни процессы осознаются, а другие нет?», но являются

¹⁹² Васильев В.В. Трудная проблема сознания. – М.: Прогресс-Традиция, 2009. С. 127

¹⁹³ Там же. С. 130

¹⁹⁴ Blackmore S. Conversations on Consciousness. Oxford University Press, 2006. P. 11 - 23

схемами преобразования потенциально доступных сознанию параллельных процессов в осознаваемый линейный поток.

Человек идет по улице, в его голове – непрекращающийся внутренний монолог, последовательность мыслей. Эти мысли, речевые формулы не нуждаются в усилиях со стороны субъекта. Они не являются бессмысленными: каждая мысль – это вариант решения проблемы, постановка задачи, описание ситуации и так далее. У здорового человека они обычно нагружены каким-то смыслом, то есть имеют значение для субъекта. Но каждый из этих последовательных элементов – один из множества параллельных таких же вполне здоровых процессов. Этот поток не нуждается в усилии – он просто существует в виде часто причудливой, но вполне адекватной последовательности. Эксперимент с моделируемыми шагами на каком-то этапе замещался таким потоком, то есть последовательностью осознаваемых элементов, не нуждающихся в усилии. Этот поток – нормальное состояние и именно возвращение в него является «перескакиванием на посторонние мысли» во время концентрации на воображаемой ситуации – организм возвращается в комфортные условия потока фантазмов.

Этот монолог и есть то, что мы привыкли называть собой. Последовательность языковых фантазмов мы называем своими мыслями. Мы говорим с собой – это наши мысли. Субъект есть тот, кто говорит и тот, с кем говорят; субъективность связана с этим потоком – это установка здравого смысла. Мысли – это внутренняя речь. Одной из самых сложных проблем в теории сознания является связь сознания и языка. С одной стороны, вербальное поведение может быть описано без обращения к сознательным механизмам.¹⁹⁵ С другой стороны, одним из наиболее вероятных кандидатов на то, чтобы быть причиной и основным структурным элементом сознания является язык. Так Деннет пишет: «Голое человеческое сознание – без

¹⁹⁵ Психофизиология: Учебник для вузов / Под ред. Ю. И. Александрова. – 3-изд., доп. И перераб. – СПб: Питер, 2008. С. 206

бумаги и карандаша, без речи, сопоставляемых записей и создаваемых схем – это, прежде всего, нечто невиданное для нас».¹⁹⁶ То, что мышление субъективно переживается нами как набор предложений, указывает на значительную или даже главную роль языка в функционировании сознания. Но существование псевдогаллюцинаций и эффектов «вложения мыслей» заставляет усомниться в том, что речь является причиной и основой сознания, потому что в этих случаях виден разрыв между субъективностью и языком. А это значит, что речь и субъективность не являются неразрывными элементами одного механизма.

5.2. Псевдогаллюцинации

Псевдогаллюцинация – это ощущение того, что мысли человека являются чужими и описываются больным как «голоса внутри головы». Из записей клинического наблюдения: «Жаловался на ощущение контроля извне, которое испытывал еще дома, путаницу мыслей, появление в голове чужих, «неправильных» идей; чувство, что кто-то читает мысли, мешает думать самостоятельно, заставляет ругаться матом».¹⁹⁷ Больной описывает свое состояние: «Это страшное состояние, знать, что ты себе не принадлежишь. Вот начинаешь что-то объяснять, а голос чужой и говоришь совсем не то, будто через тебя кто-то говорит. Потом начинаешь думать о хорошем, а мысль не получается, вдруг перебивается и становится громкой такой, что ее все слышат далее на улице, например, слышит соседка, которая потом многозначительно смотрит на меня. Самое трудное — принять решение. Хочешь что-то купить, но руки тебя не слушаются, как

¹⁹⁶ Деннет Дэниэл С. Виды психики: На пути к пониманию сознания. – М, Идея-Пресс, 2004. С. 158

¹⁹⁷ Гильбурд О. А. Шизофрения: семиотика, герменевтика, социобиология, антропология. – М.: Издательский дом видар-М, 2007. С. 124

механические они вместо того, чтобы достать деньги — бросают сумку. Какая я на самом деле, теперь я не знаю».¹⁹⁸

Лагун описывает отличие псевдогаллюцинации от нормального состояния: «Существенная же разница нормальных представлений и псевдогаллюциноза (слухового, чувственного) заключается в том, что вся "внутренняя" работа мысли в результате шизофренического процесса отчуждается, становится посторонней и звучащей помимо воли, а в силу прогрессивности процесса (диссоциации, схизиса, аутизации), еще и "сделанной" извне».¹⁹⁹ Таким образом, псевдогаллюцинации (или ложные галлюцинации) отличаются от истинных галлюцинаций тем, что не являются объективными с точки зрения субъекта.

Почему параллельные процессы, попадающие в «бутылочное горлышко» субъективности и в норме воспринимаемые как линейный внутренний монолог субъекта, становятся чужим голосом внутри головы? Человек не узнает свой голос, если его записать и потом дать прослушать. В этом случае изменяется что-то со слушателем, то есть с субъектом, а не с голосом, который остается прежним. При шизофрении субъект не замечает внутреннюю речь, не опознает ее. Установка здравого смысла, указывающая на то, что внутренний монолог принадлежит субъекту, мешает предположить, что этот монолог настолько наш, насколько наше движение пальца в лаборатории Либета. Деннет указывает, что механизм возникновения даже сложных речевых конструкций может быть описан без обращения к субъективности, как необходимому условию их функционирования.²⁰⁰ Этот монолог – наблюдаемые процессы, проходящие в

¹⁹⁸ Самохвалов В. П. Психиатрия (Учебное пособие для студентов медицинских вузов). — Феникс, 2002. С. 87

¹⁹⁹ Лагун Игорь Яковлевич. Причинность шизофрении. Конспект-анализ проблемы. URL: <http://www.medlinks.ru/sections.php?op=listarticles&secid=91> (Дата обращения: 12.04. 2014)

²⁰⁰ Деннет Д. Почему каждый из нас является новеллистом / Юлина Н. С. Головоломки проблемы сознания: концепция Дэниэла Деннета. — М.: Канон+, 2004. С. 428 - 446

бессознательном, которое действительно может быть структурировано как язык. И при шизофрении субъективность занята воображаемым, но это не значит, что внутренняя речь прекращает свое существование – просто иногда она воспринимается как не принадлежащая субъекту, потому что субъект перестает быть пассивным наблюдателем этих процессов и «разворачивается в другую сторону» – речь разносится «из-за спины» субъекта.

Франкл рассматривает пассивизацию психических функций как универсальный закон психологии шизофрении и связывает это явление с тем, что субъективность воспринимает внутренний монолог так, как если бы он был сродни внешним восприятиям: «Если мы начнем с феномена «думания вслух», принцип пассивизации может послужить ключом к данной загадке. Мышление нормальной личности сопровождается более или менее осознаваемой «внутренней речью». Эти акустические элементы переживаются шизофреником в пассивной форме; он чувствует, что его мысли приходят извне, и в результате «слышит голоса», переживая свои мысли, как если бы они были перцептами»²⁰¹. Франкл рассматривает возможность усиленной рефлексии как возможную причину отделения субъекта от того, что раньше воспринималось как его часть. Он говорит о перенапряжении самонаблюдения, которое приводит к деперсонализации, как о «слишком тугом натяжении струн интенциональности».²⁰²

²⁰¹ Виктор Франкл. Доктор и душа. URL: <http://gigabaza.ru/doc/30964-p6.html> (Дата обращения: 03. 07. 2013)

²⁰² «Попробуем рассмотреть эти взаимосвязи с привлечением биологической модели. Предположим, что первичный психический акт соответствует в нашей биологической модели псевдоподии амебы, которая вытягивается из ее клеточного ядра к некоторому объекту. Тогда вторичный, рефлексивный акт будет соответствовать второй, меньшего размера псевдоподии, которая «поворачивается» к первой вытянутой псевдоподии. Не составляет труда далее вообразить, что эта «рефлексивная» псевдоподия, оказавшись слишком туго натянутой, может утратить ее связь с плазмой клетки амебы и оторваться. Нечто похожее происходит в результате преувеличенного процесса самонаблюдения, обуславливающего деперсонализацию. Преувеличенное самонаблюдение означает

Самонаблюдение – проявление способности «быть не тем, что ты есть». Поэтому если то, что Франкл называет рефлексией или самонаблюдением корректно назвать воображением и заменить на не столь очевидно ориентированные непосредственно на субъекта модели, то объяснение Франкла указывает на гипертрофию способности воображения как на причину шизофрении.

Таким образом, пассивизация - это один из наиболее привязанных к болезни симптомов, который является ее характерным признаком и проявляется в изменении статуса субъекта. Пассивизация психической деятельности – это следствие доминирования когнитивных процессов, контролирующих процесс воображения. Это доминирование приводит к деформации субъективности. В силу того, что единственной функцией субъективности является обеспечение работы воображения, субъективность следует за воображением.

Субъективность и речь, видимо, связаны, но природа этой связи пока не ясна. Поэтому вызывает сомнение представление Деннета о том, что сознание без языка невозможно. Появляются теории, которые связывают шизофрению и способность к языковой коммуникации,^{203,204} но, видимо, если эта связь и есть, то взаимоотношение языка и шизофрении сводятся к

перенапряжение; связь с наблюдающим «эго» обрывается, и психические функции оказываются предоставленными сами себе. Преувеличенный рефлексивный акт самонаблюдения может быть уподоблен слишком тугому натяжению струн интенциональности, столь сильному, что они обрываются и более уже не чувствуется связи с первичным актом и активным «эго». Из чего с необходимостью следует потеря чувств активности и личности; нарушенное «эго» чувствует себя деперсонализированным».

(Виктор Франкл. Доктор и душа. URL: <http://gigabaza.ru/doc/30964-p6.html> (Дата обращения: 03. 07. 2013))

²⁰³ Timothy J. Crow. Is schizophrenia the price that Homo sapiens pays for language? Schizophrenia Research, 28 (1997) P. 127-141

²⁰⁴ Бейтсон Грегори. «Двойное послание». // Шаги в направлении экологии разума: Избранные статьи по психиатрии. – М.: КомКнига, 2005. С. 92 - 94

коэволюционным механизмам развития и переплетения языка и сознания в антропогенезе. Поэтому говорить о тождестве сознания и речи или об эволюции сознания из языковой способности преждевременно.

Для того, чтобы выяснить каков структурный элемент сознания, нужно понять, что может вызвать эмоцию. Речевой фантазм может вызвать эмоцию? Или то, что мы называем речевым фантазмом есть моделирование спора? Когда Кант ходил по ночам и разговаривал с воображаемым противником, то он говорил или моделировал ситуацию? Если второе, то это уже не речь, а схема. Писатель пишет книгу – тут речь и слушатель, записывающий под диктовку, или актер и зритель? Когда человек говорит с собой, то он говорит здесь и сейчас с собой или его нет в актуальном настоящем, и он разговаривает с Другим?

Таким образом, может оказаться, что то, что делает нас людьми и качественно отличает от животных, является также и причиной этой болезни. В этом случае можно сказать, что шизофрения – это плата за то, чтобы быть человеком.

6. Субстрат шизофрении

Сейчас упорно стараются обнаружить ген, который ответственен за шизофрению. Генетики предполагают, что при отключении этого гена мы сможем избавиться от этой болезни. Однако если мы и обнаружим этот ген, то его отключение может привести к угасанию «света сознания» и мы получим того самого «философского зомби» – весьма любопытная для исследователя сознания перспективна.

Одной из самых серьезных проблем в исследовании шизофрении является вопрос о ее биологических основах: «Поиск материальных основ - биологического субстрата психопатологических явлений - и его безрезультатность породили кризисную ситуацию в учении о шизофрении, а заодно и в психиатрии вообще. До сего времени шизофрения продолжает

рассматриваться сквозь призму клинических данных о ее дефицитарности, вызванной, якобы, "еще не установленным" повреждающим механизмом на уровне генов, обменных, иммунобиологических или нейрофизиологических процессов. При этом не объясняется ни происхождение "необнаруженного" субстрата болезни, ни его биологическая целесообразность, ни способ (хотя бы гипотетический) функционирования коррелята "психопатология - патофизиология", ни, тем более, методология понимания его дуализма».²⁰⁵

Поиск субстрата шизофрении наталкивается на одну из самых серьезных проблем современной науки – проблему взаимодействия идеального и материального. Возможно, вопрос о субстрате шизофрении – это вопрос о способе влияния сознания на биологический субстрат. Поэтому неудивительно, что у психиатров-ученых «ощущение бесперспективности выяснении причин эндогенных психозов уже давно превратилось в саркастически звучащую дилемму: "Чем заниматься - наукой или этиологией шизофрении?!".²⁰⁶ Этот вопрос сродни другому: «Чем заниматься – нейрофизиологией когнитивных процессов или сознанием?». Стоит напомнить, что еще сравнительно недавно ученым, которые в заявке писали о том, что их объектом исследования является сознание, гранты выдавались с трудом.

Не существует никакого сознания качественно лучше нашего. Кому-то нравится верить в сверхразумных существ из других галактик. Мышление и сознание – разные вещи. Для мышления субъективность не нужна, а необходимы лишь правила поведения. Компьютер может обладать великолепным мышлением. Поэтому пришельцы могут обладать мыслительными способностями, превосходящими наши, но они не могут обладать более высоким уровнем сознания. Потому что если добавить нам еще немного сознания, то мы будем радостно лежать на кровати, строя целые

²⁰⁵ Лагун Игорь Яковлевич. Причинность шизофрении. Конспект-анализ проблемы. URL: <http://www.medlinks.ru/sections.php?op=listarticles&secid=91> (Дата обращения: 12.04. 2014)

²⁰⁶ Там же.

воображаемые мегаполисы, а тем временем наш желудок будет переваривать сам себя. Если кому-то хочется познакомиться со сверх-сознанием, то посмотрите на больных шизофренией. Возможно, человек – это всего лишь мгновение на шкале развития жизни. Природа быстро осознает эволюционную невыгодность сознания и человека не станет, потому что воображение до добра не доводит, а доводит до клиники и исключения из борьбы за существование. Или сознание жизнеспособно, но только в виде «золотой середины» и подчиняется логике стабилизирующего отбора, при котором эволюция закрепляет некоторую среднюю характеристику признака.

Возможно, для того, чтобы понять шизофрению нужно исследовать механизмы воображения и эмоционального отклика на моделируемую ситуацию, а также необходимо разобраться с вероятными причинами запуска этих механизмов. Чем сильнее эмоциональный отклик на воображаемую модель, тем выше потенциальная опасность заболеть шизофренией или актуализировать врожденную предрасположенность.

Если говорить о причинах шизофрении, то причиной будет все то, что способствует усиленной работе воображения, при условии, что эта работа проходит при достаточной предрасположенности человека. Поэтому основное условие – это генетическая предрасположенность. Но кроме врожденной предрасположенности должны быть и триггеры, запускающие этот механизм. Поэтому разные формы этого заболевания могут объясняться как различными причинами запуска механизма, так и влиянием генетической предрасположенности. Если есть два близнеца, то не обязательно, что оба будут больны шизофренией: один попал в ситуацию активного моделирования, другой нет. Таким триггером может быть врожденное качество сознания. Запускать воображение может неудовлетворенность и тогда мы говорим о реализации желания в пространстве воображения. Почему в городе люди чаще заболевают шизофренией, чем в сельской местности? Возможно, потому что в городе больше объектов желания и меньше возможностей их получить: тогда понятна связь между шизофренией

и социальным статусом. Но запускать этот механизм может и искусственная причина, вызванная необходимостью регулярно и интенсивно использовать воображение. Например, непрекращающиеся попытки ответить на те вопросы, которые ответа не имеют. Существование в тумане антиномий может запускать этот механизм. Поиском ответа на вопросы без ответа занимается философия, которая упрямо заставляет субъекта докапываться до предельных основ бытия. Что происходит на этом пути? Можно ли связать философию, сознание и шизофрению? Ответам на этот вопрос посвящен параграф «Творческий максимум» третьей главы.

В следующем параграфе сделана попытка найти то состояние, которое было бы противоположно шизофрении, то есть следующая часть посвящена минимальной актуализации сознания как видоспецифического признака – это необходимое условие исследования, предполагающего, что сознание подчиняется логике стабилизирующего отбора и обладает как максимальной выраженностью, так и закономерным минимумом.

Вывод

В этом параграфе была сделана попытка объединить две загадки: сознание и шизофрению. Мы исходили из предположения, что сознание обладает двумя атрибутами: изображением и воображением. При этом делается предположение, что шизофрения является следствием крайнего развития сознания как видоспецифического признака человека.

Возможно, лечение шизофрении – это выход из состояния моделирования, торможение воображения и избавление субъекта от тех причин, которые послужили причиной этого состояния. Поэтому исследование когнитивных механизмов воображения может быть полезным в поиске лекарства от этой болезни: найдите процессы, отвечающее за воображение, остановите их и вы вылечите болезнь. Другими словами, для того, чтобы вылечить шизофреника, нужно «убить» сознание, оставить

только каузально беспомощного наблюдателя, то есть «заморозить» воображение.

Проблемы и вопросы к дальнейшему исследованию в данном направлении:

1. Можно ли сознание рассматривать как неравномерно распределенный среди людей признак?
2. Можно ли шизофрению рассматривать как крайнее развитие того видоспецифического признака, который мы называем сознанием?
3. Корректно ли все многообразие форм и проявлений шизофрении подводить под указанную схему?
4. Какое влияние оказывают современные препараты на воображение? Оно ухудшается или остается без изменений?
5. Какие методы эмпирической науки могут быть использованы для проверки наших предположений?
6. Из каких элементов состоит сознание (понятия, образы, схемы и т.д.) и каким образом эти элементы соединяются с субъективностью? Можно ли представить субъективность как способ связи тела и «пространства» сознания?
7. Как связаны речь и сознание? Является ли речь причиной появления сознания? Как связаны сознание и коммуникация?
8. Какие этические вопросы возникают в контексте представления о шизофрении как о «чрезмерном развитии» сознания?

§3. Психопатия в контексте вопроса о сознании

Схема, которой посвящен этот параграф, если и интересна, то исключительно в силу своей простоты и простора для спекуляций. Если сознание – это признак, который имеет различную степень выраженности, то при максимуме актуализации в шизофрении, должен быть минимум. Что будет в начале кривой на графике распределения этого признака? Вероятно, ситуация отсутствия субъективности у человека невозможна вовсе, но если человека можно хотя бы в теории лишить внутреннего мира, то каким он будет?

Если мы лишим человека субъективности, а значит и способности фиксировать эмоцией моделируемую ситуацию, то это не значит, что он с необходимостью перестанет корректно функционировать: останутся все остальные способности, обеспеченные бессознательными механизмами, а их подавляющее большинство. Что будет, если мы отберем у человека лишь тот сущностный признак (то есть субъективные переживания, статус наблюдателя), который создает человека? Что может быть на противоположной стороне от шизофрении в выбранной нами схеме?

Этот человек будет подчинен актуальному настоящему: никакого воображения как способности строить качественные здания, никакой способности «быть не тем, что ты есть». Никаких витаний в облаках: прагматика в виде удовлетворения реальных потребностей. Не будет необусловленного реальностью эмоционального отклика. Вряд ли будет способность продуктивного и долговременного планирования. Это будет нормальное, здоровое животное способное к сложной коммуникации, с высоким уровнем развития когнитивных способностей, у которого все нервные процессы проходят «в темноте».

Психопатия по распространенности сопоставима с шизофренией.²⁰⁷ Психопаты, в отличие от больных шизофренией, не лишены чувства реальности, у них нет галлюцинаций или бредовых идей. Они рациональны и знают причины своих поступков.

Психопат отличается импульсивным удовлетворением желаний: он крепко привязан к актуальному настоящему. Хаэр²⁰⁸ пишет: «...изображение психопатов в виде таких ненормальных убийц-садистов, как Лектор (Ганнибал Лектор – персонаж фильма «Молчание ягнят»; прим. Сергей Мерзляков), приводит к искажению общественного мнения относительно психопатии в целом. В большинстве случаев к нарушению законов психопата подталкивает его эгоцентричная натура, внезапные прихоти и желание получить мгновенное обывательское удовольствие, а не восторженное упоение от удовлетворения маниакальных идей и извращенных сексуальных фантазий».²⁰⁹ Психопат не склонен к фантазированию, так как подчинение актуальному настоящему предполагает удовлетворение только за счет реальных стимулов здесь и сейчас, а фантазия – это суть эмоциональный отклик на моделируемую ситуацию. То есть психопаты не просто не лишены чувства реальности, в отличие от людей с диагнозом шизофрения, но они принадлежат реальности и выйти за ее пределы не могут.

Как следствие привязанности к настоящему у них слабо развита способность к планированию, несмотря на хорошее развитие когнитивных

²⁰⁷ Роберт Д. Хаэр. Лишённые совести: пугающий мир психопатов. URL: <http://www.universalinternetlibrary.ru/book/20767/ogl.shtml> (Дата обращения: 04. 03. 2013)

²⁰⁸ В этом параграфе речь будет идти именно о «психопатии Хаэра» для того, чтобы избежать терминологических трудностей. Мы будем придерживаться мнения Косиловой: «И надо иметь в виду, что у этого слова («психопатия», прим. Сергей Мерзляков) еще очень много значений, поэтому чтобы избежать путаницы, всегда лучше с самого начала указать, что речь идет о психопатии по Хаэру, «психопатии Хаэра»» (Косилова Е. В. Психиатрия: опыт философского анализа: монография. – Москва: Проспект, 2014. С. 213)

²⁰⁹ Роберт Д. Хаэр. Лишённые совести: пугающий мир психопатов. URL: <http://www.universalinternetlibrary.ru/book/20767/ogl.shtml> (Дата обращения: 04. 03. 2013)

способностей в целом: «В интервью журналу Playboy незадолго до своей смертной казни Гэри Гилмор рассказал, что ощущал прочную привязанность к настоящему. Когда его спросили, почему, несмотря на высокий IQ, его так часто ловили на месте преступления, он ответил следующее: «Кое-что мне все-таки удалось сделать. Но я не великий преступник. Я импульсивен. Не планирую и не раздумываю»». ²¹⁰

Психопаты также отличаются поверхностностью эмоций. В отличие от больных шизофренией, эмоциональная уплощенность которых носит обычно либо временный, либо причудливо распределенный по объектам характер, эмоциональная бедность психопатов носит абсолютных характер: «Многие медики высказывают точку зрения, что эмоции психопатов настолько поверхностны, что напоминают протоэмоции — примитивный отклик организма на непосредственные нужды».

Они не могут закреплять эмоцией моделируемую ситуацию и соответственно испытывать эффект от этого закрепления в силу отсутствия достаточно развитого механизма эмоционального реагирования в том числе и на внутренние стимулы. «... когда с собой разговаривают психопаты, их мысли похожи на «чтение текста». Когда Джеффри пытался изнасиловать соседку Элиз, он, возможно, думал: «Черт. Если я сделаю это, мне будет только хуже. Может, я подхватю СПИД, или она забеременеет, или меня прибьет Элиз». Даже если эти мысли действительно промелькнули в его голове, их эмоциональная нагрузка была не больше, чем если бы он подумал: «Может, посмотреть сегодня футбол?»». ²¹¹ Зачем нужны даже эти субъективно воспринимаемые внутренние мысли, если реакции никакой на них нет? Может быть, их вообще там не существует, а вместо них — слепые когнитивные процессы?

²¹⁰ Роберт Д. Хаэр. Лишённые совести: пугающий мир психопатов. URL: <http://www.universalinternetlibrary.ru/book/20767/ogl.shtml> (Дата обращения: 04. 03. 2013)

²¹¹ Там же.

Субъективность не нужна, если организм всегда находится в пространстве актуального настоящего и не нуждается в выходе за его пределы. И сложные субъективно переживаемые эмоции не нужны – нужна лишь способность демонстрировать их наличие для эффективного общения с другими людьми: «он читал книги по психологии, чтобы научиться правильно реагировать на повседневные события».

Психопаты отличаются: болтливостью и поверхностностью, эгоцентричностью и претенциозностью, отсутствием чувства вины и сожаления, отсутствием эмпатии, склонностью к манипулированию окружающими, поверхностностью эмоций, импульсивностью, слабым поведенческим контролем.²¹² Они не испытывают стыд, не смущаются, у психопатов нет совести в нашем понимании: «В их представлении совесть — это осведомленность о составленных кем-то правилах. Пустое слово, не более того. Чувства, которые должны сопровождать эти правила, отсутствуют».²¹³ Но, несмотря на отсутствие этих элементов, психопаты демонстрируют относительно успешное социальное поведение.

Когда приводился пример со сдачей экзамена в первой главе, то он нужен был для того, чтобы продемонстрировать возможность речевого поведения, не сопровождающегося пониманием. То есть нужно было показать, что эффективное поведение внутри коммуникативного пространства нуждается не столько в субъективно осознаваемой смысловой нагрузке выражений языка, сколько в навыке демонстрации смысла. Хаэр пишет о речи психопатов: «У проницательных наблюдателей часто создается впечатление, что психопат играет роль, машинально произнося заученные фразы», - и приводит цитату из клинической литературы по психопатии: «[Он] обращается со словами так, будто они для него ничего не значат. Просто форма без содержания... Все его, казалось бы, мудрые рассуждения

²¹² Роберт Д. Хаэр. Лишённые совести: пугающий мир психопатов. URL:

<http://www.universalinternetlibrary.ru/book/20767/ogl.shtml> (Дата обращения: 04. 03. 2013)

²¹³ Там же.

напрочь лишены эмоциональных переживаний»²¹⁴. При этом речь психопатов соответствует критерию осмысленного коммуникативного поведения: они убедительны, интересны, словоохотливы, их коммуникативный навык развит настолько, что позволяет приковывать к себе внимание и обманывать слушателя – они используют этот навык для достижения своих целей. Так заключенные-психопаты «быстро понимают, что слово сожаление играет важную роль» и активно используют его для того, чтобы убедить комиссию по досрочному освобождению в том, что они искренне раскаиваются в своих преступлениях. Но исследователи замечают, что психопаты «знают слова, но не знают мелодии».

Хаэр приводит размышление Клеки о психопатах: «Красота и уродство (кроме очень поверхностного их воздействия), доброта, злость, любовь, страх и юмор ничего для него не значат и поэтому не имеют над ним никакой власти. Более того, он не может видеть, чем руководствуются другие. Это можно сравнить с дальтонизмом. Психопату невозможно объяснить это, потому что в его сознании нет ничего, с чем это можно было бы связать. Он может повторить фразу и с уверенностью сказать, что понял ее, но то, чего он осознать просто не в состоянии, навсегда закрыто для его понимания»²¹⁵.

Когда автор учился на третьем курсе, у него был курс, посвященный философии Мартина Хайдеггера. На нем студентам рассказывали и о сущем, и о Ничто. В конце автор сдал зачет по этому курсу. Но понимал ли он, что такое «выдвижение в ничто»? Автор просто еще раз указывает на то, что связь речи и сознания не нужно переоценивать: далеко не факт, что наша коммуникация нуждается в существовании наблюдателя.

Психопаты лишены чувства вины и сочувствия, не обладая развитой эмоциональной реакцией, демонстрируют удивительную способность подделывать эмоции и мимикрировать под эмоциональных людей.

²¹⁴ Роберт Д. Хаэр. Лишённые совести: пугающий мир психопатов. URL:

<http://www.universalinternetlibrary.ru/book/20767/ogl.shtml> (Дата обращения: 04. 03. 2013)

²¹⁵ Там же.

Психопаты не обладают эмпатией, но при этом отличаются крайне развитой способностью манипулировать людьми. Им легко удается привлекать внимание и удерживать его. Для психопата не составляет труда заполучить доверие другого человека. В целом, они демонстрируют предельно эгоцентричное поведение внутри социума.

И нельзя сказать, что оно неуспешно. Среди психопатов есть не только серийные убийцы, финансовые аферисты и основатели сект, но и крайне успешные люди, которые благодаря холодному рассудку, не отягощенному идеальными представлениями, беспринципности, жесткости, манипулированию, отсутствию сомнения и чувства вины занимают высокие места в социальной иерархии. В целом необходимо отметить, что эта модель поведения является не просто понятной с точки зрения естественного отбора, но и довольно успешной. Альтруизм далеко не всегда является наиболее эффективным способом взаимодействия внутри группы. В конечном счете, задача организма обеспечить передачу своего генетического материала и максимально способствовать этой передаче. Альтруизм тоже инструмент естественного отбора, но и модель поведения психопата вполне справляется с задачей. Другое дело, что в этой модели нет места человеку, а сама она состоит из элементов, которые обеспечиваются не нуждающимися в сознании механизмами. Животное, участвующее в естественном отборе, - это, скорее, психопат, который рационально реагирует на стимулы из внешней среды и на свои биологические потребности, не чувствует ни вины, ни стыда. Вина и стыд – это лишь опции в виде часто вредных для организма реакций на идеальные конструкторы, либо эволюционно поздние элементы социального развития.

Психопат всего лишь адекватно реагирует на конкретную ситуацию с точки зрения лишенного возможности выходить за пределы ситуации биологического автомата, запрограммированного на выполнение биологической программы.

Таким образом, если и добавлять элемент в отрицательном распределении признака, то на это место подходит психопатия. Раскручивая спекуляцию можно от противного сказать, что все, чего лишены психопаты является возможными или даже необходимыми элементами субъективности. И, кажется, у нас не так много оснований утверждать, что психопаты обладают тем сущностным признаком, который делает из обезьяны человека, вырывает нас из мрака сущего и создает субъекта-наблюдателя – возможно, у них нет способности выходить за пределы актуального настоящего, и они не могут фиксировать эмоцией качественный конструкт. Может быть, там и есть внутренние состояния, но нужны ли они?

Сказать, что «в каждом из нас сидит психопат» - значит лишь сказать, что в каждом из нас сидит обезьяна, то есть указать на факт. Сознание усложняет жизнь. Простая жизнь – это удовлетворение потребностей в наличном, то есть здесь и сейчас. Это жизнь животного, которая в чем-то похожа на жизнь психопата. Поэтому вовсе не очевидно, что все мы люди. Возможно, среди нас ходят вполне реальные зомби, внутри у которых темно. Хотя это всего лишь грубо нарисованная схема, но если вопрос может быть задан, то он должен быть задан: все ли мы люди? В помощь ответу на этот вопрос есть другой: может ли психопат мечтать? И ответить на этот вопрос должно быть проще, чем на вопрос о зомби. Хотя, тут крайне важен способ различения вербальных отчетов о субъективных представлениях и реальных субъективных переживаний.

Можно ли прожить час без обращения к моделирующей способности сознания? Можно. А день? Вполне. А всю жизнь? Возможно, даже довольно успешную жизнь. Таким образом, если и говорить о реальном человеке без «света сознания» внутри, то лучшим кандидатом будет психопат или человек, обладающий схожими с ним моделями поведения.

Вывод

Одной из главных проблем для исследования сознания является установка здравого смысла, которая мешает исследователю отказать человеку в наличии субъективного мира. Автор полагает, что предложение моделей функционирования гипотетического человека без той или иной, предполагаемой в качестве главной характеристики сознания, способности может быть полезным. В этом случае нас интересует отличие поведения гипотетического существа от поведения реального человека.

В этом параграфе было кратко рассмотрено психопатическое расстройство как вариант наиболее слабого выражения интересующего нас видоспецифического признака, то есть сознания. Это рассмотрение носит предельно спекулятивный характер и необходимо исключительно для того, чтобы указать на общую схему, принимаемую в данном рассуждении. Согласно этой схеме сознание является видоспецифическим признаком, который подчиняется логике стабилизирующего отбора и в своем максимальном проявлении влечет за собой симптоматику, которая наблюдается при шизофрении. Для того чтобы указать на возможный минимум развития этого признака был смоделирован гипотетический человек без способности откликаться эмоцией на внутренние состояния. Модель поведения этого гипотетического человека, не обладающего внутренними переживаниями, показалась автору в некоторой степени схожей с моделью поведения психопата.

Не утверждая, что человек без внутренних состояний возможен, автор все же полагает, что минимальное развитие сознания влечет за собой актуализацию психопатических черт в поведении человека, а распределение сознания, как способности реагировать эмоцией на внутренние состояния, можно представить в виде шкалы от условной психопатии до шизофрении с серединой в виде нормы развития признака. И у каждого человека есть свое место на этой шкале.

Проблемы и вопросы к дальнейшему исследованию в данном направлении:

1. Каково возможное поведение гипотетического человека, не обладающего способностью реагировать эмоцией на внутренние состояния?
2. Корректно ли сопоставлять такого гипотетического двойника человека с психопатом?

Глава 3. Следствия сознания

§1. Творческий максимум

1. Вопрос о границе Вселенной

Ребенок однажды узнает, что у Вселенной нет границ – она бесконечна. Но разве такое возможно? У всего есть границы. И у Вселенной тоже границы должны быть. Родители на его вопрос ответили то, что знают: легкий и быстрый ответ на еще один вопрос. Но ребенок лежит в кровати и не может заснуть: «Почему у Вселенной нет границы? А если она есть, то что за ней?». Он не может ни понять, ни игнорировать эту проблему: как может быть то, чего быть не может? Он пытается вообразить безграничное пространство, но эти попытки ни к чему не приводят. Ему становится страшно.

Студентам и аспирантам был задан вопрос: "Если в детстве вы задумывались о бесконечной Вселенной, то какие эмоции у вас возникали?". Среди ответов: «Оцепенение, как будто заглядываешь в бездну»; «Казалось, что болит голова»; «Ломал голову, что вселенная может быть бесконечной, бесконечная - это как? И где кончается? Про эмоции не помню. Может быть, был страх, а, может быть, и не было»; «Страх. Тревога. Потом уснуть иногда не мог долго»; «...страх как перед пропастью...»; «...был какой-то страх и опустошение». Что является причиной этого страха?

Начало «Критики чистого разума»: «На долю человеческого разума в одном из видов его познания выпала странная судьба: его осаждают вопросы, от которых он не может уклониться, так как они навязаны ему его собственной природой; но в то же время он не может ответить на них, так как

они превосходят возможности человеческого разума».²¹⁶ Человек пытается ответить на эти вопросы, но он использует посылки, не подтвержденные опытом и выходящие за него, поэтому его разум «погружается во мрак и впадает в противоречия». С этими противоречиями вполне можно жить и комфортно себя чувствовать, тем более, если не знать об их существовании. Но ребенок этого еще не знает. Он не понимает, что можно сделать так, чтобы разум находил хотя бы какие-то ответы на вопросы, пусть и впадая в противоречия. Он пока не научился запускать механизм рационализации и объяснять невозможное при помощи спекулятивных языковых конструкторов, тем самым облегчая себе существование. Его разум еще не научился обманывать его же сознание.

Вопрос ребенка о бесконечной вселенной – это попытка выйти за пределы категорий. И этот выход сопровождается страхом. Здесь работает не разум, то есть мышление, оформленное в языке, а воображение: ребенок не логически выводит возможность или невозможность существования бесконечного пространства, но «помещает» себя в бесконечность. И у него это не получается. Он пытается снова и снова вообразить пространство без границы – эта попытка выйти за пределы категорий есть первый опыт «усиленного сознания», который завершается «страхом и опустошением».

Компьютерная метафора предлагает представить мозг как аналог вычислительной машины. Возникает вопрос: чем человек отличается от компьютера? Когда автор пытался моделировать поведение такого механизма, то старался представить, будет ли он способен функционировать, не обладая внутренними состояниями. Автор моделировал вариант своего собственного поведения и параллельно пытался определить, можно ли его представить, осуществляемым автоматически, без «света сознания». Так автор убирал элемент за элементом по очереди, один за другим и смотрел «со стороны» на работа-себя, чье поведение было идентичным оригиналу. Дело

²¹⁶ Кант И. Критика чистого разума // Иммануил Кант. Критика чистого разума; [пер. с нем., предисл. И. Евлампиева]. – М.: Эксмо; СПб.: Мидгард, 2007. – С. 27

не в том, можно ли представить себя роботом и при этом адекватно оценивать поведение этого объекта, в конце концов, само «представить себя» есть функция сознания, дело в том, что после нескольких десятков минут такого моделирования появились тревога и дискомфорт. Откуда они возникли?

Кажется, что причиной появления этого состояния было осознание того, что «свет сознания» не нужен вовсе: любое действие человека можно представить осуществляемым без участия внутреннего мира. Это значит, что субъект – автомат, биологический механизм и так далее, то есть он конечен. Признание своей конечности – причина страха. Анализ субъектом себя приводит к выводу, что он является всего лишь частью сущего. Этот вывод вырывает нас из сущего и ставит перед Ничто: «Выдвинутость нашего бытия в Ничто на почве потаенного ужаса есть перешагивание за сущее в целом: трансценденция».²¹⁷ Страх – это страх перед Ничто, следствие выдвигания за предел сущего, то есть экзистирования. Но разве можно аспиранта философского факультета напугать тем, что Хайдеггер называет Ничто? Он уже давно привык в текстах встречать это понятие и сейчас он сидит перед экраном монитора, пишет о Ничто – и никакого страха нет. Автор помнит об опытах Либета и о расширении пространства автоматизмов, держит в голове идею эпифеноменальной субъективности и вероятное отсутствие «картезианского театра». Но никаких отрицательных эмоций эти идеи не вызывают. Кажется, что Ничто – это лишь пустое понятие, элемент языковой игры. Правда, Хайдеггер писал: «Мы настолько конечны, что именно никак не можем собственным решением и собственной волей поставить себя перед лицом Ничто».²¹⁸ Возможно, дело все в том, что специально нельзя поместить себя в нужное пространство.

²¹⁷ Хайдеггер М. Что такое метафизика? // Время и бытие: Статьи и выступления / Пер. с нем.; Сост., пер., вступ. Ст., коммент. И указ. В.В. Бибихина. – СПб.: Наука, 2007. – (Серия «Слово о сущем»; т. 70). С. 23 - 38

²¹⁸ Там же.

Что произошло перед тем, как субъект «вступил в отношение к сущему»? Перед этим субъект прочно удерживал себя в состоянии «не того, что он есть», то есть воображение вырвало его из пространства актуального настоящего и удерживало его в пространстве воображаемого.

Вопрос о бесконечной вселенной отодвигается повседневностью и ребенок, если и возвращается к нему, то уже исключительно мимоходом и с некоторым любопытством, но, разумеется, уже без страха: ответ перестал быть необходимостью или он был найден в каком-то виде и стал результатом работы рассудка и утешением его. «И почему-то это ничего казалось эдакой белой пустотой, в которой находится множество шаров-вселенных, как изюм в кексе. Опять же, не знаю почему, но думал, что где-то в этой белой пустоте должен быть Бог (еще лет в шесть в руки попал детский вариант Библии, и потому казалось весьма естественным, что Бог где-то должен быть). И вот эта мысль - что Вселенная хоть и конечна, но Бог-то все равно должен быть - в свою очередь порождала спокойствие», - найденный ответ ребенка на вопрос. Ответ другого человека: «Сначала пыталась представить себе бесконечность, приходила к тому, что раз все бесконечно, значит где-то точно есть отражение нашей Солнечной системы, а потом пришла к тому, что строение Земли схоже со строением клетки, а значит Земля - тоже клетка в организме, который, возможно, тоже клетка в другом организме». Еще один пример: «Про эмоции не помню, может был страх, а может и не было. точно знаю, что уже в этот период подумал, что это чушь – бесконечность. Все должно кончатся. Так же думаю и сейчас». Замечательные примеры детской метафизики, то есть рационального и утешительного «самообмана» - заключения разума, основанные на основоположениях, которые «выходят за пределы всякого опыта и в силу этого не признают уже критерия опыта».

Но появляется другой вопрос – гораздо важнее вопроса о конечности Вселенной – вопрос о конечности себя. Этот вопрос также наталкивается на границы наших способностей в виде априорного субъекта. Человек спрашивает: «Что такое я сам?». И от этого вопроса уйти сложнее, чем от

вопроса о строении мира, потому что он касается самого субъекта. Мышление – это «разговор с собой и о себе» и этого разговора сложно избежать. Тем более, если субъект вынужден его поддерживать, потому что «философия – это публичный разговор с собой и о себе».

Если цель ты сам, то приходится разговаривать. Но мало разговаривать с собой время от времени и изредка смотреть на себя украдкой – необходимо удержать взгляд, то есть снова и снова задавать вопрос «что такое я сам?». Что происходит, когда этот вопрос становится манией? Как далеко можно продвинуться в поиске ответа на него и есть ли предел этому движению?

Человек спрашивает себя о статусе своего существования. Он спрашивает о природе и границе своего существования. Сравнивает себя с автоматом или животным, то есть биологическим автоматом. Приходит к выводу, что он есть сущее. Потом, что он все же особый регион бытия. Появляются вопросы о причинах существования сущего, о бытии и о «просвете бытия», о Боге и о морали, о собственной конечности, об эфемерности субъективности и так далее. Как может лингвистическая формула быть причиной эмоции? И может ли? В чем разница сознания и мышления? В чем суть человека: в разуме или в воображении? Потом он спрашивает себя о том, кто или что задает эти вопросы? Кто или что их слышит? Кто или что отвечает на них? Кто или что пугается ответов или, наоборот, с восторгом записывает их? Как эти «спрашивающие и слышащие» связаны друг с другом? И промежуточный вывод: либо мир антропологичен, либо человек онтологичен. Возможен совершенно другой набор вопросов и ответов, другие выводы – это не имеет значения. Множество тем и фантазмов.²¹⁹ Но до какого предела эти вопросы задаются? Что происходит во время этого движения сознания?

²¹⁹ «Самый полет – вот моя жизнь. Темы – «как во сне». Одна, другая... много... и все забыл. Забуду к могиле». (Розанов В. В. Опавшие листья. Короб первый. // Уединенное; Опавшие листья. Короб первый; Опавшие листья. Короб второй и последний: Трилогия /

В какой-то момент человек устает и начинает испытывать отвращение к своему разуму – он заболевает мизологией. Сознание становится заменой счастью, а этот обмен не равноценен: «...у многих людей, и притом самых искушенных в применении разума, если только они достаточно искренни, чтобы в этом признаться, возникает некоторая степень мизологии, т. е. ненависть к разуму, так как по вычислении всех выгод, которые они получают - я не скажу от изобретения всевозможных ухищрений обычной роскоши, но даже от наук (которые в конце концов представляются им также некоторой роскошью рассудка), - они все же находят, что на дело навязали себе на шею только больше тягот, а никак не выиграли в счастье».²²⁰

Потом приходит зависть к непосредственным, «природным» людям, которые избавлены от этой работы «усиленного сознания». Достоевский пишет: «Ну-с, такого-то вот непосредственного человека я и считаю настоящим, нормальным человеком, каким хотела его видеть сама нежная мать — природа, любезно зарождая его на земле. Я такому человеку до крайней желчи завидую. Он глуп, я в этом с вами не спорю, но, может быть, нормальный человек и должен быть глуп, почему вы знаете? Может быть, это даже очень красиво».²²¹

Сознание и воображение хотя и вырывают из сущего, но результаты этой выдвинутости не всегда приятны. «Сознающие люди» устают, и именно поэтому «они, в конечном счете, не столько презирают, сколько завидуют той породе более простых людей, которая гораздо больше руководствуется

Вступ. Ст., коммент. А. Н. Николютина. – М.: Мир книги, Литература, 2006. – («Великие мыслители»). С. 126.)

²²⁰ Кант И. Основы метафизики нравственности // Иммануил Кант. Критика чистого разума; [пер. с нем., предисл. И. Евлампиева]. – М.: Эксмо; СПб.: Мидгард, 2007. – С. 620

²²¹ Достоевский Ф. М. Записки из подполья: повесть. – СПб.: издательский Дом «Азбука-классика», 2008. С. 51

природным инстинктом и не дает разуму приобретать большое влияние на их поведение». ²²²

Отвращение к сознанию – это только начало пути к основаниям субъективности. В этом движении сознания на смену усталости, зависти и отвращению приходит еще более выраженное состояние дискомфорта, как закономерный ответ на неудовлетворенность ответами, подстегивающий сознание продолжать искать собственные основания. Человек пытается выбраться из «тумана антиномий» в поисках прочных оснований, раздражая самого себя фантазмами: «Чем больше я сознавал о добре и о всем этом «прекрасном и высоком», тем глубже я и опускался в мою тину и тем способнее был совершенно завязнуть в ней... Но главная черта была в том, что все это как будто не случайно во мне было, а как будто ему и следовало так быть. Кончилось тем, что я чуть не поверил (а может, и в самом деле поверил), что это, пожалуй, и есть нормальное мое состояние. А сперва-то, вначале-то, сколько я муки вытерпел в этой борьбе! А главное и конец концов, что все это происходит по нормальным и основным законам усиленного сознания и по инерции, прямо вытекающей из этих законов...». ²²³

Сознание позволяет посмотреть на самого себя, но не объясняет, чем человек отличается от сущего. Есть законы природы, которым подчиняется все сущее, в том числе и человек. Человек не может игнорировать их, но и просто согласиться с тем, что он лишь биологический автомат тоже не может. Если люди всего лишь «фортепьянные клавиши» на которых играет природа, то все, что человек ни делает, «делается вовсе не по его хотенью, а само собою, по законам природы», а это значит, что он здесь не нужен, он – эпифеномен биохимических реакций неокортекса и у него нет души. А жить без души неприятно и непонятно как.

²²² Кант И. Основы метафизики нравственности // Иммануил Кант. Критика чистого разума; [пер. с нем., предисл. И. Евлампиева]. – М.: Эксмо; СПб.: Мидгард, 2007. – С. 620

²²³ Достоевский Ф. М. Записки из подполья: повесть. – СПб.: издательский Дом «Азбука-классика», 2008. С. 49

Отсутствие души и расшатанный каркас субъективности сначала вызывают тревогу, а скоро заставляют человека чувствовать отчаяние и продолжать раскалять свое воображение в поисках ответа на вопрос «что такое я сам?»: «Именно свои фантастические мечты, свою пошлейшую глупость пожелает удержать за собой единственно для того, чтоб самому себе подтвердить (точно это так уж очень необходимо), что люди все еще люди, а не фортепьянные клавиши, на которых хоть и играют сами законы природы собственноручно, но грозят до того доиграться, что уж мимо календаря и захотеть ничего нельзя будет. Да ведь мало того: даже в том случае, если он действительно бы оказался фортепьянной клавишей, если б это доказать ему даже естественными науками и математически, так и тут не образумится, а нарочно напротив что-нибудь сделает, единственно из одной неблагодарности; собственно чтоб настоять на своем. А в том случае, если средств у него не окажется, — выдумает разрушение и хаос, выдумает разные страдания и настоит-таки на своем!».²²⁴

Даже если субъекту докажут и укажут на то, что он есть ненужный эпифеномен изменений физического субстрата, пучок номологических бездельников, то он продолжит строить воображаемые миры, где он есть и нужен, с еще большим рвением, потому что страдание голого существования без души – это самый действенный стимул для работы сознания. Отсюда: «всякое сознание есть болезнь» и «страдание – это причина сознания».

Человек смотрит на себя и пытается понять: на кого он смотрит. Ему говорят, что он сущее, подчиняемое законам природы. Он не согласен и продолжает движение в поисках своего основания. Есть ли предел этого поиска? Что в его конце? В конце этого движения, видимо, Ничто, выдвигание в которое из сущего описал Хайдеггер.

«Ничто? Это пустое понятие, элемент языковой игры», - ученые знают, что мозг – это причина сознания и для того, чтобы исследовать сознание

²²⁴ Достоевский Ф. М. Записки из подполья: повесть. – СПб.: издательский Дом «Азбука-классика», 2008. С. 74

нужно заниматься психофизиологией мозговых процессов и изучать функции и работу отдельных частей мозга. И психология постепенной замещается психофизиологией – это нормальный и закономерный результат развития научного знания. Здесь нет места ни для каких языковых игр и метафор. Это нормальное положение дел: серьезный ученый-когнитивист должен заниматься серьезной наукой.

Но наука работает всегда только с сущим. Хайдеггер пишет о научном исследовании: «То, с чем работает вторгающееся в мир исследование, есть само сущее – и кроме того – ничто. Исследованию подлежит только сущее и более – ничто; одно сущее и кроме него – ничто; единственно сущее и сверх того – ничто».²²⁵

2. Работа сознания по небιологическим принципам

Субъективность – это лишь результат игры нейронных синапсов и больше ничто. Возможно, мы пока не до конца знаем правила этой игры, но узнаем обязательно. Спекуляции здесь неуместны. Метафизика ушла и не вернется. Осталась только физика, потому что доказала свою состоятельность. Задавать вопросы о человеке можно только науке. Спрашивать себя можно, только если владеешь корректным научным знанием. Все остальное бессмысленно, то есть бессмысленное самоистязание больного и неосведомленного сознания. Вопрос о себе самом, приводящий субъекта к Ничто – бессмысленен и совершенно не нужен.

Но на вопрос "Если в детстве вы задумывались о бесконечности Вселенной, то какие эмоции у вас возникали?" давались разные ответы. Например, такие: «Нет, не задумывалась. Мне и так хорошо жилось»; «Нет, не задумывалась»; «Нет»; «Не помню, чтобы задумывалась над таким

²²⁵ Хайдеггер М. Что такое метафизика? // Время и бытие: Статьи и выступления / Пер. с нем.; Сост., пер., вступ. Ст., коммент. И указ. В.В. Бибихина. – СПб.: Наука, 2007. – (Серия «Слово о сущем»; т. 70). С. 23 - 38

вопросом в детстве»; «Задумывался, потому что хотел стать космонавтом, чтобы увидеть в космосе много неизведанных вещей». Действительно, зачем представлять себе безграничную вселенную, если и без этого жить хорошо? Зачем искусственно помещать себя в пространство страха? Это бессмысленно. Но один ребенок помещает себя в пространство антиномий, а другой нет. Одному становится страшно, а другой не знает, что значит испытывать этот страх. Для одного решение этой проблемы становится необходимостью, а для другого нет. Один понимает вопрос, а для другого он кажется глупостью. Причина различия скрыта где-то в нашей природе, природе каждого отдельного человека. И это различие – главная тема этой работы.

Вернемся к основному тезису второй главы: сознание – это видоспецифический признак, который предполагает вариативность. Даже если у нас всех есть сознание, и мы все обладаем статусом наблюдателя, то это вовсе не значит, что мы все одинаково используем и одинаково способны от рождения использовать эту видоспецифическую способность. Поэтому один ребенок задает себе вопрос о границе Вселенной, испытывает страх и потом находит ответ, а другой этими бесполезными вещами не занимается. В этом вопросе, его причинах и следствиях суть данной работы.

Мозг является крайне энергозатратным органом, который тратит большое количество энергии на выполнение своих функций. Но для организма лишние траты энергии опасны, поэтому он старается минимизировать активность мозга: «Мышление — самое энергетически невыгодное занятие для мозга. Вся история эволюции нервной системы построена на стремлении к экономии расходуемой энергии, а не на её трате. Любая интеллектуальная нагрузка очень затратна для организма, поэтому в эволюции мозга сложились изощрённые способы её избегания и имитации».²²⁶ К таким способам относятся поведенческие установки, которые позволяют избегать лишней

²²⁶ Савельев С.В. Изменчивость и гениальность. — М.: ВЕДИ, 2012. С. 25

траты энергии благодаря использованию шаблонов поведения. При этом интеллектуальное усилие, направленное на решение небιологических задач, является прямой угрозой для организма и не поддерживается им. Даже творчески одаренная, талантливая личность не способна удерживать себя в пространстве творческого поиска продолжительное время. Поэтому гений – это человек, который способен тратить энергию по небιологическим принципам, то есть во вред своей биологической природе.²²⁷ Ребенок, задающий вопрос о природе Вселенной, испытывающий страх перед бесконечностью и находящий хоть какое-то решение проблемы - гений.

Вопрос о бесконечной Вселенной для ребенка бессмысленен: он не задается повседневностью и прямо не способствует решению биологических задач, но он есть. Есть и его следствия. Есть эмоция. Вопрос «что такое я сам?» бессмысленен для субъекта с точки зрения социального взаимодействия и решения актуальных задач, но он есть. Есть и его следствия. Есть эмоция. Ничто – это эмоция. По крайней мере то, что вызывает эмоцию, когда человек выдвигается за пределы сущего и смотрит со стороны на сущее, частью которого является сам. Можно ли вопрос ребенка назвать бессмысленностью? Наоборот - он нагружен смыслом. Этот вопрос, поиск ответа на него, состояние поиска – суть манифестация сущностной черты человека. Вопрос вызван природой ребенка, наличием у него сознания и воображения, попыткой перейти свои границы. Если ты родился способным задать его, то ты его задашь. И тебе будет страшно.

Хайдеггер пишет: «Но что значит, что исходный ужас бывает лишь в редкие мгновенья? Только одно: на поверхности и сплошь да рядом Ничто в своей исходной сути от нас заслонено. Чем же? Тем, что мы в определенном смысле даем себе совершенно потонуть в сущем. Чем больше мы в своих

²²⁷ Савельев С.В. Изменчивость и гениальность. — М.: ВЕДИ, 2012.

стратегемах повертываемся к сущему, тем меньше даем ему ускользнуть как таковому».²²⁸

Исследователь нейрофизиологических коррелятов сознания работает с объектом внешнего мира, то есть с сущим. Он не отвечает на вопрос «что такое я сам?», он протаптыкает тропинку к ответу на вопрос «что такое человек вообще как часть сущего?». Каждый человек погружен в повседневность и лишь иногда вопрос о собственном существовании мелькает где-нибудь посреди нормальной жизни между работой и прогулкой в магазин. Вероятно, можно прожить жизнь и вовсе не задавая его. Чем усерднее мы живем настоящим, тем дальше от нас вопрос «что такое я сам?». И чем усерднее исследователь ищет нейрофизиологические корреляты сознания человека, тем дальше он от вопроса «что такое я сам?». И это хорошо, потому что ученому нужно профессионально делать свою работу, а не отвлекаться на неуместное взбрыкивание своего сознания.

Но если сознание все-таки взбрыкивает и удерживает субъекта в поиске своих оснований, то субъект рискует достичь некоторого предела этого поиска, дальше которого двигаться в том же направлении нельзя. Эта точка, в которой воображение накалено добела. Здесь «Ничто выступает при ужасе одновременно с совокупностью сущего». В этой точке бездна начинает смотреть в тебя, потому что ты слишком долго смотрел в нее.²²⁹ На вершине пути сознания в поиске себя: бездна, ничто и ужас.

К этой вершине человека приводит его воображение. Раздражение себя воображением в попытке найти основания себя, помноженное на невозможность остановиться, с необходимостью приводит к состоянию

²²⁸ Хайдеггер М. Что такое метафизика? // Время и бытие: Статьи и выступления / Пер. с нем.; Сост., пер., вступ. Ст., коммент. И указ. В.В. Бибихина. – СПб.: Наука, 2007. – (Серия «Слово о сущем»; т. 70). С. 23 - 38

²²⁹ «И если ты долго смотришь в бездну, то бездна тоже смотрит в тебя». (Ф. Ницше. По ту сторону добра и зла. // Ницше Ф. По ту сторону добра и зла: Сочинения. – М.: Эксмо; Харьков: Фолио, 2007. С. 629)

ужаса – это плата за максимальное использование сущностной черты человека. Человек, который возвел свою человечность в абсолют, будет стоять на вершине и играть в «гляделки» с бездной.

Воображение – это основание творчества. Хайдеггер пишет: «Ужас, сопутствующий дерзанию, не требует никакого противопоставления себя ни радости, ни уютному самодовольству мирных занятий. Он состоит — по сторону подобных противоположений — в тайном союзе с окрыленностью и смирением творческой тоски». Это творческое дерзание – условие движение субъекта в направлении, которое задается вопросом «что такое я сам?». Этот путь - есть чистое творчество. Оно приводит человека к пределу, в котором и достигает своего пика – это есть апофеоз воображения – творческий максимум. Творческий максимум – это предельное основание человека.

Ужас перед Ничто заставляет оглянуться на себя и узнать себя, потому что он оголяет субъекта, очищает его от оболочки повседневности сущего и делает прозрачным и ясным для самого себя. Если в этот момент срабатывают некоторые механизмы, например, такой механизм защиты как рационализация, то материалом для работы являются те представления, которые уже содержатся в сознании. При этом подбирается сознанием такая комбинация представлений, которая лучше всего подходит для конкретного субъекта. Один посмотрит в бездну и увидит сверхчеловека, второй выберет категорический императив как способ манифестации своей воли и Бога вместе с четвертым доказательством его существования, третий – абсолютного духа, четвертый – бытие и просвет бытия. Результат движения – это не просто идея, но эмоция, завернутая в понятие. Это суть схватывание субъекта эмоцией. То, что задает вопрос, получает ответ. На пределе творческой активности разговор с самим собой и о себе приводит к тому, что субъект схватывает себя и находит свои основания в пространстве воображения. Поэтому, не заглянув в бездну, нельзя понять, кто ты есть.

Предельные основания – это предмет метафизики. Поэтому состояние творческого максимума есть именно процесс разворачивания метафизики:

«Выход за пределы сущего совершается в самой основе нашего бытия. Но такой выход и есть метафизика в собственном смысле слова. Тем самым подразумевается: метафизика принадлежит к «природе человека»».²³⁰ Она принадлежит природе человека, потому что вырастает на том, что создает человека, то есть на воображении. Движение в сторону максимума воображения – это процесс поиска основания субъективности, разговор с собой и о себе, то есть философия: «Философия — то, что мы так называем, - есть приведение в движение метафизики, в которой философия приходит к себе самой и к своим настоящим задачам».²³¹ Мамардашвили говорит: «...есть какой-то путь к философии, который пролегает через собственные наши испытания, благодаря которым мы обретаем незаменимый уникальный опыт. И его нельзя понять с помощью дедукции из имеющихся слов, а можно только, повторяю, испытать или, если угодно, пройти какой-то путь страдания. И тогда окажется, что испытанное нами имеет отношение к философии».²³²

Философия – это тяжелый путь, который проходит через ненависть, зависть и страдание, а в конце которого ужас творческого максимума. Поэтому философию любить нельзя. Философия – суть работа сознания по небиеологическим принципам.

Организм не враг себе – ему не нравятся эффекты, которые оказывает вопрос «что такое я сам?», потому что «если ты однажды спросил себя, задал себе вопрос о себе, то ты уже не можешь быть счастливым».²³³ Философию любить нельзя, но и убежать от нее не получается, как бы этого ни хотелось.

²³⁰ Хайдеггер М. Что такое метафизика? // Время и бытие: Статьи и выступления / Пер. с нем.; Сост., пер., вступ. Ст., коммент. И указ. В.В. Бибихина. – СПб.: Наука, 2007. – (Серия «Слово о сущем»; т. 70). С. 23 - 38

²³¹ Там же.

²³² Мераб Мамардашвили. Как я понимаю философию // Москва, «Культура», 1993 С. 17

²³³ Федор Гиренок. По ту сторону сознания и инстинкта // Русская философия XXI века. Максимумы. – ИОИ, 2014. С. 65

Потому что она приводит к тому, что принадлежит природе человека. Если кто-то говорит, что он любит философию, то это значит, что ему нравится ностальгическое переживание прежнего взбрыкивания сознания, либо приятные чувства вызывает принадлежность к древнему сообществу, либо демонстрация этой любви повышает его статус в обществе, либо ему просто нравится запах толстых книг.

Джон Кейнс удивленно спрашивал у Витгенштейна, почему тот бросил философию и уехал в глухую австрийскую деревушку работать школьным учителем. Витгенштейн отвечал, что сделал это, потому что преподавание несколько притупляет страдания от занятий философией.²³⁴ Философия – это противоестественное занятие для биологического организма. Организму она не нравится. Он переносит только строго дозированную порцию творчества – если немного, то можно. В этом случае творчество является тем же, что и мечта, которая запускает систему подкрепления и позволяет человеку получить удовольствие как реакцию на активацию системы подкрепления. Раскаленное творческим усилием сознание, которое есть основание философии, неприятно.

Примерами абсолютного творчества, настоящего искусства являются не картины Да Винчи, не фрески Рафаэля, не пьесы Шекспира и не сонаты Бетховена, но толстые книги по метафизике, потому что они создавались по следам оставленным сознанием на самом себе, когда оно находилось в точке творческого максимума. Если бы не было страдания, вызванного чрезмерным усилием сознания, то не было бы философии и ценностей, которые суть результат попытки организма прекратить страдания, а была бы только наука и суррогат настоящего искусства, вызванный к жизни приятной, но пресной мечтательностью.

²³⁴ Дэвид Эдмонс, Джон Айдиноу. Кочерга Витгенштейна. Новое литературное обозрение. Москва. 2004. С.27.

Вывод

Этот параграф нужен был для того, чтобы указать на то, что поиск философами предельных оснований основан на использовании моделирующей функции сознания.

Если у больных шизофренией эта работа сознания является врожденной способностью и достаточно легко запускается в определенных условиях, то философ искусственно помещает себя в пространство интенсивной работы сознания, когда настойчиво пытается ответить на фундаментальные вопросы о природе своей субъективности. В этом контексте интересна связь между болезнью и гениальностью.

Автор предполагает, что в момент философского поиска срабатывают те же когнитивные механизмы, что и вызывают шизофрению у предрасположенных к этому заболеванию людей. Само функционирование этих механизмов влечет за собой определенное состояние. Там, где философ может остановиться и перевести свое состояние в понятие (соединить две способности души: воображение и рассудок), больной шизофренией остановиться не может. Таким образом, результат работы метафизика с необходимостью включает в себя понятия, которые описывают эмоционально негативное состояние. Интенсивная работа сознания с необходимостью приводит к негативному переживанию в силу объективных физиологических причин.

Причиной негативного состояния может быть чрезмерная эксплуатация энергетического потенциала мозга в результате использование мозга по небиологическим принципам, либо результат биохимических изменений в результате работы когнитивных процессов, либо другие объективные процессы, связанные с физиологией.

Результатом метафизических спекуляций является то, что мы называли «творческим максимумом», то есть состояние, при котором негативные эмоции, вызванные чрезмерной работой моделирующей функции сознания,

достигают некоторого предела. Результатом достижения субъектом этого предела является спекулятивная понятийная система, создание которой, видимо, связано с механизмами рационализации, то есть с поиском некоторых, удовлетворяющих субъекта, оснований. Другими словами, метафизика может быть определена как поиск рациональных оснований для субъективных переживаний, вызванных усиленной работой сознания.

Если использовать метафору, то работу сознания можно представить в виде кипящего котла, в котором находится расплавленное вещество. Чем интенсивнее работает сознание, тем сильнее кипение. Достигнув определенной точки кипения, вещество заливается в форму понятий и появляется готовое изделие. Это изделие может быть различной формы. Называться оно может также по-разному: сверхчеловек, абсолютных дух, бог или бытие. Эта фигурка представляет собой основу нового каркаса субъективности. Кипение вещества–сознания обеспечивается необходимостью поиска ответов на фундаментальные вопросы. Собственно, этот процесс мы и назовем метафизикой. Поэтому метафизика будет существовать до тех пор, пока существуют вопросы, которые заставляют сознание «кипеть». Не имеет принципиального значения, какой именно это будет вопрос. Другими словами, смерть бога вовсе не означает конец метафизики. Метафизика закончится тогда, когда у человека не будет потребности задавать вопросы. То есть тогда, когда у нас не будет той ценности, по поводу которой можно задать вопрос. Наличие ценностей, по поводу которых задается вопрос – главное условие существования метафизики. Потому что для того, чтобы поддерживать «вещество» в расплавленном состоянии нужна крайне веская причина. Метафизику убьет не смерть бога и даже не смерть субъекта, но исчезновение ценности как таковой. Цинизм может убить метафизику, но вместе с этим он убьет и человеческое. При этом результатом «усиленной работы сознания» является индивидуальная ценность, то есть сознание философа – это механизм по производству субъективных ценностей.

Проблемы и вопросы к дальнейшему исследованию в данном направлении:

1. Действительно ли рефлексия, моделирование или воображение используют те же механизмы, которые нарушаются при шизофрении?
2. Корректно ли описанное сопоставление метафизики с интенсивной работой сознания?
3. Как связаны безумие и гениальность в контексте представления о сознании, как о видоспецифическом признаке, предполагающем вариативность, и представления о шизофрении, как о предельном развитии этого признака?
4. Какое место в структуре сознания занимают ценности (идеалы)?

§2. Природа сновидений в контексте проблемы сознания²³⁵

Помимо функции, которую выполняет субъективный опыт, у субъективности могут быть следствия, не обладающие своей выделенной и биологически оправданной функцией. Таким следствием могут быть сновидения. Этому вопросу посвящен данный параграф.

1.1 Функция сновидений

Автору приснился любопытный сон. В нем он увидел японку, которая медленно, на четвереньках, подползала то ли к японцу, сидящему в позе лотоса, то ли к какой-то статуе. Она была в кимоно, в волосах торчали спицы, лицо было белым. Когда она подползла к статуе достаточно близко, то села и, вдруг, начала царапать свое лицо ногтями.

Что бы сказал Фрейд по поводу этого сна? Возможно, он бы начал выяснять, какое скрытое желание было реализовано в сюжете этого сновидения. Может быть, Фрейд указал бы на либидозную природу этого желания. Он мог бы попытаться обнаружить тот элемент сновидения, который позволил защитить сон и дал возможность организму отдохнуть чуть дольше, несмотря на какое-то вмешательство извне. В любом случае, Фрейд полагал, что сновидение обладает некоторой функцией.

В настоящее время единого мнения относительно природы сновидений не существует. Есть мнение, что функцией сновидения может быть эмоциональная стабилизация.²³⁶ Возможно, функцией сновидения является

²³⁵ Мерзляков С.С. Функция сновидений в контексте «Трудной проблемы сознания». //

Вестник Московского Университета. Серия 7: философия. №1 М.:2014. С. 99 - 106

²³⁶ Психофизиология: Учебник для вузов / Под ред. Ю. И. Александрова. – 3-изд., доп. И перераб. – СПб: Питер, 2008. С. 245

разрядка напряжения, идущего из бессознательного.²³⁷ Фрэнсис Крик предположил, что сновидение нужно для того, чтобы избавить нас от лишней информации.²³⁸ Согласно Крику, сновидение представляет собой «обратное обучение», которое необходимо для того, чтобы нервная система приспособилась к той информации, которую человек получил в течение дня. Во время этого процесса происходит «стирание» опыта, который является избыточным для нормального функционирования нашего организма. Таким образом, мозг фильтрует всю информацию и оставляет только то, что является важным – «мы спим для того, чтобы забывать». Этот процесс фильтрации сопровождается сновидением. Антти Ревонсуо полагает, что функцией сновидения является моделирование пугающей ситуации.²³⁹ Согласно этой теории, сновидение представляет собой симуляцию потенциально опасной ситуации, во время которой происходит репетиция того поведения, которое поможет справиться с этой ситуацией, если организм попадет в нее в реальности. Аллан Хобсон считает, что сновидение представляет собой случайный «ответ» сознания на хаотичную активность различных областей головного мозга, которая не имеет равным счетом никакой функции.²⁴⁰ Похожую позицию занимает и Оуэн Фланаган, который полагает, что сновидение представляет собой «эволюционную случайность».²⁴¹ Он называет сновидение «субпродуктом мозга» и отказывается признавать за ним какую-либо адаптивную функцию. Вопрос о функциях сновидений осложняется еще и тем, что в настоящее время нет

²³⁷ Николаева Е. И. Психофизиология. Психологическая физиология с основами физиологической психологии. Учебник. – М.: ПЕРСЭ, 2008. С. 270

²³⁸ Francis Crick, Graeme Mitchison, *Nature*, 1983, p. 111

²³⁹ Antti Revonsuo, *Behavioral And Brain Sciences*, 2000, p. 844 - 1121

²⁴⁰ J. Allan Hobson, Edward F. Pace-Schott, Robert Stickgold, *Behavioral And Brain Sciences*, (2000), p. 793-842

²⁴¹ Thomas Polger and Owen Flanagan. *Consciousness, adaptation and epiphenomenalism* / James H. Fetzer (ed.), *Consciousness Evolving*. John Benjamins (2002)

единого мнения по поводу природы самого сна.²⁴² Существует много гипотез, но вопрос о том, почему мы вообще спим, остается открытым.

В работах по психофизиологии можно встретить мнение, что у животных также есть сновидения.²⁴³ Об этом свидетельствует наблюдение за животными с разрушенной системой угнетения мышц. Так кошка, у которой мышцы не теряют свою активность во время сна, может демонстрировать поведение схожее с тем, которое наблюдается у бодрствующего животного.²⁴⁴ Такая кошка может внезапно вскочить и начать ловить несуществующую жертву, царапаться, принохиваться и т.д. При этом у нее закрыты глаза, и активность мозга указывает на то, что она спит. Однако можно ли говорить о том, что кошка, у которой разрушено синее ядро в мозге, отчего мышцы продолжают реагировать на активность нейронов во время сна, видит сновидение?

1.1 Сновидение и «трудная проблема сознания»

Кажется вполне очевидным, что сновидение представляет собой субъективное переживание. Мы говорим о том, что нам что-то приснилось, и при этом предполагаем, что мы обладаем некоторым субъективным опытом. Субъективный характер сновидения позволяет нам обратиться к «трудной проблеме сознания», которая проблематизирует природу приватных данных. Впервые «трудная проблема» была сформулирована Дэвидом Чалмерсом.²⁴⁵ Суть проблемы в том, что в мире сугубо физических взаимодействий никакая

²⁴² Николаева Е. И. Психофизиология. Психологическая физиология с основами физиологической психологии. Учебник. – М.: ПЕРСЭ, 2008. С. 269

²⁴³ Психофизиология: Учебник для вузов / Под ред. Ю. И. Александрова. – 3-изд., доп. И перераб. – СПб: Питер, 2008. С. 246

²⁴⁴ Видео, демонстрирующее спящую кошку с разрушенной системой угнетения мышц.
URL: <http://www.youtube.com/watch?v=Js50Orx94iM>

²⁴⁵ Васильев В.В. Трудная проблема сознания. – М.: Прогресс-Традиция, 2009. С. 152 - 189

идеальная сущность не может быть причиной каких-либо изменений в материальном мире. Если мы придерживаемся физикализма, то нам приходится признать, что сознание не оказывает влияния на наше поведение, потому что в противном случае ставится под сомнение казуальная замкнутость физического мира. В мире химических и физических взаимодействий субъективность не нужна. Если даже самое сложное наше поведение можно объяснить биохимическими реакциями в мозге, то субъективность приобретает статус номологического бездельника – она становится бесполезной и избыточной. Сегодня мы не знаем, зачем нам нужны субъективные переживания (квалиа). Более того, все больше экспериментов подтверждают, что нашим поведением руководят те процессы, которые не нуждаются в том, чтобы быть осознанными. Поэтому одной из наиболее влиятельных теорий сознания является эпифеноменализм, который предлагает считать субъективность эпифеноменом мозговых реакций, не обладающим хоть каким-то каузальным потенциалом.

Физиология определяет наше состояние не только тогда, когда мы бодрствуем, но и тогда, когда мы спим. Поэтому эмоциональная окраска сновидения зависит от частоты сердечных сокращений, состояния кровеносной системы, электрической активности кожи и так далее.²⁴⁶ То есть сновидение зависит от физиологии. Те реакции, которые проходят в нашем мозге, пока мы спим, никак не зависят от того, снятся нам сновидения или нет. Сон вовсе не обязательно должен сопровождаться сновидением.

За последнее время мы уже привыкли к концепции модульного строения сознания, которая указывает на то, что за каждый отдельный элемент сознания отвечает строго определенный модуль нервной системы. За зрение отвечает один модуль, за кратковременную память другой и т.д. Несмотря на то, что мы сегодня не знаем точно, зачем нам нужна субъективность, можно предположить, что она все-таки обладает некоторой

²⁴⁶ Психофизиология: Учебник для вузов / Под ред. Ю. И. Александрова. – 3-изд., доп. И перераб. – СПб: Питер, 2008. С. 246

функцией. И если мы согласимся с тем, что эта функция существует, то нам нужно будет допустить и существование некоего модуля субъективности, который играет какую-то роль в нашей жизни и занимает свое место среди тех модулей, которые обеспечивают функционирование бессознательных механизмов. Или, по крайней мере, может играть какую-то роль. Однако эта роль должна исчерпываться состоянием бодрствования, при котором этот дополнительный модуль способен оказывать некоторое влияние на наше поведение. Если реакции в мозге спящего человека не зависят от сновидения, то идея функциональной состоятельности сновидения является примером телеологической ошибки, которую мы совершаем, когда предполагаем, что каждый элемент нашей биологической организации обладает некоторой функцией. Эволюция не имеет конечной цели, и естественный отбор представляет собой совокупность случайных изменений. Из множества признаков организма сохраняются те, которые позволяют эффективнее участвовать в борьбе за существование, но это не значит, что все элементы нашего физиологического или психического строения обладают выделенной функцией – могут быть и просто случайные. Поэтому сон вовсе не обязательно должен сопровождаться сновидением, которое может и не иметь собственной функции. Скорее всего, мы видим сны, потому что обладаем модулем субъективности, который играет какую-то роль, пока мы находимся в состоянии бодрствования. Но если предположить, что сознание все-таки является эпифеноменом реакций в мозге и не играет каузальной роли, то в этом случае сновидение условно можно назвать «эпифеноменом эпифеномена».

Если во время сна действительно происходит «обратное обучение», то не понятно, почему оно все же сопровождается субъективным переживанием, а не проходит «в темноте». Поэтому теория Фрэнсиса Крика может быть использована для изучения функции сна, но представляется менее полезной для изучения сновидений. Еще более спорной оказывается идея Антти Ревонсуо о том, что сновидение представляет собой симуляцию пугающей

ситуации. У Фрейда возникали трудности при анализе пугающих сновидений, которые не укладывались в концепцию сновидения как реализации желания. У Ревонсуо возникает обратная проблема – трудно объяснить существование приятных снов. Поэтому наиболее правдоподобными кажутся идеи, выдвинутые Алланом Хобсоном и Оуэном Фланаганом: сновидение представляет собой эпифеномен процессов в мозге, который не имеет никакой адаптивной функции.

Поэтому мы не можем говорить о том, что кошке снятся сны. Мы можем говорить лишь о биохимических реакциях в ее мозге, которые могут вызывать активность той или иной группы мышц. У нас нет никаких оснований считать, что кошка обладает модулем субъективности, как нет оснований полагать, что им обладает кролик или амеба. Сон – это физиологический процесс, который не нуждается в активации модуля сознания. Если у сознания и есть функция, то она осуществляется в состоянии бодрствования. И, тем не менее, сны нам снятся, и они обладают сюжетом.

2. Сновидение: эмоции и сюжет

Сновидение с японкой приснилось при определенных обстоятельствах. Автор приехал на Крайний Север из Средней Полосы и у него началась акклиматизация, которая проявилась в общей слабости и полярно-ночной сонливости. Он подолгу не мог встать с кровати и старался спать как можно дольше, ожидая, что организм скоро привыкнет к новым условиям. Однако переждать состояние слабости не получилось – ему не позволили спать дольше обычного именно сны с неприятным сюжетом.

Сон является необходимостью для сложного организма, поэтому есть конкретный биохимический процесс, который вызывает сонливость. Есть и обратный механизм, который выводит из состояния сна. Нельзя спать постоянно, необходимо просыпаться и демонстрировать поисковое

поведение. То есть существует механизм, который будит. Описанное сновидение с японкой вызвало у автора неприятную эмоцию. Но оно было не первым. Автор был очень уставшим и, несмотря на негативную эмоцию, по пробуждению засыпал снова. Ему приснилось как минимум три сновидения, после которых оставалось неприятное ощущение. Сон с японкой был вторым. В сюжет первого сновидения входило ощущение погони: автору приснилось, что его кто-то преследует, и это было неприятно. Этот сюжет является вполне стандартным – Фланаган указывает на то, что в отчетах о сновидениях довольно часто появляется сюжет преследования. Несмотря на неприятное ощущение, автор довольно быстро уснул снова. И проснулся уже после японки царапающей себе лицо. На этот раз ощущение было еще менее приятным, но недостаточным для того, чтобы автор встал с кровати.

Можно предположить, что в данном случае в организме столкнулись две противоположные по действию системы. Одна система заставляла спать – автор чувствовал усталость. Вторая пыталась перевести его в состояние бодрствования. При этом та система, которая ответственна за пробуждение, с каждым разом усиливала свое действие – организм должен начать поисковое поведение, иначе он будет исключен из борьбы за существование. Поэтому каждое последующее пробуждение сопровождалось более сильной отрицательной эмоцией – если нужно разбудить, то необходимо сделать так, чтобы сон был неприятен. Если не получилось разбудить страхом преследования, то можно разбудить сюрреалистичной японкой. Но, разумеется, дело не в японке, а в интенсивности реакций в мозге. И если преследование не произвело особого впечатления, а японка с ногтями оказалась не более чем просто неприятной, то после третьего сновидения автор засыпать больше не решился – пришлось переходить в состояние бодрствования и включать поисковое поведение, несмотря на акклиматизацию. Таким образом, сюжет сна зависит от биохимии: человека нужно было разбудить и его разбудили.

Сновидение вовсе не обязательно должно вызывать отрицательную эмоцию, но эмоция с необходимостью является коррелятом биохимических реакций. При этом биологические процессы сопровождаются «вспышкой» сознания, которая представляет собой некоторую эмоцию. Значит, сновидение – это эмоция, то есть эмоциональная реакция организма на работу некоторой группы нейронов. Не имеет значения, какой именно группы – это может быть просто спонтанная активность без определенной локализации. Но это такая эмоция, результат которой в виде сюжета существует только в силу того, что у сознания есть следствие в виде способности отзываться на физиологическую реакцию не только в состоянии бодрствования.

Если у модуля субъективности есть функция, то она выполняется, когда организм не спит, потому что «по-настоящему» сознательны мы только пока бодрствуем. Субъективность вообще может не «включаться» пока мы находимся в состоянии сна, и от этого ничего не изменится: организм выспится и включится в борьбу за существование.

Но, тем не менее, когда мы говорим о сновидении, то имеем в виду его сюжет. Таким образом, можно выделить три элемента, которые составляют основу для исследования сновидения: биохимия, эмоция и сюжет. Биохимия – это активность нейронов и биохимические процессы в мозге спящего организма. Эти процессы имеют какой-то биологический смысл, а активация нейронов вполне может быть спонтанной. Эмоция и связанный с ней сюжет – это субъективная реакция на биохимический процесс. Эта реакция не имеет какой-либо приспособительной функции, а представляет собой случайное следствие существования модуля субъективности. Сюжет – это история, в которую «заворачивается» эмоция. Но почему эта история появляется?

3. Механизм рационализации

Фрейд выделил ряд психологических механизмов защиты. Одним из этих механизмов является рационализация. Рационализация – это способность находить причины для своего поведения. Например, знаменитые опыты Бернгейма демонстрируют, что если человека загипнотизировать и внушить ему совершить некоторое действие, то он это действие совершит после выхода из гипноза. Если затем его спросить о причине, которая побудила его сделать то, что ему внушили – он придумает вполне рациональную причину. Сновидение может работать также: создается рациональное объяснение того состояния, которое было вызвано процессами в мозге пока человек спал. Тогда сновидение – это миф, который создается нашей способностью находить рациональную причину для субъективных переживаний.

Однако то, что сюжет сна представляет собой «объяснение» эмоции, не означает, что мы не можем толковать отдельные элементы сюжета сновидения. Если человека нужно было разбудить, то почему ему приснилась именно японка с ногтями? Почему именно этот сюжет? Разумеется, в этом сновидении нет никакой реализации желания – есть только объективация неприятной эмоции. Но элементы сновидения все равно откуда-то взялись. И этот конкретный набор вряд ли является совершенно бессмысленным. В конце концов, сюжет сновидения действительно представляет собой «небывалый набор прошлых впечатлений». Можно использовать метод Фрейда и попытаться анализировать сон при помощи аналогий. В этом случае приходится признать некоторую изощренность сознания или просто согласиться с шуткой о том, что циничнее философа только патологоанатом. Но следует помнить, что сюжет сна, скорее всего, представляет собой реакцию на такое раздражение, которое вряд ли можно встретить в состоянии бодрствования. Как мы можем интерпретировать сюжет сна, если мы когнитивно замкнуты по отношению к причине его появления? И если в

описанном случае все довольно просто: эмоция и должна была быть неприятной, то как интерпретировать те сновидения, после которых остается совершенно непонятное эмоциональное послевкусие? В любом случае, в сновидении важнее состояние, в котором человек просыпается, а не сюжет. Сюжет – это обертка одной выделенной эмоции, которая представляет собой реакцию сознания на какие-то биохимические процессы в мозге в состоянии сна.

Таким образом, сновидение – это следствие существования у нас модуля субъективности. Этот модуль нужен для функционирования организма в состоянии бодрствования. Обезьяна однажды «прозрела» - у нее появилось сознание. И мир после этого изменился - ей начали сниться сны.

Кошка может видеть сны в том смысле, что в ее мозге проходят те же реакции во время сна, что и у нас. Но кошка никогда не сможет толковать свое сновидение. И не потому, что не умеет говорить, а потому, что толковать ей нечего. Биохимические реакции в мозге кошки не сопровождаются «вспышкой сознания». Мир кошки четко поделен на мир сна и мир поискового поведения. У человека мир сновидения проникает в мир бодрствования и этот процесс не подчиняется логике естественного отбора. Толкование сна – это объяснение той эмоции, которую нельзя встретить в мире бодрствующего сознания. Есть мир, в котором выполняет свои функции субъективность, и есть мир, в котором субъективность не нужна. В мире сна нужно спать и не нужно видеть сновидения. Но обезьяна, обладающая сознанием, увидела то, что видеть ей не полагалось. Мы воспринимаем суть химические реакции, которые проходят в тени поискового поведения.

Если сознание – это эпифеномен, то значит ли это, что и его следствия также являются эпифеноменами? Пусть сознание не оказывает никакого влияния на жизнь человека, но не оказывает ли влияние сновидение? Представим себе двух обезьян, которые абсолютно идентичны. Они одинаковы вплоть до количества и расположения элементарных частиц в их

телах. Теперь одной из этих обезьян добавим сознание в виде приватных данных. Допустим, что их поведение будет одинаковым. После этого мы их усыпим. Будет ли одинаковым их поведение после того, как они проснутся? Не начнет ли обезьяна с сознанием рисовать веткой на песке картины вроде тех, что рисовал Дали? Неужели та информация, которая пришла из мира биохимических реакций, которая окрасилась эмоцией и обзавелась сюжетом, не окажет никакого эффекта в реальном мире? Есть мир поискового поведения, и есть мир сна. Человек обладает способностью при помощи орудия из первого мира, вторгаться во второй мир и получать некоторый продукт, который проходит через границу между этими мирами.

Дело не в том, что человек обладает сознанием, а в том, что у сознания могут быть следствия. Если сознание выполняет конкретную функцию, то это не значит, что его влияние на нашу жизнь исчерпывается этой функцией. Могут быть явления, которые сопутствуют сознанию, но не укладываются в логику эволюционного развития. В этом случае такие «спутники сознания» формируют пространство сугубо антропологической реальности, которая не может быть описана при помощи эволюционистской терминологии.

4. Следствия сознания: сновидение и искусство

Сегодня сильна тенденция описывать каждое явление в жизни человека при помощи логики биологического развития организма. Так Рамачандран попытался описать природу искусства при помощи психофизиологии.²⁴⁷ Подобный подход получил название нейроэстетики. Согласно Рамачандрану, искусство усиливает некоторый образ. Например, скульптура богини Паравати имеет нарочито усиленный образ женщины: у нее большая грудь, узкая талия и широкие бедра. Эта фигура анатомически неправильна, но при этом она настолько усиливает образ, что воспринимается как эталон

²⁴⁷ Рамачандран Вилейанур С. Рождение разума. Загадки нашего сознания. – М.: ЗАО «Олимп – Бизнес», 2006. С. 50 - 71

женственности. Подобное усиление Рамачандран называет искусством. Безусловно, он указывает на те механизмы нашего восприятия произведения искусства, которые действительно существуют. Но это лишь показывает, что искусство неоднородно, и те объекты, которые мы называем произведениями искусства, могут иметь разную природу. Какой образ усиливают картины Дали? Возможно, искусство – это объективация того, что человек увидел «случайно», благодаря тому, что сознание функционирует не только в те моменты, ради которых «было задумано».

Таким образом, у сознания могут быть следствия, которые способны оказывать влияние на нашу жизнь. И если это действительно так, то эти «спутники сознания» формируют пространство сугубо антропологического. Примером таких следствий могут быть сновидение и искусство. Тогда возникают два вопроса. Во-первых, насколько эти следствия сознания определяют нас и как деформируют нашу биологическую природу? Во-вторых, если сознание является эпифеноменом, то значит ли это, что и его следствия не оказывают никакого влияния на нашу жизнь? Если пока не получается решить «трудную проблему сознания» и выяснить причины существования субъективных переживаний, то можно попробовать поработать со следствиями сознания, которые вносят возмущения в заданную эволюцией и биологией природу человека, и по этим возмущениям попытаться более точно определить место изучаемого объекта. В любом случае, исследование сна и сновидений способно пролить свет на феномен субъективности и помочь в поиске решения «трудной проблемы сознания».

Вывод

В предыдущей главе была описана модель, согласно которой шизофрения является следствием сознания, которое представляет собой крайнее развитие этого видоспецифического признака. Задачей этого параграфа было рассмотрение сновидения как не обладающего своей

собственной выделенной функцией следствия сознания. Это нужно было для того, чтобы указать на неэффективность исключительно эволюционистской трактовки природы человека.

Возможно, сновидение является эволюционной случайностью. А это значит, что попытки описать человечество и культуру, исходя из исключительно эволюционных потребностей и трансформаций, не являются в полной мере корректными. Потому что подобное следствие сознания может оказывать такое влияние на нашу жизнь, которое не может быть просчитано. Как узнать, какая именно эмоция была зашифрована в сновидении, если само существование этой эмоции и, следовательно, сюжета является эволюционной случайностью? Как предугадать попытку передачи этой эмоции или сюжета другому человеку?

Таким образом, вызывают сомнения попытки описать культуру²⁴⁸ и искусство²⁴⁹ в терминах эволюционизма.

²⁴⁸ Шеффер, Ж.-М. Конец человеческой исключительности / Пер. с фр. С.Н. Зенкина. — М.: Новое литературное обозрение, 2010.

²⁴⁹ Рамачандран Вилейанур С. Рождение разума. Загадки нашего сознания. — М.: ЗАО «Олимп – Бизнес», 2006.

Заключение

В данной работе обосновывается представление о сознании, как об объекте, обладающим двумя атрибутами: изображением и воображением. Обосновывается предположение, что сознание является видоспецифическим признаком человека, который в ходе эволюции развивался под действием стабилизирующего отбора. При этом делается предположение, что крайним развитием этого признака является шизофрения.

Проблема субъективного опыта является одним из главных вопросов современной науки. Этот вопрос можно разделить на две части. Во-первых, мы пока не знаем, каким образом физиологические процессы приводят к появлению сознательного опыта. Онтологическое отличие биохимических коррелятов сознательного опыта от феноменальных состояний на сегодняшний день кажется непреодолимой трудностью. Во-вторых, непонятна причина существования субъективного опыта. В настоящее время отсутствует общепринятое представление о функции субъективности. И если первый вопрос сложно анализировать в рамках философии, то к ответу на второй вопрос можно приблизиться благодаря философскому анализу проблемы.

Анализ современных дискуссий вокруг проблемы сознания показал, что в настоящее время нет общепринятых представлений о природе сознательного опыта. При этом философские дискуссии разворачиваются вокруг возможности влияния идеального объекта, то есть сознания, на материальный мир. Все чаще можно встретить мысль, что анализ проблемы взаимодействия сознания и материи выходит за рамки философии. Поэтому в данной работе базисным является предположение, что сознание не является эпифеноменом физиологических процессов и способно оказывать влияние на поведение. Это предположение является результатом анализа современных дискуссий о сознании и результатом убежденности автора в бесперспективности философского спора о том, как возможно влияние

сознания на материю и как могут взаимодействовать онтологически разные объекты. Более продуктивным кажется поиск функции сознания и возможных следствий его наличия. В работе делается попытка обнаружить тот момент существования человека, для описания которого с необходимостью придется обращаться к функции субъективного опыта для объяснения поведения человека и который нельзя будет объяснить работой бессознательных механизмов.

В ходе философско-антропологического анализа природы субъективного опыта было выявлено, что у сознания есть два атрибута: изображение и воображение. Изображение – это феноменальный опыт. Воображение – это способность моделировать ситуацию, то есть реализация наличия сознания. Для обоснования этого положения был предложен мысленный эксперимент «мечтающий зомби», который показал, что наличие феноменального мира является необходимой составляющей поведения человека. Главным аргументом являлось то, что интенциональная установка не позволяет корректно описать поведение гипотетического человека, не обладающего внутренними переживаниями, в условиях необходимости моделировать некоторое действие. Мысленный эксперимент «мечтающий зомби» введен в работу для того, чтобы указать на то, что субъективные переживания являются причиной удовольствия, которое испытывает субъект, когда моделирует приятную для него ситуацию. Этот простой мысленный эксперимент позволяет создать довольно отчетливую и конкретную модель возможного влияния приватного опыта на поведение, а также указать на те механизмы, которые могут участвовать в этом процессе.

При анализе этого мысленного эксперимента автор в поисках биологических коррелятов возможного влияния субъективного опыта на поведение обратился к физиологическим причинам удовольствия. В ходе исследования в текстах, посвященным актуальным проблемам психологии, психофизиологии и психопатологии, была отмечена значимая, с точки зрения автора, для философского анализа проблемы сознания корреляция:

нарушение системы подкрепления, которая участвует в процессе возникновения чувства удовлетворения, является одной из причин шизофрении.

Учитывая то, что наличие внутренних переживаний с высокой степенью вероятности является видоспецифическим признаком человека и шизофрения является видоспецифическим заболеванием человека, а также то, что симптоматика шизофрении включает в себя нарушения, которые традиционно связывают с нарушением функций сознания, автор предположил, что возможна корреляция между этими фактами, а ее исследование может быть полезным. Если это действительно так, то пренебрегать этой связью субъективного опыта и шизофрении нельзя: в работе делается предположение о тесной связи факта наличия у человека субъективного опыта и шизофрении.

Исследование природы этой связи показало, что сознание можно представить в виде видоспецифического признака, развитие которого в ходе эволюции шло по пути стабилизирующего отбора, при котором в популяции закрепляется средняя характеристика признака. В этом случае характеризующей чертой данного признака является способность организма реагировать на внутренние состояния – организм может реагировать более интенсивно или менее интенсивно в зависимости от врожденных способностей, пола или приобретенных навыков. Принимая во внимание симптоматику шизофрении, делается предположение, что наиболее выраженное развитие этого признака может быть причиной данного заболевания. То есть шизофрения – это врожденное заболевание, причиной которого является чрезмерно развитая способность реагировать на внутренние состояния, которая представляет собой суть актуализацию сознания. Таким образом, сознание может быть не только полезной способностью человека, но и в некоторой степени вредным эволюционным приобретением.

Одним из следствий такого понимания сознания является представление о том, что в нашей популяции этот признак распределен неравномерно. Это не значит, что среди людей есть те, кто не обладают сознанием или статусом наблюдателя и не имеют субъективного опыта вообще, то есть являются аналогом «философского зомби» - это слишком сильное предположение. Но значит лишь, что функция субъективного опыта может быть не одинаково реализована в людях.

В работе делается предположение о существовании минимально развитой способности реагировать на внутренние состояния. Это предположение нужно для того, чтобы указать на полную противоположность шизофрении как максимального проявления признака. В принятой схеме характеристикой такой противоположности должна быть слабая способность человека реагировать на внутренние переживания, что проявляется незначительной способностью моделировать воображаемую ситуацию, слабой, по сравнению с нормой, способностью реагировать эмоцией на внутренние состояния. При этом все когнитивные функции, основанные на бессознательных механизмах, должны работать нормально. В ходе исследования удалось обнаружить, что претендентом на такую противоположность может быть другая психическая девиация – психопатия.

Помимо психических девиаций, к следствиям наличия у человека субъективного опыта были отнесены такие явления, как сновидение и искусство. Согласно представлениям автора сновидение не обладает своей выделенной функцией и является случайным следствием работы сознания. Автор предполагает, что искусство также не обладает только лишь адаптивной функцией и является следствием сознания. Список следствий сознания не является полным и остается открытым.

Принимая во внимание, что способность моделировать ситуацию является не только фиксированной врожденной способностью, но и может представлять собой развитие навыка, была сделана попытка указать на возможные следствия усиленной работы воображения. В ходе исследования

было введено представление о «творческом максимуме», который представляет собой результат такой усиленной работы. При этом делается предположение, что «творческий максимум» является необходимым элементом для построения метафизической системы, а сама метафизика представляет собой пример работы сознания по небиологическим принципам и не является полезным с точки зрения биологии видом деятельности. При этом предполагается, что метафизика может быть определена как поиск рациональных оснований для субъективных переживаний, вызванных усиленной работой сознания.

Дальнейшее исследование в данном направлении может включать в себя анализ взаимодействия языка и сознания, анализ причины появления такой способности как воображение, изучение структуры сознания, исследование взаимодействия коммуникации и сознания.

Результаты работы могут иметь практическое значение в области исследования сознания и психических девиаций. Автор предполагает, что исследование нейробиологических коррелятов процессов моделирования, то есть воображения, может быть полезным в поиске биологических причин шизофрении, а также в обнаружении вариантов лечения этого заболевания. Крайне заманчивой является перспектива экспериментальной проверки предложенных в работе положений. Наиболее простым с точки зрения организации является исследование воображения методами психологической науки, которое может быть проведено на основе предложенных в работе моделей. Существует возможность разработать ряд психологических экспериментов по исследованию воображения у людей разных возрастов, социальных групп, пола и психической организации для анализа предлагаемых моделей. Результаты этих экспериментов могут быть довольно информативными. Если у людей с психопатией реализация способности воображения отличается на физиологическом уровне от реализации этой способности в норме, то это различие может говорить в пользу предлагаемой в работе модели.

Автор полагает, что найденные корреляции и предлагаемые следствия этих корреляций не являются лишь необоснованными спекулятивными построениями и действительно указывают на перспективный путь исследования сознания. Следует обратить внимание на то, что данная работа была основана на современных исследованиях сознания. Так за исследование системы подкрепления в 2000 году была присуждена Нобелевская премия, дофаминовая теория шизофрении является в настоящий момент наиболее перспективной и обсуждаемой теорией, а поиск возможного влияния сознания на мозг является одной из приоритетных задач, которая привлекает внимание наиболее заметных специалистов в области нейробиологии и психологии, в том числе и нобелевских лауреатов. Это указывает на то, что выбранная в данной работе проблема и способ ее раскрытия соответствуют последним тенденциям в науке. Поэтому объединение фундаментальных проблем в области философии сознания, психологии, нейробиологии и психиатрии представляется крайне перспективным направлением исследования.

Библиография

1. Аллахвердов В. М. Зачем нужно сознание, или почему мы делаем ошибки? // Экспериментальная психология в России: традиции и перспективы. - Институт психологии РАН. 2013.
2. Аллахвердов В. М. Научное исследование как тривиализация обоснованной ахинеи // Теория и методология психологии: Постнеклассическая перспектива / Отв. ред. А.Л. Журавлев, А.В. Юревич. - М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2007. - 528 с.
3. Аллахвердов В. М. Процесс осознания в контексте когнитивной науки. «Психология. Журнал Высшей школы экономики» 2006. Т. 3. № 2.
4. Барг Джон, Марк Чен, Лара Берроуз. Автоматизмы в социальном поведении. // Горизонты когнитивной психологии: Хрестоматия. – М.: Языки славянских культур; М.:Российский государственный гуманитарный университет (РГГУ), 2012.
5. Бейтсон Грегори. «Двойное послание». // Шаги в направлении экологии разума: Избранные статьи по психиатрии. – М.: КомКнига, 2005.
6. Блейлер Э. Аутистическое мышление. URL: <http://www.autism.ru/read.asp?id=144&vol=0> (Дата обращения: 13. 09. 2012)
7. Блейхер В.М., Крук И.В. Толковый Словарь Психиатрических Терминов. URL: <http://bookitut.ru/Tolkovyj-slovarj-psikhiatricheskikh-terminov.1.html> (Дата обращения: 11.09.2013)
8. Большой психологический словарь / Сост. и общ. Ред. Б. Мещеряков, В. Зинченко, - СПб.: прайм-ЕВРОЗНАК, 2002
9. Бородай Ю. М. Эротика—смерть—табу: трагедия человеческого сознания. М.: Гнозис, Русское феноменологическое общество, 1996 г.
10. Буданов Владимир Григорьевич. Методология синергетики в постнеклассической науке и в образовании. М.: Издательство ЛКИ, 2007. (Синергетика в гуманитарных науках)

11. Бурменская Г.В., Евдокимова Л.В. Формирование комбинаторного мышления у младших школьников и подростков // Вопросы психологии №2, 2007.
12. Васильев В.В. Кока-кола и секрет Китайской комнаты // Философия сознания: классика и современность: Вторые Грязновские чтения. – М., Издатель Савин С.А., 2007.
13. Васильев В.В. Трудная проблема сознания. – М.: Прогресс-Традиция, 2009.
14. Васильев Вадим Валерьевич. Сознание и вещи: Очерк феноменологической онтологии. М.: Книжный дом «ЛИБРОКОМ», 2014.
15. Выготский Л. С. К проблеме психологии шизофрении // Современная проблема шизофрении. Доклад на конференции по шизофрении. М., 1933,
16. Гильбурд О. А. Шизофрения: семиотика, герменевтика, социобиология, антропология. – М.: Издательский дом видар-М, 2007.
17. Гиппенрейтер Ю.Б. Введение в общую психологию. URL: <http://bookre.org/reader?file=37167> (Дата обращения: 25.06.2014)
18. Гиренок Ф. Абсурд и речь. Антропология воображаемого. — М.: Академический Проект, 2012. — 237 с. — (Философские технологии: hic et nunc).
19. Гиренок Федор. Аутография языка и сознания. – М.: МГИУ, 2010. (Серия «Современная русская философия»).
20. Гиренок Федор. По ту сторону сознания и инстинкта // Русская философия XXI века. Максимы. – ИОИ, 2014.
21. Грант. В. Эволюция организмов. - М.: "МИР", 1980.
22. Деннет Д. Условия личностного / Юлина Н. С. Головоломки проблемы сознания: концепция Дэниэла Деннета. – М.: Канон+, 2004.
23. Деннет Дэниэл С. Виды психики: На пути к пониманию сознания. – М, Идея-Пресс, 2004.

24. Джонсон П.Б. Шизофрения: клин. Руководство / Питер Б. Джонсон, Питер Ф. Бакли; - М.: МЕДпресс-информ, 2008.
25. Достоевский Ф. М. Записки из подполья: повесть. – СПб.: издательский Дом «Азбука-классика», 2008.
26. Доукинз Ричард. Эгоистические гены и эгоистические мемы. // Хофштадтер Д., Деннет Д. Глаз разума. – Самара: Издательский Дом «Бахрах-М», 2003.
27. Дубровский Д. И. Новое открытие сознания? // Вопросы философии, №7, 2003.
28. Дубровский Д. И. Субъективная реальность и мозг. К вопросу о полувековом опыте разработки «трудной проблемы сознания» в аналитической философии // Проблема сознания в междисциплинарной перспективе. – М.: Канон+ РООИ «Реабилитация», 2014.
29. Естественный и искусственный интеллект: методологические и социальные проблемы / Под ред. Д. И. Дубровского и В. А. Лекторского. – М.: «Канон+» РООИ «Реабилитация», 2011.
30. Зинченко В. П. Сознание и творческий акт. – М. Языки славянских культур, 2010.
31. Зорина З.А., Смирнова А.А. О чем рассказали «говорящие» обезьяны: Способны ли высшие животные оперировать символами? / Науч. Ред. д. биол. н. И. И. Полетаева; Предисл. А. Д. Кошелева; Послесл. Вяч. Вс. Иванова и А. Д. Кошелева. – М.: Языки славянских культур, 2006. – (Studia naturalia).
32. Кандель Э. В поисках памяти: Возникновение новой науки о человеческой психике / М.: Астрель: CORPUS, 2012.
33. Кант И. Антропология с прагматической точки зрения // Критика чистого разума. – М.: Эксмо; СПб.: Мидгард, 2007.
34. Кант И. Критика чистого разума // Иммануил Кант. Критика чистого разума; [пер. с нем., предисл. И. Евлампиева]. – М.: Эксмо; СПб.: Мидгард, 2007.

35. Кант И. Основы метафизики нравственности // Иммануил Кант. Критика чистого разума; [пер. с нем., предисл. И. Евлампиева]. – М.: Эксмо; СПб.: Мидгард, 2007. – С. 620
36. Кант, Иммануил. Критика способности суждения. / Сочинения в шести томах. [Под общ. ред. В. Ф. Асмуса, А. В. Гулыги, Т. И. Ойзермана.] М., «Мысль», 1966. (Философ, наследие. Акад. наук СССР. Ин-т философии) Т. 5.
37. Комер Рональд. Основы патопсихологии. URL: <http://www.studfiles.ru/preview/398829/> (дата обращения 10.02.2014)
38. Косилова Е. В. Психиатрия: опыт философского анализа: монография. – Москва: Проспект, 2014.
39. Лагун Игорь Яковлевич. Причинность шизофрении. Конспект-анализ проблемы. URL: <http://www.medlinks.ru/sections.php?op=listarticles&secid=91> (Дата обращения: 12.04. 2014)
40. Лоренц К. Так называемое зло. К естественной истории агрессии // Так называемое зло. – М.: Культурная революция, 2008. – (Современные классики).
41. Мамардашвили Мераб. Как я понимаю философию // Москва, «Культура», 1993
42. Мерзляков С. С. Может ли зомби мечтать? // Эпистемология и философия науки. №2, 2013.
43. Мерзляков С.С. Функция сновидений в контексте «Трудной проблемы сознания». // Вестник Московского Университета. Серия 7: Философия. 2014. №1.
44. МКБ-10. URL: <http://mkb-10.com/index.php?pid=4161> (Дата обращения: 12.07.2014)
45. Нагель Томас. Каково быть летучей мышью? // Хофштадтер Д., Деннет Д. Глаз разума. – Самара: Издательский Дом «Бахрах-М», 2003.

46. Науменко О.В. Неосознаваемая оценка правильности решения арифметических и логических задач // Сборник по материалам лучших дипломных работ факультета психологии СПбГУ, 2007
47. Николаева Е. И. Психофизиология. Психологическая физиология с основами физиологической психологии. Учебник. – М.: ПЕРСЭ, 2008.
48. Ницше Ф. Веселая наука. / Соч.: В 2 т. Т. 1. М., 1996.
49. Ницше Ф. По ту сторону добра и зла. // Ницше Ф. По ту сторону добра и зла: Сочинения. – М.: Эксмо; Харьков: Фолио, 2007.
50. Палмер Дж. Эволюционная психология. Секреты поведения Homo sapiens / Джек Палмер, Линда Палмер. – СПб.: Прайм-ЕВРОЗНАК, 2007.
51. Пиаже Ж. Характер объяснения в психологии и психофизический параллелизм. // Экспериментальная психология. Под ред. П. Фресса и Ж. Пиаже, М.: Прогресс, 1966, Вып. I, II.
52. Прист Стивен. Теории сознания. Перевод с англ. Грязнова А. Ф. – М.: Идея-Пресс, Дом интеллектуальной книги, 2000.
53. Проблема сознания в междисциплинарной перспективе / Под ред. В. А. Лекторского. – М.: «Канон+» РООИ «Реабилитация», 2014.
54. Прогресс дофаминовой теории шизофрении. Справочное издание для врачей. Под редакцией Арвида Карлссона. URL: <http://scilib.biz/psihologiya-psihiatriya/progress-dofaminovoy-teorii-shizofrenii.html> (Дата обращения: 06.06. 2014)
55. Психофизиология: Учебник для вузов / Под ред. Ю. И. Александрова. – 3-изд., доп. И перераб. – СПб: Питер, 2008.
56. Пуанкаре А.. Математическое творчество // Психология мышления. Под ред. Ю. Б. Гиппенрейтер. – М.: АСТ: Астрель, 2008.
57. Пушкин В.Н., Шавырина Г.В. Саморегуляция продуктивного мышления и проблема бессознательного в психологии // Материалы Международного симпозиума по проблемам бессознательного. Т.1 - Тбилиси, 1978

58. Рамачандран Вилейанур С. Рождение разума. Загадки нашего сознания. – М.: ЗАО «Олимп – Бизнес», 2006.
59. Розанов В. В. Опадающие листья. Короб первый. // Уединенное; Опадающие листья. Короб первый; Опадающие листья. Короб второй и последний: Трилогия / Вступ. Ст., коммент. А. Н. Николутина. – М.: Мир книги, Литература, 2006. – («Великие мыслители»).
60. Рустанович А.В. Шизофрения: Учебное пособие. – СПб.: ЭЛБИ-СПб, 2012.
61. Савельев С.В. Изменчивость и гениальность. — М.: ВЕДИ, 2012. С. 25
62. Сакс, О. Человек, который принял жену за шляпу, и другие истории из врачебной практики. / Оливер Сакс. – М.: АСТ: Астрель: Полиграфиздат, 2012.
63. Самохвалов В. П. Психиатрия (Учебное пособие для студентов медицинских вузов). — Феникс, 2002.
64. Серл, Джон. Открывая сознание заново. Перевод с англ. А. Ф. Грязнова. М.: Идея-Пресс, 2002. – С. 35
65. Сирл Джон Р. Разум, мозг и программы // Хофштадтер Д., Деннет Д. Глаз разума. – Самара: Издательский Дом «Бахрах-М», 2003.
66. Слотердайк П. Критика цинического разума. – Екатеринбург: У-Фактория, М.: АСТ МОСКВА, 2009.
67. Сухарева Г. Е. Лекции по психиатрии детского возраста. Избранные главы. URL:
http://lib.unidubna.ru/search/files/ps_syhareva_lect/~ps_syhareva_lect.htm
(Дата обращения: 27.09.2012)
68. Таль М.. Мышление шахматиста // Психология мышления. Под ред. Ю. Б. Гиппенрейтер. – М.: АСТ: Астрель, 2008.
69. Тьюринг А. М.. Вычислительные машины и разум // Хофштадтер Д., Деннет Д. Глаз разума. – Самара: Издательский Дом «Бахрах-М», 2003.

70. Философия сознания: Аналитическая традиция. Третьи Грязновские чтения. Материалы Международной научной конференции (6 – 7 ноября 2009 г.) – М.: Современные тетради, 2009.
71. Философия сознания: классика и современность: Вторые Грязновские чтения. – М., Издатель Савин С. А., 2007
72. Франкл Виктор. Доктор и душа. URL: <http://gigabaza.ru/doc/30964.html>
(Дата обращения: 03. 07. 2013)
73. Фрейд З. Художник и фантазирование // Фрейд З. Художник и фантазирование: Пер. с нем. / Под ред. Р. Ф. Додельцева, К. М. Долгова — М.: Республика, 1995. — 400 с: ил. — (Прошлое и настоящее)
74. Фрит, Кристофер. Шизофрения: краткое введение / Кристофер Фрит, Эва Джонстон: пер. с англ. Ю. В. Крижевской. – М.: Астрель: АСТ, 2005.
75. Хайдеггер М. Что такое метафизика? // Время и бытие: Статьи и выступления / Пер. с нем.; Сост., пер., вступ. Ст., коммент. И указ. В.В. Бибикина. – СПб.: Наука, 2007. – (Серия «Слово о сущем»; т. 70).
76. Хаэр Роберт. Лишённые совести: пугающий мир психопатов. URL: <http://www.universalinternetlibrary.ru/book/20767/ogl.shtml> (Дата обращения: 04. 03. 2013)
77. Хофманн Альберт. ЛСД - мой трудный ребенок. URL: <http://bookre.org/reader?file=121150> (Дата обращения: 04.02.2014)
78. Хофштадтер Д., Деннет Д. Глаз разума. – Самара: Издательский Дом «Бахрах-М», 2003.
79. Хофштадтер Даглас. Размышления о статье Нагеля «Каково быть летучей мышью?» // Хофштадтер Д., Деннет Д. Глаз разума. – Самара: Издательский Дом «Бахрах-М», 2003.
80. Черниговская Т. В.. Зеркальный мозг, концепты и язык: цена антропогенеза // Физиологический журнал им. И.М.Сеченова. 2006, т.92, №1.

81. Шеффер, Ж.-М. Конец человеческой исключительности / Пер. с фр. С.Н. Зенкина. — М.: Новое литературное обозрение, 2010.
82. Эдмонс Дэвид, Джон Айдиноу. Кочерга Витгенштейна. Новое литературное обозрение. Москва. 2004.
83. Юлина Н. С. Философский натурализм: О книге Дэниэла Деннета «Свобода эволюционирует»: Научная монография / Н. С. Юлина. М.: «Канон+» РООИ «Реабилитация», 2007
84. Юлина Н. С. Головоломки проблемы сознания: концепция Дэниела Деннета. — М.: Канон+, 2004.
85. Яковлев Н. М. Психофизиологические особенности шизофрении у подростков. — СПб.: Нестор-История, 2013.
86. Уорнер Р. Шизофренія і середовище: Інновації в лікувальній практиці, політиці і в галузі масової комунікації / Пер. з англ. С.Альошкіної. — К.: Сфера, 2004. — 198 с. — Рос. мовою.
87. Abi-Dargham Anissa. Do we still believe in the dopamine hypothesis? New data bring new evidence. // International Journal of Neuropsychopharmacology (2004), 7 (Supplement 1), S1–S5.
88. Blackmore S. Conversations on Consciousness. Oxford University Press, 2006.
89. Buckholtz Joshua W. Mesolimbic dopamine reward system hypersensitivity in individuals with psychopathic traits. Nature Neuroscience 13, 419–421. 2010
90. Chalmers D. J. Facing up to the problem of consciousness // Explaining Consciousness — The "Hard Problem", ed. by J. Shear. Cambridge MA, 1997. P. 9–30.
91. Crick Francis, Mitchison Graeme, Nature, 1983, p. 111
92. Crow Timothy J. Is schizophrenia the price that Homo sapiens pays for language? // Schizophrenia Research, 28 (1997). P. 127-141

93. Davies G; Welham J, Chant D, Torrey EF, McGrath J (2003). «A systematic review and meta-analysis of Northern Hemisphere season of birth studies in schizophrenia». *Schizophrenia Bulletin* 2003;29 (3): P. 587-593.
94. Day R; Nielsen JA, Korten A, Ernberg G, Dube KC, Gebhart J, Jablensky A, Leon C, Marsella A, Olatawura M, et al. «Stressful life events preceding the acute onset of schizophrenia: a cross-national study from the World Health Organization. *Culture, Medicine and Psychiatry* 11 (2), 1987: P.123–205.
95. Dennett D. *Conditions of Personhood* // D.C. Dennett. *Brainstorms. Philosophical Essays on Mind and Psychology*. Ch. 14. MIT Press, Cambridge Mass., L., 1986. P. 267—299.
96. Dodd Leann, MD; Kevin J. Klos, MD; James H. Bower, MD; Yonas E. Geda, MD; Keith A. Josephs, MST, MD; J. Eric Ahlskog, PhD, MD. *Pathological Gambling Caused by Drugs Used to Treat Parkinson Disease. Arch Neurol.* 2005 Sep;62(9):1377-81. *Arch Neurol*
97. Hobson Allan, Edward F. Pace-Schott, Robert Stickgold, *Behavioral And Brain Sciences*, (2000), p. 793-842
98. Howes Oliver D., Shitij Kapur. *The Dopamine Hypothesis of Schizophrenia: Version III—The Final Common Pathway / Schizophrenia Bulletin*, Volume 35, Issue 3, p. 549-562
99. Jackson F. *Epiphenomenal qualia* // *There's Something About Mary*, ed. by P. Ludow, Y. Nagasawa, and D. Stoljar. Cambridge MA, 2004. P. 39-50.
100. Koch Christof and Francis Crick. *On the zombie within. Nature* 411, 893 (21 June 2001)
101. Leeuwen Neil Van. *Imagination is where the action is* // *The journal of philosophy*, volume CVIII, no. 2, February 2011
102. McGinn C. *The Mysterious Flame: Conscious Minds in a Material World*. N.Y., 1999.
103. Nagel T. *What is like to be a Bat?* // *Philosophical Review*. 1974. Vol. LXXXIII. № 4. P. 435-450.

104. Owen Adrian, et al. Detecting Awareness in the Vegetative State // Science. 2006. Vol. 313. P. 1402
105. Polger Thomas and Owen Flanagan. Consciousness, adaptation and epiphenomenalism / James H. Fetzer (ed.), Consciousness Evolving. John Benjamins (2002)
106. Previc Fred. The Dopaminergic Mind in Human Evolution and History. CAMBRIDGE UNIVERSITY PRESS. 2009.
107. Revonsuo Antti, Behavioral And Brain Sciences, 2000, p. 844 - 1121
108. Searle J. R. Minds, Brains, and Programs / The Nature of Mind, ed. by D. Rosenthal. N. Y., 1991. P. 509-519.
109. Sharot Tali, Tamara Shiner, Annemarie C. Brown, Judy Fan and Raymond J. Dolan. Dopamine Enhances Expectation of Pleasure in Humans / Current Biology, Volume 19, Issue 24, 2077-2080, 12 November 2009
110. Weinstock Jeremiah; David M Ledgerwood; Vania Modesto-Lowe; Nancy M Petry // Ludomania: cross-cultural examinations of gambling and its treatment. Rev. Bras. Psiquiatr. vol.30 suppl.1 São Paulo May 2008 Epub Jan 31, 2008